

ГЕКТОР ШУЛЬЦ

ХРОНИКИ АЛЫХ НОЧЕЙ.

СЕРДЦЕ ИЗГОЯ.

Холодная ночь, пропитанная колючим дождем и сигаретным дымом. Мрачный пассажир со странными глазами. Древние легенды, вдруг ожившие и ставшие частью жизни. И бледная луна в окружении бриллиантовых звезд...

Таксист Филипп Уорд не знал, что необычный пассажир со странными глазами, сам того не ведая, откроет ему дверь в другой мир. Мир, где древние легенды стали реальностью, где вампиры живут рядом с людьми, а магия не является сказкой.

Глава 1

Пролог.

— Папа, ты что-то увидел?

— А? — нахмурился кузнец, прижимая к намокшей от пота груди тяжелый молот. Он сглотнул липкую слюну и еще раз посмотрел на черную опушку леса.

— Ты что-то увидел? — переспросила девочка в простеньком шерстяном платье, прижавшись к его бедру. Кузнец растянул непослушные губы в улыбке, а потом потрепал ребенка по голове.

— Нет. Показалось, Иванка. Иди в дом, — хрипло ответил он, продолжая напряженно всматриваться в темноту. Девочка поджала губы и нехотя оторвалась от отца, а затем сделала робкий шаг к низенькому домику, в окнах которого горел желтый свет.

— Пап...

— Иди, иди. Помоги матери на стол накрыть, — хмыкнул он. — Я сейчас приду. Кузню закрою и приду.

— Хорошо, — пожал плечами Иванка и, развернувшись, бросилась к дому. Кузнец, проводив дочь взглядом, снова нахмурился и покачал головой.

— Тихо, — прошептал он, взъерошивая грязные волосы. — Даже птицы молчат.

После этих слов со стороны леса раздался тихий вой. Похоже на волка, но кузнец знал, что это был не волк.

Он быстро подбежал к кузне под навесом и трясущимися руками подкинул в горн еще сухих дров. Тлеющие алым угли сразу же принялись за дерево и скоро багровые язычки пламени взметнулись вверх, отбрасывая диковинные тени на стены и землю.

Кузнец, перекрестившись, вытащил из кожаных ножен, висящих на деревянном столбе, длинный меч и, перехватив его двумя руками, напряженно всмотрелся в темноту. Вой на этот раз раздался еще ближе, а ответом ему было тихое поскуливание Снежка, который забился в дыру под домом и дрожал, как осиновый лист. Кузнец зло чертыхнулся, а потом, подкинув в горн еще дров, громко велел жене, которая с тревогой выглянула из дома, убираться обратно и запереть дверь.

— Быстро! — рявкнул он, обводя безумными глазами темный двор. — И детей спрячь.

— Любош...

— Не спорь, Марика. Запри дверь и не высовывайся. Если я буду просить тебя впустить меня, не открывай! Слышишь?! — крикнул он. Жена, кивнув, громко хлопнула дверью, а кузнец устало улыбнулся, когда услышал грохот чего-то тяжелого, придвигаемого к двери. Затем он сделал робкий шаг, покидая круг света, и охнул, когда ему в спину врезалось что-то большое и волосатое.

Кузнец перекатился в сторону, схватил выпавший из рук меч и, развернувшись лицом к врагу, оторопел. Перед ним никого не было, но тихий и холодный смех, раздавшийся рядом с ухом, заставил его вздрогнуть и взмахнуть мечом. Смех повторился, когда клинок разрезал со свистом воздух. На этот раз у другого уха. Кузнец глухо заворчал и упал на живот, снова получив удар в спину. Удар был болезненнее первого и оставил после себя четыре рваных полосы на спине.

— Прочь! — закричал Любош, размахивая мечом, как полоумный. Но смех издевательски прозвучал за его спиной. Холодные капли пота обожгли рваные раны, а

Любош похолодел, услышав тихие шаги позади.

— Не слишком вежливо так говорить ночным гостям, — ответил ему хриплый чужой голос. Обернувшись, кузнец увидел уродливого человека в грязно-коричневом плаще и широкополой шляпе. За его спиной стояли еще двое незнакомцев: таких же уродливых и высоких. Они со свистом втягивали воздух и косились на дом за спиной кузнеца. Но человек в плаще не обращал на это внимания. Он с ехидной улыбкой смотрел на Любоша, а тот вдруг понял, что не может отвести взгляд. — Где оно, кузнец?

— Его здесь нет, — ответил Любош, сжимая потными ладонями рукоять меча и острием целясь в грудь незнакомца.

— Врешь, — безразлично бросил тот и улыбнулся. От улыбки кузнеца прошиб пот: зубы незнакомца были желтыми, а клыки удлинились на пару сантиметров. — Может мне спросить твою семью, кузнец?

— Иди к черту, — ругнулся Любош. — Они тебя не впустят в дом.

— Проверим? — зло бросил незнакомец и, повернувшись к своим спутникам, коротко приказал. Так, словно позади него стояли собаки. — Ставр, Синек... Взять!

Незнакомцы сорвались с места и бросились к дому, но подойдя, замерли и неловко потоптались. Затем один из них, широкоплечий в драном тулупе и с длинными волосами, откашлялся и постучал в дверь.

— Пустите меня, — жалобно сказал он голосом Любоша. — Они ушли.

— Не... — Любош не договорил, как незнакомец резко бросился к нему и схватил кузнеца за горло. Вместо крика из горла Любоша вырвался сиплый стон.

— Тише, кузнец, тише. Не мешай забаве, — усмехнулся незнакомец. От него пахло кровью и зверем, но Любош тщетно пытался оторвать взгляд от страшных клыков этого человека. Человека ли?

— Нет. Ты сказал не пускать, — раздался приглушенный голос жены и Любош криво улыбнулся. Молодец, Марика.

— Пусти. Это же я, — не оставляя попыток длинноволосый. Его спутник жадно втягивал носом воздух и тихо поскуливал от нетерпения.

— Не ты. Я рожу твою паскудную в щель вижу.

— Назад, — разочарованно бросил незнакомец, забирая у кузнеца меч, а его самого бросая в сторону пылающего горна. Ставр и Синек тут же вернулись обратно, послушно встав за спиной вожака. Тот вздохнул и покачал головой, после чего тихо спросил. — Ты знаешь, кто мы?

— Знаю, — коротко ответил кузнец. — Они говорили, что вы когда-нибудь придете. Но вы опоздали. Его забрали. Три дня назад.

— У тебя хорошая жена. Верная, — словно не заметив, продолжил незнакомец. — Когда-то у меня тоже была семья. А потом меня бросили, кузнец. Вышвырнули прочь, как безродную шавку. Те, кого ты так защищаешь. Тебя-то они тоже бросили.

— Я защищаю их, потому что обещал. И я сдержу свое обещание, — ответил Любош, массируя шею.

— В таком случае, нет нужды с тобой возиться, кузнец, — улыбнулся незнакомец и отошел в сторону. Затем, посмотрев в сторону дома, снова отдал приказ. — Взять!

Иванка вздрогнула, когда с улицы раздался крик отца. Страшный крик, вибрирующий и хлюпающий. Она зажала ладонями уши и прижалась к матери, которая глотала слезы и крепко сжимала в руках мясницкий нож. Не выдержав, Иванка отбросила побелевшую руку

Марики и бросилась к окну, почти прильнув лицом к прохладному стеклу, а потом отпрянула, когда в окне появилось лицо. Страшное лицо. Человеческое ли?

Человек улыбался. Широко. Его зубы, желтые и редкие, больше походили на оскал зверя, а длинные клыки лишь усиливали сходство. Но страшней всего были его глаза. Глубокого, оранжевого цвета. Как янтарь или древесная смола.

Глаза смотрели прямо в душу Иванки, а она понимала, что не может даже пошевелиться. Зато прекрасно видела, как два других чудовища рвали на части то, что когда-то было её отцом. А страшный человек с оранжевыми глазами смотрел на неё и смеялся. Смеялся беззвучно, но Иванка слышала его смех. Тихий, лающий и довольный.

Вздвогнув, Фил проснулся и, неловко взмахнув рукой, уронил на пол стоящий на столе стакан с остывшим кофе и книгу, которая лежала на коленях. Он покачал головой и, подняв книгу, помассировал виски пальцами, а затем взглянул на часы. Половина второго ночи.

— Черт. Пора работать, — сказал он сам себе и, вытащив из кармана смятую пачку, закурил сигарету. Фил медленно и жадно затянулся, затем залпом выпил из другого стакана воду и, выпустив дым к тусклой желтой лампочке, задумчиво посмотрел на обложку книги, которую читал до того, как уснул. «Легенды старой Европы». С обложки на него скалилось непонятное чудовище, стоящее на опушке нарисованного черного леса.

Филипп Уорд покачал головой, смял окуроч в пепельнице и, взяв со стола ключи от машины, направился к двери. Половина второго ночи. Пора работать, пока всех клиентов другие не расхватали.

Глава первая. Пассажир.

But you can't turn back the time,

It always gonna wait on the line.

...Some may wish never to be born,

Wastin'g the dawn.

the 69 Eyes — Wasting the Dawn

— Дружище, можно закурить? — хрипло спросил пассажир на заднем сиденье. Фил поморщился, когда до него дошли ароматы перегара и нечищенных зубов, а потом кивнул и, вытащив из кармана пиджака смятую пачку, тоже закурил сигарету. Глубоко затянувшись, он выпустил сизый дым в окно и рассеянно посмотрел на светофор, горевший красным, а потом перевел взгляд на зеркало заднего вида и мельком осмотрел пассажира.

Лет, наверное, сорок-сорок пять. Мятый костюм из хорошей ткани, но волосы неопрятные, давно не стриженные. Пахнет дорогим одеколоном, но изо рта воняет дешевым виски. Фил сам такой пил, поэтому безошибочно определил тяжелые ароматы «Черной кобылы». Глаза у пассажира усталые, а на губах витает улыбка. Наверняка обычный «пиджак», который едет с корпоративной вечеринки домой, где его ждет злая, как кобра, жена и заспанные дети. «Пиджаки» — главные клиенты любого ночного таксиста. Они, все, как один, веселые, пахнут сигаретами и алкоголем, редко дерзят и любят потрепаться. Этот не был исключением.

— Сделка... — пробормотал он, неловкими движениями пытаясь поджечь потухшую сигарету. — Одна сделка и сразу годовая премия, дружище.

— Угу, — хмыкнул Фил. Он не любил разговаривать с клиентами, если только ими не были красивые девушки, которые частенько оставляли сверх таксы, когда были слишком пьяны и добры ко всем живущим.

— Возьму Ирку и махну на море. Прочь от этой серости и слякоти, — рассмеялся «пиджак». — А детей пусть старая змея заберет. Две недели отдыха. Я заслужил. Заслужил. Они смеялись надо мной, когда я взялся за это дело. А теперь кусают губы, когда я получил эту сраную подпись на контракте. Ха! И кто теперь смеется, дружище?

— Бог, — коротко буркнул Фил, трогаясь с места. Старенький «Вольво» дернулся и медленно поехал по мокрым улочкам старого Берлина.

— Бог? — переспросил «пиджак».

— Угу, — снова хмыкнул Фил. — Его всегда забавляют успехи червяка, который не замечает занесенный над головой сапог.

— Ты пессимист, — рассмеялся пассажир, роняя пепел на сиденье. Фил слабо скрипнул зубами, но промолчал. — Тебе тоже надо на море. С хорошей бабой, пачкой денег и ящиком виски. Помнешь сиськи, нажрешься и сразу полегчает.

— Думаете, счастье в этом?

— А в чем же еще? — искренне удивился «пиджак». — Мы всю свою гребаную жизнь вкалываем на дядю, жрем чужое дерьмо и ради чего? Вырваться на две недели к морю, потискать упругую красотку и залить глаза, пока вся серость не превратится в яркие краски чокнутого художника. Надо ценить те короткие моменты счастья, которые вырывают нас из этой серости.

— А что если у меня нет этих моментов счастья? — голос Филя зазвенел от гнева. Пассажир на заднем сиденье удивленно икнул, заставив таксиста чертыхнуться. Слишком громко был задан вопрос. Слишком больно. Слишком откровенно.

— Прости, дружище. Кажись я... шас... — Фил поморщился и сдвинул до хруста руль, оплетенный кожей, когда сзади раздался булькающий звук и в тесном воздухе запахло блевотиной.

— Каждый раз. Каждый, сука, раз одно и то же, — процедил он, поворачивая на темную улочку — конечную точку поездки. — Не мог потерпеть пять секунд.

Фил закурил новую сигарету, проводил взглядом шатающегося «пиджака», который забавно ковылял в сторону темного подъезда, а потом достал из кармана мобильный телефон и набрал по памяти нужный номер. Фил всегда предпочитал набирать номера, а не пользоваться контактами, забитыми в память телефона. «Тренировка памяти никогда не заканчивается», — говорил он сам себе, набирая очередные цифры и слушая гудки. Пьяный «пиджак» тоже осел в его памяти. Ему наверняка найдется место в новой книге. Улицы всегда давали самых колоритных героев.

— Алло, Эрни? — тихо спросил Фил, услышав веселый голос в динамике телефона.

— Филипп? Дарова, — да, это был Эрни — ночной администратор мойки. Вечно веселый студент из Англии, с одурманенными голубыми глазами и уникальной смесью двух языков — нормального английского и кокни, на котором говорят выходцы из самого черного лондонского дна. — Чё-как, братан?

— Клиент заблевал машину, — буднично ответил Фил, выпуская к черному небу тонкую струйку дыма.

— Ок-пупок. Понял, — хмыкнул Эрни. — Чистка обычная нужна или...

— Полная. С сушкой. Я только выехал и надеюсь маленько подзаработать. Найдешь для меня местечко?

— Не вопрос, бро. Дуй ко мне, как Мэри с сифаком, — рассмеялся тот и сбросил вызов. Фил слабо улыбнулся и, убрав телефон в карман, вернулся в машину, предварительно

задержав дыхание. В салоне по-прежнему воняло блевотиной и дешевым виски.

Когда ребята Эрни закончили приводить старенький «Вольво» Фила в порядок, он уже обпился дешевого кофе и прочитал все анекдоты в газете, которая лежала на столике. От скуки Фил принялся было за криминальную хронику, но вошедший Эрни, ехидно усмехнувшись, бросил ему ключи от машины и вальяжно прошествовал к кассе.

Эрни, как и многие англичане, был рыжим, вредным, голубоглазым и имел примерно миллион веснушек на вечно ехидной физиономии. Но Фил как-то раз помог ему с переездом и до конца жизни стал почетным клиентом автомойки, услуги которой обходились ему гораздо дешевле, чем другим клиентам.

— Сиденье просушили? — уточнил Фил, выкладывая на прилавок несколько смятых купюр, полученных им от «пиджака» в качестве извинения.

— Каэшн, бро, — хмыкнул Эрни, впиваясь зубами в бутерброд. — Обифаеф.

— А освежитель? — мойка, где работал Эрни, единственной могла похвастаться наличием уникальной системы, которая напрочь убирала из салона машины все неприятные запахи и оставляла после себя слабый аромат озона. Стоила такая услуга дорого, но Эрни частенько предоставлял её Филу в качестве благодарности за переезд, в котором Фил так убил свою машину, что пришлось потратить лишнюю тысячу на внеплановый ремонт.

— Свежо, как в дупле зубной феи, — заверил его Эрни. — Слышал, кстати, что Стояну машину разбили?

— Стояну? Нет, не слышал, — покачал головой Фил и нахмурился. — А что случилось?

— Говорят, Стоян каких-то мутных щеглов вез, а потом в магаз выскочил за куревом. Ну и пока носился, ему тачку разнесли. Вообще в щи, братан. Так что ты это... аккуратней. Особенно в районе Ладожек. Мутно там.

— Спасибо, Эрни, — улыбнулся Фил и покачал головой, когда англичанин протянул ему сдачу. — Не, оставь себе. На чай с молоком.

— С маковым, — заржал Эрни и, смахнув сдачу в картонный ящик с надписью «админу на бухло», пожал руку Филу. — Заезжай еще, бро. Тебя всегда рад видеть.

— Надеюсь, что сегодня не понадобится, — кивнул Фил и, развернувшись, направился к «Вольво», которая стояла у входа.

Спустя час Фил остановился возле закуской с красочным названием «Ядерный кебаб» и улыбнулся заспанной девушке в окне заказов. Та, узнав Фила, выдавила дежурную улыбку в ответ и протянула мужчине картонный стаканчик с горячим кофе и завернутый в промасленную бумагу толстый бутерброд с курицей. Спустя еще десять минут Фил меланхолично жевал бутерброд, припарковав «Вольво» у закрытого книжного магазина в тени под потухшим фонарем, и лениво листал новостную ленту в телефоне.

Хороших новостей почти не было. Сообщалось, что участились случаи нападений на бездомных в районе Зеленого леса, и полиция даже приготовила вознаграждение за информацию, которая поможет найти тех, кто жестоко убивает бродяг. Из хранилища исторического музея были украдены несколько реликвий, охрана ничего не видела, как и всегда. Ежегодная закрытая вечеринка в замке де Луна приковывала внимание состоятельных горожан, и самые крупные газеты обещали хорошее вознаграждение за фотографии с праздника. В берлинском зоопарке появилось потомство манула. Жителям и гостям города настоятельно не рекомендовалось посещать район Ладожек из-за участившихся случаев агрессии местного населения, состоящего из множества этнических группировок.

Вздыхнув, Фил допил кофе и, смяв стаканчик, ловким движением швырнул его из окна в стоящую около магазина урну, метко попав точно в цель. Затем, убрав телефон, нажал кнопку на приборной панели, зажигая знак «Такси» на крыше. Он знал, что меньше чем за пару минут, дверь машины откроется, а салон примет в свое уютное чрево, пахнущее озоном, очередного пьяницу или ночного гуляку с парочкой потасканных подружек. Поэтому, когда хлопнула дверь, Фил даже не вздрогнул, но привычным движением накиннул ремень безопасности, включил на планшете счетчик и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Доброй ночи. Куда едем? — тихо спросил он, рассматривая крепкого мужчину, который был настолько высок, что с трудом помещался на заднем сиденье машины. Когда попутчик посмотрел на него, Фил нахмурился и вслепую пошарил рукой под сиденьем, где хранил старенький револьвер на случай опасности. Глаза незнакомца, светло-серые, горели лихорадочным огнем загнанного зверя, тонкие губы были судорожно сжаты, а из левого уголка стекала темная струйка крови. Пассажир прижимал левую руку к правому боку, а в правой руке держал небольшой ящичек из темного дерева, но внимание Фила поглотило кровавое пятно, расплывающееся на боку странного человека.

— Замок... де Луна, — хрипло ответил попутчик. Голос у него, пусть и искаженный мукой, был мягким и тягучим, словно мед. — Быстрее.

— Вам надо в больницу, — покачал головой Фил и потянулся к карману с телефоном, но незнакомец резко крикнул и ощутимо двинул ногой в водительское кресло.

— Больница мне не поможет, только семья, — оскалился он. Зубы человека не были похожи на человеческие. Слишком идеальные. Слишком ровные. Слишком белые. И слишком острые, словно клыки зверя.

— Убирайся, — меланхолично бросил Фил, поворачивая ключ. Двигатель «Вольво» тихо вздохнув, замолчал, а незнакомец удивленно посмотрел на водителя. Тот снова покачал головой и вздохнул. — Мне не нужны проблемы и разбитая машина. Убирайся.

— Этого хватит? — Фил нахмурился, когда на соседнее пассажирское кресло упала стопка свеженьких купюр, стянутых серебряным зажимом в виде луны. На вид примерно двухнедельный заработок любого таксиста. Незнакомец слабо скрипнул зубами, словно подгоняя его мыслительный процесс, и угрожающе добавил. — Я и сам могу вести машину, человек.

— Черт бы вас всех побрал, — зло выругался Фил, поворачивая в замке зажигания ключ. «Вольво» фыркнул двигателем и резво стартовал с места, взметнув в воздух мокрые бумажки и мелкие камешки от сколотой брусчатки.

— Гони и не останавливайся, — буркнул попутчик, бросая обеспокоенные взгляды в боковые окна. Он на секунду замолчал, а потом произнес фразу, которую Фил ждал. — Если тебе дорога жизнь, человек.

Машина резко вильнула на очередном повороте, жалобно скрипнув шинами, и рванула к съезду на шоссе, которое в ночной час было почти пустым. Попутчик застонал, когда Фил в очередной раз резко вписался в поворот и рефлекторно врезал ногой в сиденье водителя. А затем рассмеялся, бросив взгляд назад.

— Твой доисторический ящер может ехать быстрее? — спросил незнакомец. Фил, посмотрев в зеркало заднего вида, отрицательно покачал головой.

— Это такси, а не гоночный болид, — буркнул он. — Я и так иду на максимуме. Надеюсь, что полиция все же спит, а не прячется где-нибудь за углом.

— Полиция не является проблемой, — глухо ответил попутчик. Фил, обернувшись на

мгновение, печально вздохнул, увидев заляпанное кровью сиденье, а потом вцепился в руль, когда в задний бампер что-то врезалось. — А вот они являются.

На крышу старушки «Вольво» в этот момент упало что-то тяжелое, из-за чего корпус машины жалобно закрипел. Фил, открыв от удивления рот, уставился на тень машины, отбрасываемую желтыми придорожными фонарями. Согласно тени на крыше его автомобиля сидело какое-то существо. Огромное и больше похожее на зверя, чем на человека.

Стекла отвратительно хрустнули, когда удар повторился. Фил несколько раз вильнул в стороны, чтобы сбросить незваного пассажира, но существо на крыше держалось крепко и даже умудрилось пробить металл когтями. Сосредоточив свое внимание на дороге, Фил не мог видеть, что делает попутчик. А тот, замотав ящичек в пиджак, бережно уложил его вниз и спрятал между сиденьями. Затем, глубоко вздохнув, выбил ногой левое стекло и со скоростью пули вылетел из салона, в одно мгновение приземлившись на крышу.

— Ну на хер, мне это снится? — хрипло спросил сам себя Фил, облизывая пересохшие губы и вздрогнул, когда раздался нечеловеческий вой, и что-то большое и волосатое упало на капот машины, а потом скатилось в сторону, лишь чудом не попав под колеса. Фил с трудом удержал руль, а потом вжал голову в плечи, когда машина качнулась и позади раздался голос странного попутчика.

— Сожалею, но это не сон, — дрожа, ответил незнакомец. Фил обернулся и увидел, что тот прижимает руку к шее, а бежевая рубашка и светлые брюки испачканы в черной крови, которая набухшими змеями вилась по дорогой ткани.

— Что это было? — спросил Фил, нащупывая в кармане пачку сигарет. Мозг отчаянно протестовал от того, что увидел и не желал осознавать увиденное. Никотин слегка вскружил голову и наполнил рот горечью.

— Один из Репробари, — просто пояснил незнакомец. Фил кивнул, будто это все объясняло.

— Теперь гораздо легче. Угораздил же черт вляпаться в разборки бандитов, — прошептал он, съезжая с шоссе и направляясь к мощному замку, который показался на горизонте. — Вы в порядке? Слева есть аптечка, если что. Эй? Слышите?

Обернувшись, Фил увидел, что его пассажир без сознания лежит на заляпанном кровью сиденье, но рука, которую он прижимал к шее, словно жила своей жизнью и не давала остальной жизни покинуть тело.

На вид попутчику было примерно двадцать пять лет. Может, чуть больше. Дорогая брендовая одежда, холеная кожа, подтянутый и мускулистый блондин. Такими телевидение показывает безжалостных солдат мафии, которые, не дрогнув, убивают тех, кого велют. Но разве может человек запрыгнуть на крышу машины, которая мчится по шоссе со скоростью сто тридцать километров в час? Разве может человек выскочить из машины на ходу через окно, запрыгнуть на крышу и сбросить другого, а потом вернуться обратно? Еще и странные глаза, и зубы, как у зверя. Вопросов было много, но что-то подсказывало Филу, что к ответам на них он еще не готов.

Машина резко остановилась перед коваными воротами, возле которых не было ни души. Сам замок молчаливой громадиной возвышался на холме, но путь к нему преграждали ворота. Фил, выбравшись из машины, подбежал к небольшой сторожке, внутри которой тоже никого не было, и нажал на красную кнопку связи. На удивление, ответили почти сразу. Приятным женским голосом с еле уловимым акцентом.

— Резиденция де Луна. Представьтесь, пожалуйста.

— Эм... Фил Уорд, таксист, — растерянно пожал плечами Фил, словно его кто-то мог увидеть. — У меня пассажир. Он просил отвезти его сюда, и он серьезно ранен.

— Спасибо. Вас встретят, — не изменившись, ответила невидимая женщина. А спустя несколько секунд ворота скрипнули, пропуская к машине и удивленному Филу трех человек. Двое были мужчинами — высокими и крепкими, как и его попутчик, облаченными в бежевые костюмы, идеально сидевшими по фигуре. Они замерли позади девушки в черном, которая даже не взглянула на Фила и, подбежав к машине, вырвала дверь, которую отбросила в сторону и скрипнула зубами так, что у Фила по спине пробежал табун мурашек. Девушка, с небывалой легкостью, вытащила из салона раненого и кивнула мужчинам, которые без лишних слов встали рядом.

— Кирилл, помоги ему. Я скоро вернусь, — хрипло бросила она, с нежностью погладив раненого по щеке. Один из мужчин, кивнув, принял попутчика Фила и, направился к воротам, почти моментально растаяв в темноте. Фил решил ничему не удивляться, а после всего пойти в бар к старому Отто и выпить не меньше пары бутылок виски. Но была еще одна вещь, которой он все-таки удивился. Девушка была необычайно красива.

Она была высокой, примерно на голову выше самого Фила, которого нельзя было назвать коротышкой. Стройное, подтянутое тело словно сошло с глянцевых страниц модных журналов, а бледной коже могли позавидовать даже холеные аристократы. Острые черты лица, благородный тонкий нос, длинные пальцы, стянутые в высокий хвост черные волосы и светло-серые глаза, как и у того, кто испачкал салон «Вольво» своей кровью. Глаза словно гипнотизировали, очаровывали и медленно замораживали сердце. Фил вздрогнул, когда понял, что девушка подошла слишком близко. От нее приятно пахло дикими травами и чем-то неуловимым, словно прохлада горного ручья. Она склонила голову набок и внимательно изучила растерянное лицо таксиста, который вдруг пожалел, что так и не надел свежую рубашку.

— Простите, — смущенно буркнул Фил и разозлился на себя, когда понял, чего именно смутился.

— Кто это был? — голос у девушки тоже был мягким, но в нем царили властные, жесткие и очень холодные нотки. Словно королева разговаривает со своим нерадивым подданным, который в чем-то провинился.

— Что?

— Кто это был? — она повторила вопрос и закусила губу. — Кто напал на него?

— Я не видел, — честно ответил Фил. Ему не хотелось врать это красивой девушке. Хотелось поскорее сбежать отсюда и утопить мозг в виски. — Я таксист и смотрел на дорогу. Видел только тень того, что запрыгнуло на крышу. Оно было большим и волосатым, когда ваш друг сбросил его под колеса. И сильным. Крыше, кажется, конец.

— Роберт, позаботься о нем, — кивнула девушка и, развернувшись, направилась к воротам. Второй мужчина, к кому она обращалась, подошел к Филу и молча протянул ему пухлый конверт.

— Что это? — нахмурился Фил.

— Плата за машину, — коротко ответил мужчина и, дождавшись, когда конверт заберут, тоже направился к воротам. Спустя несколько минут Фил остался совсем один перед закрытыми воротами, держа в руке конверт, в котором находилась весьма приличная сумма, которой хватило бы на три стареньких «Вольво». Мотнув головой, он закурил сигарету и

поплелся к разбитой машине.

— Тяжелая ночь? — спросил Отто, наливая в мутный стакан виски и протягивая его Филу, который с растерянным видом хрустел бесплатными орешками, прижимал к себе ящичек, завернутый в окровавленный пиджак, и не обращал внимания на сонных стриптизерш, крутящихся у шестов.

— Угу, — буркнул он, залпом опустошая стакан. Фил скривился от крепости напитка и, достав из кармана пару свежих купюр, полученных от странного попутчика, протянул их бармену. — Оставь бутылку, пожалуйста.

— Без проблем, Фил. Дай знать, если что-то понадобится, — усмехнулся тот и направился к другим клиентам. А Филипп задумчиво повертел в руках серебряный зажим, сделанный в виде луны, и, вздохнув, налил себе еще порцию, которую тоже залпом выпил. Вопросы были, но на эти вопросы он никогда не получит ответов, а значит о них надо забыть. И только виски могло в этом помочь. Виски и горький дым сигарет.

Глава вторая. Гости.

Фил вернулся домой под утро, но солнце еще не окрасило небо в рассветные цвета. На улице было по-прежнему темно, асфальт серебрился влагой, а в воздухе пахло сырой землей и слабым душком помойки. Впрочем, ароматы выгребной ямы забивал сигаретный дым и дешевый виски, который впитывался в кровь Фила, наполняя голову хмелем и притупляя все чувства. Но стоило войти в маленькую квартирку, как чувства вернулись. Вместе с головной болью и разбитым телом, которое потеряло весь адреналин и сейчас жутко болело.

Фил бросил свою куртку на старое кресло у окна, где любил читать книги. Задумчиво посмотрел на пыльную печатную машинку Ремингтон Монарх, к которой давно не прикасался и предпочитал набирать текст с помощью ноутбука. Затем, поставив на огонь чайник, с выдохом опустился в кресло возле дивана и положил на стол окровавленный пиджак, в который все еще был замотан странный ящичек. Фил не отвез его обратно в замок по причине обыкновенного страха, а тут еще и машина окончательно сдалась на полпути, и ему пришлось добираться до бара Отто, заказав себе такси. Вот и сейчас Фил задумчиво смотрел на забытую странным попутчиком вещь и думал, что делать дальше. А еще Филу было стыдно. Стыдно за то, что он сорвался и напился, как свинья. За то, что испугался красивой девушки со странными глазами. За то, что нарушил слово, данное когда-то. Но хмель притуплял чувство вины и стыда. Делал его не таким болезненным. До того момента, как взгляд Фила не упал на покрытую редкой пылью фотографию.

Он взял рамку с фото в руки и нежно провел дрожащими пальцами по запечатленному на фотографии мальчику, а потом криво улыбнулся и, достав смятую пачку сигарет, наполнил квартиру горьким дымом. Спать не хотелось. Хотелось кричать и плакать.

— Прости, родной. Я сорвался, — тихо прошептал Фил, смотря на фотографию. — Да, помню, я обещал, что буду выпивать только один стакан виски, а сам выдул две бутылки. Но остальные обещания я держу. Пишу вот новую книгу. Тим обещал, что пропихнет её в парочку издательств, надо только поработать над черновиком. Он говорит, что книга слишком мрачная и давит на читателя. А я думаю, что Тим просто сопливый педик. Сложно мне писать бабское фэнтези про баб в бронелифчиках, понимаешь? Не моя это стихия, но деньги нужнее. Порой едешь всю ночь, и даже ломаного гроша в кармане под утро не найдешь. А сегодня еще и машины лишился. Хорошо хоть денег поднял, куплю новую. Да, снова «Вольво», родной. Ты же знаешь, что я не люблю эти новомодные колымаги, в которых тебе даже жопу подтирают. Да и на «Вольво» мы тогда... в последний раз. Ладно. Прости. Прости, что редко тебя навещаю. Мне все еще больно. Всегда будет больно... Черт, надо выпить...

— Прекрасный монолог опустившегося на дно скота, — Фил вздрогнул, услышав хриплый низкий голос, и, подняв взгляд, увидел возле окна, освещаемого лишь стареньким торшером, высокого человека в грязно-коричневом плаще. Человек улыбнулся и от этой улыбки Фила прошиб пот. Так улыбается не человек, а зверь. — Добрый вечер. Если его можно назвать добрым для вас.

Незнакомец был уродливым. Чуть вытянутая шишковатая голова, распухший, перебитый нос с широкими ноздрями, толстые, влажные губы и мохнатые брови. И глаза — темно-желтые, почти оранжевые, словно разбавленный мочой виски, которым торговал из-под

полы старый Отто. Незнакомец осторожно почесал бурым толстым пальцем бровь и, переместившись левее, занял деревянный стул возле стола с компьютером.

— Ты кто такой, черт тебя возьми, и что забыл у меня дома? — выругался Фил. Усталость дала о себе знать, и гнев вылился только в слова.

— Мы встречались сегодня, господин Уорд, — незнакомца вспышка ярости Фила лишь позабавила и он, сплетя на могучей груди руки, покачал головой. — Вы очень предусмотрительно вильнули в сторону, когда я упал на капот вашей машины, а потом полетел под колеса. Благодарю за это. Ставр, принеси нашему новому другу стакан воды. У него изумление в горле застряло.

— Что? — нахмурился Фил, а потом вжался в кресло, когда понял, что в комнате, помимо него, находятся еще два человека. Они замерли в темноте, как две горгульи, и слабо повизгивали, если Фил начинал шевелиться. Словно псы на привязи. Один из них, высокий крепыш с длинными волосами, подошел к раковине и, взяв чистый стакан, наполнил его водой из-под крана, после чего вернулся к креслу и протянул стакан Филу. Крепыш тоже был уродливым и обладал точно такими же оранжевыми глазами, разве что чуть светлее, чем у жоака. Ставр. Странное имя. Чех?

— Прополощите горло, господин Уорд. Оцените прохладу живительной влаги, пока еще можете, — лающе рассмеялся незнакомец. Он чуть подался вперед и потянул носом воздух. — Забавно. Вы не боитесь.

— Я слишком пьян, чтобы бояться.

— Разумное объяснение. Иначе я не могу объяснить вашу выдержку, когда рядом с вами стоит Ставр. Кстати, где мои манеры? Позвольте представиться — Фремиту, — жутковато улыбнулся жоак и тут же вернул лицу серьезность. — Но я здесь не для того, чтобы с вами познакомиться, господин Уорд. Я и так потерял много времени, пока ждал, когда вы зальете глаза дешевым пойлом. Меня интересует другое.

— Адрес пластического хирурга? — хрипло спросил Фил, заставив Фремиту рассмеяться. На этот раз искренне.

— А ты забавный человечек, — ответил тот, переходя на «ты». — Все же ты боишься, а страх свой скрываешь за едкими шуточками. Но тебе повезло, что не пришли другие. Я ценю человеческий юмор, а вот они нет. Ставр, покажи нашему доброму хозяину, что его ждет, если шутка мне не понравится, — крепыш кивнул и не успел Фил даже дернуться, как получил сильнейший удар в челюсть и обмяк в кресле. Закрыв глаза, Фил не увидел, как Ставр жадно слизывает с костяшек кровь под ехидный смешок Фремиту. Жоак устроился поудобнее на стуле и, дождавшись, когда Фил откроет глаза, спросил. — К сожалению, я ограничен во времени, поэтому надеюсь на конструктивный диалог, господин Уорд. В противном случае пластический хирург понадобится тебе. А может и не понадобится, если с тобой Ставр поработает.

— Час от часу не легче. Окей, буду следить за языком, мистер, — поморщился Фил, массируя скулу. Ставр имел хорошо поставленный удар. В голове гудело, а рот наполнился горячей соленой кровью. — Что вам нужно?

— Другое дело. Кратко и доходчиво. Меня не интересует, куда ты отвез попугачика. Это и так понятно. Куда интереснее слухи о пропаже того, что он вез. Осмелюсь предположить, что ты знаешь, о чем речь, — Фремиту говорил очень вежливо, но Филу отчетливо слышалась в его голосе издевка, словно волк решил отдать должное зайцу, перед тем, как его сожрать.

— К сожалению, нет, — покачал головой Фил. — Я смотрел только на дорогу и не видел, что вез пассажир. Не часто ко мне в машину окровавленные типы заваливаются.

— И ты ничего не забирал из машины? — елейно спросил гость. Фил выдержал его взгляд и снова мотнул головой. — Совсем ничего?

— Только документы и магнитола. Машина сдохла на сороковом шоссе. Наверное, так там и стоит, если бродяги еще не поработали. Не выдержала твоей тяжести, господин Фремиту.

— Осторожнее, человечек, — блеснул глазами вожак. — Помни, что я говорил о шутках.

— Я говорю на полном серьезе, а шутками пытаюсь забить страх, — злобно крикнул Фил. — Я понятия не имею, что там вез этот мужик и вез ли вообще. Да, его друзья мне заплатили денег за разбитую машину, можете сами удостовериться. Они в кармане пиджака на столе.

— Охотно верю. И не стоит повышать на меня голос, — тихо и угрожающе ответил Фремиту. Он встал и подошел вплотную к креслу, в котором сидел Фил. Затем, дав знак Ставру, оскалился, когда крепыш навалился на Филадельфию всем весом, не давая даже пошевелиться. Зубы у него тоже были странными, но острые клыки, раза в два больше человеческих, выделялись особенно. Фремиту задумчиво прикусил губу, а потом резко провел кривым ногтем по щеке Филадельфии. Ноготь был таким острым, что вспорол кожу, как хирургический скальпель, а на месте разреза выступил жирный и набухший кровяной червяк. Фил замычал и попытался вырваться, но Ставр держал крепко и слабо порывивал от удовольствия, когда Фремиту аккуратно расстегнул пуговицы на рубашке Филадельфии и вонзил указательный палец ему в грудь. — Игры кончились. Где шкатулка, человечек?

— Я не знаю, — хрипло выплюнул Фил, когда гость резко вытащил палец, а потом снова вонзил его в грудь и облизнулся. — Я не знаю, о какой шкатулке вы говорите? Боже, я всего лишь таксист, мать вашу!

— Знаешь, — лениво протянул Фремиту и резким движением дернул руку Филадельфии так, что она хрустнула, а стены квартирке потряс дикий крик. — Это была первая рука, человечек. У тебя есть вторая, а еще ноги, пальцы и зубы. Все это можно сломать, вырвать, раздробить и высосать досуха. Где шкатулка, человечек?

— Да не знаю я, ебаные вы психи, — всхлипнул Фил, сжавшись в комочек, когда давление огромных ручищ Ставра спало. — Я просто случайный человек, который подвез раненого, куда он просил. И все.

— И все? — передразнил его Фремиту, после чего разочарованно вздохнул и кивнул второму крепышу, стоящему возле двери. — Если ты меня обманул, человечек, то я вернусь. Вернусь и сделаю больно. И боль, которую ты испытываешь, не описать словами. Ты будешь умирать всю свою жалкую жизнь, а когда сдохнешь, будешь слизывать говно с моих ног. Синек, дай знак!

— Domeo, — тихо и уважительно ответил второй, протягивая Фремиту золоченую клетку, в которой, нахохлившись, сидел белоснежный голубь. Вожак, открыв дверцу, резко схватил птицу и, поднеся её ко рту, одним махом оторвал голову, после чего бросил трепыхающуюся тушку на пол и рассмеялся, увидев безумные глаза Филадельфии.

— Передай им, что мы вернулись, человечек, — хрипло произнес Фремиту, жадно облизывая окровавленные губы. — И мы вернем то, что они у нас украли.

Когда квартира опустела, Фил шумно выдохнул и, с трудом выбравшись из кресла,

направился на кухню. Там он присел на кособокий табурет, достал из кармана дрожащими руками сигареты и жадно затянулся первой же затяжкой. Чайник почти выкипел и сейчас полузадушено свистел, наполняя жаром небольшое помещение, но Филу все равно было холодно.

По груди стекала сукровица от ран, нанесенных грязным пальцем Фремиту, грудь горела дьявольским огнем, сломанная рука ныла, а на скуле наливался жуткий синяк, но перед глазами все еще стояла трепыхающаяся тушка голубя и странные слова ночного гостя.

Выключив чайник, Фил направился к креслу, бережно поднял разбитую рамку с фотографией с пола, а потом резко потерял сознание, свалившись мешком на не слишком чистый пол. Он не видел снов, не видел даже слабых видений. Вокруг была тьма, а в центре этой тьмы серебряная луна, освещающая бледным светом голубя с оторванной головой.

— Осторожно, у него рука сломана, — мягкий голос ворвался в сознание, как скоростной локомотив, наполняя голову образами, мыслями и болью. Фил застонал, когда кто-то коснулся его руки, но прикосновение было приятным, а пальцы, хоть и твердые, дарили измученному лихорадкой мужчине живительную прохладу.

— Руку поправим. Бальзам Санави и не такие раны лечит, — второй голос был обычным, чуть жестким, усталым и хриплым. Словно принадлежал человеку, который успел пожить достаточно на свете и сейчас ждал момента, когда предстанет перед Всевышним. — Сложнее с ранами на груди. Не знаю, чем их нанесли, но они с трудом поддаются заживлению.

— Ритуал Правды?

— Возможно. Либо его ослабленная версия. Ублюдки проникли в дом, когда тут никого не было. Приспособились обходить проклятие. Подержите его, пожалуйста. Мне нужно взять образцы крови из ран. И приготовьтесь к тому, что когда я запечатаю раны зеленым воском, он будет вырываться, — уверенно произнес второй голос, а затем, когда груди Фила коснулось что-то холодное, дополнил. — Дьявол!

— В чем дело? — спросил первый голос. Фил напряг память, но почему-то не смог вспомнить, где он его слышал. Образы и мысли сплетались в причудливое полотно, больше похожее на какую-то дикую оргию, чем на воспоминания.

— В ранах яд. Много яда. Необходимо промыть, но без лаборатории я не справлюсь.

— Хорошо, — чуть подумав, ответил первый голос. Он принадлежал женщине. Властной женщине, которая привыкла к подчинению. Фил снова напряг память, но безрезультатно. — Мы заберем его в замок.

— Разумно ли, госпожа? — с сомнением спросил второй. Ответа Фил не дождался. Сознание снова обожгло болью, и оно угасло во тьме второй раз.

Он не услышал, когда она скользнула к нему в кровать. Почувствовал. Почувствовал прохладу замёрзшего тела, которому нужно тепло и ласка. Почувствовал гладкую кожу, которая покрылась мурашками от его прикосновений. Немного болела рука, но это не помешало ему осторожно обхватить пальцами сосок, который тут же затвердел. Он улыбнулся, когда она наощупь отыскала его губы и прижалась к ним своими губами. Жадными, голодными и прохладными. Чуть терпкими, как хорошее вино, и дарящими небывалое наслаждение. Она задрожала от водоворота охвативших её чувств и прижалась к нему еще сильнее, сдавив запястья тонкими пальцами, впиваясь наманикюрными ноготками в кожу. Укусила его за шею и изогнула спину, позволяя ему проникнуть в себя. Улыбнулась, когда он застонал, широкой улыбкой победительницы. Обрушила ему на лицо

темную гриву своих волос и закусила губу, когда он впился пальцами в ягодицы. Её клыки удлиннились, и она потянулась к сонной артерии стонущего человека. Впитаться долгим поцелуем, забрать жизнь и ощутить соленый вкус крови на своих губах. Пусть только выкрикнет имя. Её имя.

— Эйрин... — прошептал он, прижимая её к себе. Но она отпрянула. Закусила губу. Моргнула, обрушив дрожащий хрусталь с ресниц на кожу. Он выкрикнул имя. Но не её имя. И выскользнула из кровати, когда в комнату ворвался третий.

— Не смей. Он гость!

— Я не знала!

— Прочь отсюда.

— Я не знала!

— Жадная маленькая эгоистка!

— Я не знала... — прошептала она. — И я не Эйрин...

Проснувшись, Фил с удивлением сел в кровати и, разинув рот, медленно обвел взглядом самую роскошную комнату, в какой когда-либо спал. Роскошным было все: и постельное белье из тончайшего китайского шелка, и массивная большая кровать из красного дерева, и мозаика на полу, изображающая луну в окружении звезд, и картины, висящие на стене в тяжелых, отделанных позолотой, рамах.

Даже воздух был роскошным. Пахло какими-то неизвестными Филу травами, свежесваренным кофе — настоящим кофе, а на той растворимой гадостью, которую он литрами поглощал ежедневно. А еще пахло женщиной и страстью. Фил нахмурился, а потом растеряно пожал плечами, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. Но память обрывалась на моменте, когда он поднял с пола разбитую рамку с фотографией.

— Добрый день, господин Уорд, — Фил вздрогнул, когда дверь в комнату открылась, впуская в помещение высокого красивого мужчину в бежевом костюме. У незнакомца были точно такие же глаза, как и у странного попутчика, и он был точно так же красив, словно сошел со страниц модных журналов. Мужчина катил перед собой небольшой столик, на котором стоял поднос с дымящейся чашкой, тарелка с тремя хлебцами и небольшая розетка свежего паштета. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо... Хорошо, — промямлил Фил. — А где я...

— В замке де Луна, — пояснил мужчина. — Я доложу владыке, что вы проснулись.

— А мои штаны?

— В шкафу. Вторая полка сверху. Мы позволили себе привести вашу одежду в порядок, господин Уорд, — дежурно улыбнулся мужчина, но Фила мороз пробрал от этой улыбки. Зубы незнакомца были слишком идеальными и слишком острыми.

— Эм... Спасибо.

Не успев насладиться кофе, Фил снова вздрогнул, когда в комнату вошел коренастый мужчина, чьи волосы были подернуты сединой, а лицо было испещрено морщинами. Но сильные руки и цепкий жесткий взгляд говорили о том, что сил у мужчины порядочно.

Он подошел к кровати и, отодвинув столик, бесцеремонно принялся ощупывать руку удивленного Фила. Затем, внимательно осмотрев грудь и еле заметные шрамы от пальцев Фремиту, шумно вздохнул и присел рядом.

— Они варят отличный кофе, — хрипло сказал он и хлопнул себя по лбу. — О, извини, дружок. Алистер Сайтлоу.

— Филипп Уорд.

— Ирландец? Рад знакомству, сынок. Хоть какое-то новое лицо. Тебе дважды повезло. Повезло, что мы успели найти тебя до того, как яд проник в сердце, и повезло, что мне не спится ночью. Молодежь часто идет на поводу у чувств, а от голода вообще голову теряют. Глаз да глаз за ними нужен, — ехидно рассмеялся он и, понюхав воздух, заговорщицки подмигнул. — Но ты-то не слишком расстроен, да?

— А вы кто? — робко спросил Фил и добавил, когда мужчина вытащил из кармана портсигар. — Можно мне тоже?

— Травись на здоровье, — хмыкнул тот, осторожно стуча папироской по руке.

— Но все же, вы кто?

— Тот, кто промыл твои раны и починил руку. Санавский бальзам дико печет в первые часы, так что тебе в который раз повезло, что ты валялся без сознания.

— Спасибо.

— Не за что. Это моя работа, сынок, — усмехнулся Алистер. — Знаю, голова у тебя идет кругом, но ты привыкнешь, если не сойдешь с ума, как некоторые.

— О чем вы? — нахмурился Фил.

— погоди, — хмыкнул мужчина. — Ты ничего не знаешь, да? Ты непосвященный? Твою же мать! А чего я тогда распинаюсь? Де Луна мне задницу за это надерут и в качестве флага над главной башней повесят.

— Непосвященный?

— Ну да. Я думал, что ты уже в курсе всех дел, а ты оказывается залетный птенец, — резюмировал он и повернулся в сторону открывшейся двери.

В комнату вошла девочка, почти подросток, но Фил, открыв от удивления рот, без стеснения уставился на легкие прозрачные крылышки у неё за спиной. Они, словно тонкие, зеленые листочки слабо трепыхались и, если на них попадал солнечный луч, искрились всеми цветами радуги. Кожа девочки тоже была необычной и отдавала легкой зеленцой, как и глаза, лишённые зрачков.

Она улыбнулась, ощерив остренькие зубки, и, поставив напротив кровати резной стул из красного дерева, поклонилась Алистеру, а потом выбежала из комнаты.

— Что... — воздух и слова застряли в горле Фила и он растеряно посмотрел на улыбающегося Алистера.

— Говорю же, привыкнешь, если с ума не сойдешь.

— У неё...

— Крылья? Да. Юная фейри, которую Благой двор направил на службу семьи до совершеннолетия. Они милашки, но со своими тараканами, — пояснил Алистер, закуривая сигарету. — Таким палец в рот не клади. Мигом откусят и добавки попросят. Помнится, как-то раз юные фейри проникли в мужское общежитие Берлинского университета. Шуму-то было, дружок. Все, как один, твердили, что их феечки трахнули.

— Фейри?

— Тебя только это удивляет? — пожал плечами Алистер. — В день совершеннолетия девочки теряют крылья, а потом следует очень интересный ритуал... Впрочем, об этом потом поговорим.

Дверь снова открылась, впуская в комнату знакомую Филу красивую черноволосую девушку, которая забрала его пассажира у ворот, и высокого статного мужчину в черных одеждах. Волосы мужчины были белыми, как снег, но волевое лицо, словно его коснулся резец талантливого скульптора, дышало энергией и властью. Светло-серые глаза, как и у

девушки, внимательно скользнули по Филу, который нервно теребил край шелкового одеяла и переглядывался с Алистером. Тот сразу же вскочил с кровати, как только увидел мужчину и, поклонившись, отошел к окну. Затем он еще раз поклонился и представил Филу вошедших.

— Позвольте вас представить, — кашлянул Алистер. — Глава семьи де Луна — Владимир и его дочь, Анна.

— Очень приятно. Филипп Уорд, — тихо произнес Фил, поднявшись с кровати. Он немного подумал, стоит ли кланяться, но в итоге лишь немного склонил голову.

— Рад знакомству, господин Уорд. Присаживайтесь. Это не официальный визит, а вы еще слишком слабы, — ответил мужчина. Голос у него был глубоким, низким и властным, но в речи сквозил слабый акцент. Он занял приготовленный для него стул и, повернувшись к девушке, кивнул.

— Господин Уорд...

— Можно просто Филипп или Фил. Как вам удобно.

— Хорошо, — слабо улыбнулась она, вызвав у Фила мурашки. — Филипп, расскажите, что произошло прошлой ночью, когда мы расстались. Кто на вас напал?

— Когда мы расстались, я решил заехать в бар, но машина сдохла на полпути, — тихо ответил Фил, выуживая из памяти мельчайшие детали. — Я забрал документы, магнитола и то, что забыл попутчик...

— Почему вы не вернули шкатулку сразу? — в голосе девушки послышался холодок и Фил с сожалением понял, что уже тоскует по тому теплу, которое было в нем ранее.

— Я испугался, — честно ответил он и поперхнулся собственными словами. Да, он сказал правду, но не собирался её озвучивать.

— Что было дальше? — девушку ответ не удивил и Фил продолжил.

— Я поехал в бар, потому что ночь была безумной. Я видел слишком много странных вещей и на трезвую голову их сложно понять. В баре я крепко выпил и потом вернулся домой, где меня ждали эти странные люди.

— Странные?

— Да. Они были... уродливыми. Очень уродливыми. Знаете, я всякого повидал, когда колесил по ночным улицам Берлина, но эти словно из фильмов ужасов сошли. И еще от них воняло... псиной, — Владимир скривил губы и сжал подлокотник стула, на котором сидел, но затем быстро вернул своему лицу прежний скучающий и надменный вид. — Они стали меня спрашивать о той шкатулке, которую забыл пассажир. Забавно, шкатулка лежала рядом на столе, завернутая в пиджак, а они её словно не видели. Простите, отвлекся. Их было трое, а у главного еще странное имя такое, но я его не помню. Но имя точно было странным, как и его глаза.

— Глаза?

— Да. У него, наверное, были линзы. У всех троих. Оранжевые такие линзы. Как янтарь, — Фил слотнул и помассировал виски пальцами. Почему он выкладывает все, как на духу, хотя собирался озвучить другое? — Я был пьян и нагрубил их жожаку, а тот, подойдя, сломал мне руку. Одним движением. И его ногти... они были острыми, как бритва. Он втыкал свои пальцы мне в грудь и задавал вопросы, а двое других скулили позади, как собаки. Боже...

— Почему вы не отдали им шкатулку? — тихо спросил Владимир. В его тоне тоже прорезался холодок, обдавший душу Фила бодрящим морозцем.

— Боялся, — снова честно ответил он. — Слишком уж лихо ночной попутчик разбил стекло и забрался на крышу, когда мы ехали в ваш замок. А он был ранен и все же сбросил что-то огромное и волосатое с крыши, а потом вернулся, как ни в чем ни бывало. Да и не думал я, что эти желтоглазые меня отпустят, если я им отдам шкатулку. Но они...

— Что они сделали? — требовательно спросил Владимир, когда Фил замолчал и помотал головой, словно прогоняя воспоминания.

— Их вожак... Он откусил голову голубю, а потом велел передать, что они вернулись. И что они заберут то, что у них украли.

— Репробари в своем репертуаре, — процедила Анна и на её красивом лице промелькнула гримаса отвращения.

— Потом они ушли, а я пошел на кухню, выкурил сигарету и отключился. Дальше все, как в тумане. Помню только, что грудь горела. Даже рука так не болела, как грудь.

— Неудивительно, — фыркнула девушка. — В ваших ранах было столько яда, что я вообще удивлена, как вы выжили, Филипп.

— А я удивлен, как он сохранил силу воли и не рассказал им о шкатулке, — буркнул Алистер, стоя у окна. — Я вымыл примерно кварту их яда из его ран. Другим достаточно капли, чтобы выложить даже самые грязные мыслишки, спрятанные в мозгу. Да, это был слабый Ритуал, но он был.

— Я ничего не понимаю... — тихо произнес Фил, когда в комнате воцарилось молчание. — Что за ритуал, что за яд, что это за люди с желтыми глазами?

— В ваших интересах, чтобы неведение продолжилось, господин Уорд, — мягко ответил ему Владимир, вставая со стула. Фил протер глаза, когда понял, что в руках мужчина держит ту самую шкатулку. — Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, то мы отвезем вас домой, господин Уорд.

— Я позабочусь, владыка, — хмыкнул Алистер. — Не извольте беспокоиться.

— Анна, необходимо понять, как открыть шкатулку. Если это было нужно изгоям, я хочу знать, что там, — Владимир сразу же позабыл о Филе и тот ощутил неприятный укол в сердце. Вопросы все еще оставались без ответов.

— Подождите, — резко воскликнул Фил и, дождавшись, когда на него посмотрят, поднялся с кровати. — Я, как минимум, заслуживаю объяснений. В мой дом ворвались психопаты, моя машина разбита, меня пытали, я видел странное дерьмо, а вы хотите просто отвезти меня домой? Я хочу знать, что за чертовщина тут происходит? Что это за шкатулка? Почему у девочки, которая принесла в комнату стул, есть крылья и глаза без зрачков? Почему ваши глаза такого странного цвета? Почему мой попутчик скакал по крыше машины, которая ехала со скоростью сто тридцать километров в час? Почему Алистер несет какой-то бред? Кто вы такие? Почему я говорю то, о чем предпочел бы молчать?! Ответьте!

Вместо ответов Фил увидел слабую улыбку на лице Анны, хитрый блеск в глазах Владимира, который более заинтересованно посмотрел на него, и услышал хлопок ладонью по лбу от Алистера, который пробормотал какое-то древнее ирландское ругательство и покачал головой.

Владимир, подойдя к кровати, протянул шкатулку Филу и заинтересованно склонил голову. Фил, чей гнев почти угас, вздохнул и, опустив глаза, внимательно изучил ящичек из темного дерева. На удивление, ни замков, ни петель не было. Только единый и монолитный гладкий кусок древесины, украшенный странными рунами, взявшимися невесть откуда. Только руны выглядели знакомо.

— Огамические руны? — нахмурился Фил, проводя пальцем по знакам, которые слабо засветились золотым светом. Владимир тут же подобрался, как ищейка, и подошел ближе. — Как это я их не заметил? Они, что, светятся?

— Что вы сказали?

— Руны. Они светятся, — кивнул Фил, показывая ящичек хозяину замка. Тот быстро переглянулся с дочерью и, нахмурившись, склонился ниже. — Это огамическое письмо. Древняя кельтская тайнопись. Я изучал одно время огамическое письмо, когда писал книгу, но информации о нем крайне мало. Известно лишь то, что это тайный язык, одной из особенностей которого являлась замена букв в определённых слогах их названиями.

— Так и есть, — кивнула Анна. Фил вздрогнул, когда девушка подошла ближе. От неё приятно пахло душистыми травами, дождливой свежестью и легкими нотками елового леса. — Только здесь нет разделительных знаков и не указан порядок письма. Странно, этих рун не было, пока вы не взяли шкатулку в руки.

— Вы сможете расшифровать эти руны, господин Уорд? — тихо спросил Владимир, не сводя с Фила внимательного взгляда светло-серых глаз.

— Думаю, да. Мне только нужна парочка книг и тихое место, — кивнул Фил и тут же помотал головой, словно отгоняя морок. — Но мои вопросы?

— Вы уверены, что хотите получить на них ответы? Узнав правду, обратной дороги не будет, господин Уорд.

— Если я рискую, то хочу знать, во имя чего рискую, — твердо ответил Фил. На губах главы семьи заиграла призрачная улыбка, а в голосе появилась мягкость.

— И что вы хотите узнать первым, господин Уорд?

— Кто вы? — нахмурился Фил. — Бандитская ячейка? Мафия? Преступный синдикат?

— Все куда сложнее. Что если человечество, не единственная раса, которая населяет Землю? Что если легенды и сказки, которые вам рассказывали в детстве, на самом деле правда? — ответил Владимир и широко улыбнулся. Фил с ужасом смотрел на то, как удлиняются клыки и заостряются уши главы семьи. Тот, довольный произведенным эффектом, мрачно усмехнулся и буднично добавил. — Мы — вампиры, господин Уорд.

Глава третья. Сердце.

После слов Владимира в комнате воцарилась звенящая тишина. Изредка покашливал Алистер, тревожно посматривая на Фила, который сел на кровати и обхватил голову руками. За окном пели редкие птицы, наслаждаясь выглянувшим из-за туч солнцем. И тихо тикали большие часы, показывая полдень.

Фил робко поднял голову и посмотрел сначала на Владимира, а потом на Анну, но увидев, что их лица серьезны и на них нет и тени улыбки, шумно сглотнул тягучую слюну. В голове всюду кружились мысли о вампирах — ночных демонах, которые пили человеческую кровь и могли превращаться в летучих мышей. Проклятые, бессмертные, боятся чеснока и распятия, сгорают при солнечном свете. Фил нахмурился и помотал головой, когда увидел, что Анна спокойно стоит под солнечным лучом, бьющим из окна. Сказки и легенды обрели жизнь? А что если они всегда были реальны, как сказал Владимир?

— Вампиры? — переспросил Фил. Голос его был хрупким и ломким, а в голове бешено стучала кровь. — Настоящие вампиры?

— Да, — нетерпеливо ответил Владимир. — Вам нужно время, чтобы осознать это, но я не могу ждать. Вы сказали, что сможете расшифровать руны, так сделайте это. Я ценю действия, а не слова, господин Уорд.

— Мне нужна...

— Анна, позаботься о нашем госте, — перебил Фила глава семьи. — В вашем распоряжении, господин Уорд, наша библиотека и архив, если это способно помочь вам в расшифровке. А теперь прошу меня простить. Сколько времени вам понадобится?

— Не знаю. Необходимо понять, каким ключом пользовался создатель шкатулки. Если я сумею найти ключ, то расшифровка не составит проблем.

— Хорошо. Анна, я буду ждать твоего отчета.

— Да, отец, — поклонилась девушка и, дождавшись, когда глава семьи покинет комнату, повернулась к Филу, растерянно смотревшему на неё. — Филипп, предлагаю не терять времени и направиться в библиотеку, если вы в состоянии.

— Эм... Хорошо, Анна.

— Вечером сменим повязку, — буркнул Алистер и, усмехнувшись, добавил. — Постарайся не сойти с ума от того, что увидишь и узнаешь, сынок.

— Вампиры? — снова переспросил Фил, когда Анна повела его длинными коридорами вглубь замка. Девушка всю дорогу молчала, но сейчас слабо улыбнулась и замедлила ход. Фил все еще не мог привыкнуть к её высокому росту и смущенно смотрел на девушку снизу вверх.

— Да, Филипп. Вы уже задавали этот вопрос моему отцу, — ответила она, поворачивая налево. Бежевые цвета сменились более темными, кофейными тонами, а окна почти исчезли. Но несмотря на это в коридоре было светло от многочисленных ламп и декоративных факелов. — И то, что он ответил — правда.

— И вы пьете человеческую кровь?

— Пьем.

— А человек потом превращается в одного из вас? — Анна криво улыбнулась в ответ и покачала головой. — Умирает?

— Да. Если задает неудобные вопросы, Филипп, — ответила она, кивая крепкому здоровяку в бежевом костюме, который стоял возле одной из дверей. — Осторожно, ступени.

— Мы идем вниз? — испуганно спросил Фил.

— Да, в подвалы. Там стоят гробы, где мы спим, и пыточные приспособления для пускания крови, — Фил покраснел, когда понял нелепость своего вопроса. Но ехидца в голосе девушки жалила куда сильнее.

— Простите, Анна.

— Я понимаю ваше любопытство, но убивать вас никто не собирается, — вздохнула она, спускаясь по узкой винтовой лестнице вниз. — Просто в подвалах прохладно и там идеальное место для хранения наших книг и летописей.

— Понимаю, что мой вопрос прозвучит глупо и нетактично, но...

— Сколько мне лет? — тихо рассмеялась девушка. — Триста семнадцать.

— Бог ты мой! В самом деле?

— Неужели я выгляжу старше? — подняла бровь Анна и вздохнула.

— Нет. Вы прекрасно выглядите, — покраснел Фил, когда она посмотрела на него и слабо улыбнулась. — Просто, голова кругом. Знаете, когда бабушка рассказывала мне сказки о черном стригое с Чертовой мельницы, я всегда боялся, что сказка окажется реальной, и стригой придет ко мне ночью, чтобы пить мою кровь.

— Понимаю. Человечество всегда считало нас выдумкой, сказками и легендами. Алистер неделю не мог прийти в себя, когда мой брат открыл ему наш мир.

— Алистер — человек. Это сразу видно.

— В самом деле? — в голосе девушки сквозила ирония. Обычно так говорит взрослый с неразумным ребенком. — С чего вы взяли, что он не вампир?

— У него глаза обычные, — Фил пропустил мимо ушей ехидцу Анны и, пригнув голову, вошел в длинный коридор с неровными бежевыми стенами. — А у вас и у вашего отца они светло-серые. У того пассажира тоже были такие глаза. И у других... вампиров в вашем замке.

— Семейная черта, Филипп. У вампиров семьи де Луна всегда светло-серые глаза. Пожалуй, стоит провести вам небольшую экскурсию, пока вопросы не повредили ваш мозг, — хмыкнула девушка и свернула в другой коридор, после чего остановилась перед тяжелой дверью, покрытой древними символами. — Это вход в библиотеку. Здесь царствует Микаэла. Библиотекарь. Она очень ревностно относится к книгам и считает их своими детьми, поэтому будьте почтительны. И постарайтесь не обижаться на её шутки. Они весьма специфические.

— Хорошо, — вздрогнул Фил, представив себе эту Микаэлу. На ум приходила сморщенная старуха в черном рубище, лысая и клыкастая, как из фильма Мурнау «Носферату. Симфония ужаса». Покачав головой, Фил отогнал дурные мысли и вошел следом за Анной в огромное помещение, уставленное шкафами, на которых покоились книги всех форм и расцветок. Книги лежали везде: на полу, на столах, на вершине шкафов и даже на редких стульях, но Фил во все глаза смотрел на библиотекаря, которая сидела за пустым столом и с наслаждением курила длинную тонкую трубку. В подвале тихо играл мягкий джаз и пахло вином. Увидев вошедших, Микаэла поднялся со стула, улыбнулась Анне и поспешила ей навстречу, окруженная клубами сизого дыма. На Фила она бросил лишь мимолетный взгляд.

— Ты как всегда вовремя, — буркнула библиотекарь и, повернувшись к Филу, потрепала удивленного мужчину за щеку. — Я проголодалась.

— Перестань, — нахмурилась Анна. — Человек под защитой семьи — это раз. И два — твои шутки смешны только тебе.

— В каждой шутке лишь доля шутки. Остальное — правда, — улыбнулась вампирша, изучая Фила светло-серыми глазами. — Микаэла. Владычица этого смрадного места, пропитанного духом знаний. А кто ты, розовощекий человечек?

— Филипп Уорд.

Микаэла тоже была высокой, как другие обитатели замка, но бежевый костюм, в который она была одета, подходил библиотекарю так же, как балерине армейские берцы. Костюм был ручной работы и изготовлен из превосходного испанского сукна. На руке Микаэлы тускло блестели золотом дорогие часы, а бежевые туфли стоили больше, чем старенькая «Вольво» Фила.

На лице вампирши застыло жадное любопытство и ехидство, но Фил отметил, что девушка тоже красива. И если черты лица Анны были острыми и благородными, то Микаэла обладала большими ехидными глазами, полными губами, длинным носом, который совершенно не портил её красоту. В отличие от темноволосой Анны, Микаэла была блондинкой и обладала дивной непокорной гривой. На мгновение Фил ощутил, как жарко стало в груди, а потом смущенно отвернулся, стараясь не пялиться откровенно на грудь Микаэлы. От вампирши тоже приятно пахло, только это был легкий запах черемухи и слабо уловимый аромат роз.

— Он уже посвящен в нашу тайну? — лукаво спросила Микаэла, без стеснения осматривая Фила, который неловко топтался на месте.

— Да, — коротко ответила Анна и, поморщившись, пояснила. — Филипп, это Микаэла. Больше, чем дорогие вещички, она любит только книги. Поэтому её и заперли в этом подвале.

— Владыка так и не простил мне небольшое хулиганство сто лет назад, — поджала губы Микаэла. — Но и пусть. Здесь я, по крайней мере, избавлена от фирменного занудства правой руки де Луна.

— Микаэла вырезала две деревни, когда её обуяла жажда, — пояснила Анна и Фил вздрогнул. Улыбающаяся и веселая модница слабо походила на убийцу.

— И получила двести лет заточения в замке, — хмыкнула она, возвращаясь к столу. — Только я сомневаюсь, что вы явились сюда, чтобы справиться о моем здоровье и составить компанию в дженгу. Что вам нужно?

— Необходима информация об огамических рунах, — хрипло буркнул Фил, неприязненно смотря на вампиршу. Та сразу посерьезнела и задумалась.

— Огамическая письменность. Да, да. Тайнопись древних кельтов. Где-то я видела пару талмудов.

— И если возможно, поищите собрания общеизвестных кельтских ключей.

— Сам поищи, — хмыкнула Микаэла, скрываясь за шкафами. Она высунулась на секунду и махнула рукой в сторону стола с компьютером, который Фил поначалу не заметил. — Так быстрее будет.

— Не обращайтесь внимания, Филипп, — шепнула ему Анна, когда Микаэла, мурлыкая песенку, углубилась в хранилище. — Скверный характер давно стал её особенностью, на которую мало кто обращает внимание. Если бы не феноменальная память и знание нашей

истории, Микаэла давно бы сгнила в подземельях замка за свои чудачества.

Фил кивнул и, пожав плечами, направился к компьютеру. Вопросов прибавилось.

Спустя полчаса поисков, Фил стал обладателем нескольких десятков ключей, которые были распечатаны на принтере и аккуратно разложены на одном из больших столов, с которого Микаэла убрала пыльные фолианты. И пока Анна изучала ключи, Фил погрузился с головой в толстую книгу, написанную на церковной латыни, которую ему принесла Микаэла. Язык был несколько тяжеловесным и витиеватым, но природная любознательность Фила дала результаты и несколько листов бумаги уже были покрыты его мелким почерком.

— А ты любознательный человечек, — Фил вздрогнул и чуть не свалился со стула, когда услышал в левом ухе шепот Микаэлы. Повернувшись, он увидел любопытные светло-серые глаза вампирши, которые с жадностью смотрели на него. Микаэла, увидев ужас в глазах Фила, коротко рассмеялась и, показав язык Анне, заняла стул напротив. — Ой, прости. Не хотела тебя пугать. Тебе говорили, что ты вкусно пахнешь?

— Нет, — растеряно ответил Фил, покусывая кончик карандаша.

— Вот я это и говорю. Анна, моя радость, а тебе не кажется, что наш человечек как-то подозрительно хорошо осведомлен о том, что ты ищешь? Или на земле случилась революция и в таксисты набирают докторов наук?

— Конечно. Сто лет в подвале превратили тебя в параноика? — мрачно усмехнулась девушка, проигнорировав вопросы библиотекаря.

— Я писатель, — нехотя признался Фил. — Мифолог. А такси — средство срубить денег. На гонорары за книги прожить сложно.

— Не самая плохая профессия, друг мой, — вздохнула Микаэла. Она где-то раздобыла чашку с горячим кофе и теперь медленно его цедила. — Что ж. Это частично объясняет твои знания по этой теме. Приятно встретить знающего, пусть и из вашего хилого племени.

— Видимо мое хилое племя не такое хилое, раз заставляет тебя сидеть в этом подвале и прятаться от остального мира, — зло буркнул Фил. Анна слабо улыбнулась и выразительно посмотрела на Микаэлу, с лица которой пропала улыбка.

— Ох, он еще и зубастый, — манерно протянул та. — Где ты его нашла, Анна? Может, приведешь мне парочку таких же любознательных и дерзких? Уже месяц клыки чешутся.

— Мечтай в одну руку, плюй в другую, — философски ответила девушка. — И смотри, какая быстрее наполнится.

— О, какие же вы зануды, — буркнула вампирша, отхлебывая кофе.

— Не такие, как ты. Могла бы и кофе нас угостить, — хмыкнул Фил. Уверенность постепенно возвращалась к нему, а все происходящее казалось дурным сном.

— Вот еще. В человеческие лакеи я не нанималась, — фыркнула Микаэла и мотнула головой в сторону шкафчика в углу, на котором стояла современная кофемашина. — Все к твоим услугам, Филипп. Оторви зад от стула и сделай кофе.

— Анна, вы будете? — девушка удивленно подняла бровь и кивнула, когда Фил поднялся со стула и направился к кофемашине.

— Я тоже буду, — радостно воскликнула Микаэла, залпом выдувая кофе и протягивая чашку.

— Оторви зад от стула и сделай сама, — ехидно бросил Фил, проигнорировав скрипящую зубами вампиршу. Это всего лишь сон. Глупый и странный.

Фил закурил сигарету и еще раз внимательно пробежался глазами по выписанной из толстой книги информации. Он нахмурился, взял в руки лист с ключами и, разочарованно

вздохнув, положил его обратно.

— Не сходится, — буркнул он, поворачиваясь к Анне. — Комбинаций может быть много, и без нужного ключа мы провозимся очень долго.

— Времени нет, — ответила девушка, откладывая исписанный лист. — Надо понять, почему Репробари так сильно интересуются шкатулкой.

— Хотя, если учесть, что огамическое письмо практикует подход в написании либо сверху вниз, либо слева направо, то мы упростим задачу, — перебил её Фил. Он схватил карандаш и прильнул к монитору, на котором застыл огамический алфавит.

— Умный человек, — съязвила Микаэла, которая снова вернулась к любимой трубке. Но Фил проигнорировал комментарий вампирши и придвинулся к Анне.

— Смотрите. Порядка нет, на первый взгляд. Но если взять первый символ за основу, то он начнет выстраиваться.

— То есть?

— Как и любая тайнопись, огамические руны призваны запутать непосвященного. Первые два символа читаются слева направо, следующие два сверху вниз. И рождается порядок, — воскликнул Фил, обводя руны карандашом. — Вот ключ!

— Красный, шип, страх, убийство, — прочла девушка обведенные Филом символы.

— Добавьте те, которые находятся с другой стороны шкатулки, — буркнул тот, держа наготове бумагу и карандаш.

— Земля и пламя, — прочла девушка.

— Микаэла, подай, пожалуйста, том с валийскими заклинаниями, — попросил Фил. Заинтригованная вампирша протянул ему книгу и под села ближе. — Вот, почти дословный перевод, если брать во внимание валийский.

— «Кровь доброй воли пробудит меня», — прочтала Анна и, закусив губу, нахмурилась.

— погоди. Разве ты не поняла? — всполошилась Микаэла и, вскочив из-за стола, бросилась к шкафу. Она вернулась довольно быстро, неся в руках пыльный свиток. Сдув с него пыль, вампирша положила свиток на стол, и ткнула пальцем в изображение высокого старика, который горбился и с ненавистью смотрел на других высоких, которые стояли небольшой группой вдалеке.

— Первый проклятый семьей, — прошептала Анна, с ужасом глядя на шкатулку. — Микаэла...

— Именно. Это проклятая реликвия. Сердце Изгоя, — радостно воскликнула Микаэла и тут же поникла. — И это дерьмовые новости. Очень дерьмовые.

— Что это значит? — тихо спросил Фил, когда Анна и Микаэла замолчали. На лбу модницы даже появились морщинки, а улыбка превратилась в гневную гримаску.

— Это сердце проклятого, человек, — ответила Микаэла. — Первого, кто пошел против воли главы семьи.

— Давным-давно вампиры не делились на семьи, — пояснила Анна, вставая со стула. Фил невольно залюбовался её красотой, а потом поник, поймав ехидный взгляд Микаэлы. — Все были одной большой семьей. Семейей Акуалитас. Это было задолго до того, как человечество появилось на планете. Главой семьи был Рамиэль, первый вампир, способный контролировать энергию земли. Он был мудрым и справедливым правителем, который первым пошел на контакт с человечеством, справедливо рассудив, что обе расы способны мирно сосуществовать, но это многим не понравилось. Особенно его брату Беллариэлю.

Младший, он был лишен возможности когда-нибудь наследовать трон семьи. Злоба и зависть медленно завладевали его сердцем, пока не завладели окончательно. Тогда Беллариэль восстал против Рамиэля, смутил ума других высших вампиров и подчинил себе их души. Он считал, что только вампиры должны править, а человечеству отводилась роль скота. К сожалению, его многие поддержали. Вняли льстивым речам и поднялись против главы семьи. Тогда наступила первая Алая ночь.

— Алая ночь? — переспросил Фил, когда Анна замолчала.

— Брат пошел войной на брата. Тьма спустилась на землю и царила сорок дней. Реки поднялись выше берегов, и вода была красной от крови, — без тени издевки процитировала Микаэла. Бледная кожа вампирши, казалось, стала еще белее, и даже воздух в подвале вдруг стал спертым и тяжелым.

— Человечество чуть не погибло в этой войне. Половина всех живых стала кормом для армий Беллариэля, который обезумел и топил в крови целые города, — продолжила Анна, опершись плечом о шкаф с книгами. — Тогда Рамиэль пожертвовал бессмертием, чтобы остановить безумного брата. Он расколол узы семьи и изгнал Беллариэля, а также всех, кто служил ему. Семья распалась, и вампиры утратили бессмертие. Беллариэль и его сторонники покинули эти земли, и, казалось, исчезли в тени времен.

— Но он вернулся. Вернулся еще злее и могущественнее, чем раньше, — вздохнула Микаэла, вертя в руках бокал с вином. Фил даже подивиться не успел, когда это она успела разжиться алкоголем, как библиотекарь продолжила рассказ Анны. Было видно, насколько им тяжело рассказывать о грязных страницах своей истории. — Беллариэль тоже научился использовать энергию, черпая её из самого центра Земли. Земля стонала и проклинала тех, кому дала приют. Потопы, войны, ураганы — все это свидетельства её гнева на жадность живущих.

— И наступила вторая Алая ночь, — кивнула Анна, когда Микаэла замолчала и залпом выпила вино. — Продлилась она сто двадцать дней и человечество уменьшилось на треть, став кормом для армий. Рамиэль с тяжелым сердцем дал добро на то, чтобы его войны тоже забирали жизнь людей, чтобы спасти свою собственную. В последней битве братья сошлись лицом к лицу и Рамиэль победил, пронзив сердце Беллариэля. Но энергия, которая бурлила в сердце проклятого, не дала ему умереть. Тогда Рамиэль сотворил эту шкатулку, вложил в неё сердце брата и проклял Беллариэля. Всех, кто поддерживал брата, он тоже проклял и изгнал из семьи. Сказал он тогда: «Как нет дома у безродной шавки, так нет его и у вас. Недостойны вы носить лики, данные вам отцами, но достойны печати, которая вечно будет напоминать вам и вашим наследникам о грехах ваших. И пусть глаза ваши горят оранжевым пламенем предательства, которое сожгло ваши сердца и души. И пусть лики ваши станут подобными вашим сердцам и душам. И нет вам прощения за то, что вы совершили. Ни одна семья не примет вас под свой кров и даже скот, которым вы кормились, откажет вам в приюте». После этого Рамиэль отправился в странствие и спрятал шкатулку с сердцем брата в недрах земли. Но Беллариэль успел выкрикнуть последнее пророчество перед смертью. Черное пророчество, предрекающее конец всем. Оно гласило, что «Настанет день, что будет подобен ночи, когда скот прольет свою кровь в мою честь. Изгои обретут семью, а те, кто её имели — потеряют. И настанет новая Алая ночь, которая продлится вечность».

— Изгои ушли и на земле воцарился мир, но все знали, что новая Алая ночь маячит на горизонте, — мрачно буркнула Микаэла, косо посмотрев на Фила. — Никто не догадывался, что скот займет место вампиров. Алая ночь продлилась двести лет и род вампиров оказался

почти истребленным. От могучих армий остались жалкие кучки. Древние замки, стоявшие на земле тысячелетия, были сожжены и разграблены. Лишь немногие уцелели в то страшное время. Да, человек. Вампиров и им сочувствующих обвиняли в колдовстве и черной магии, их сжигали на кострах, топили в реках и разрывали на части лошадьми. Насиловали женщин и забивали камнями детей, которые тщетно молили о пощаде.

— Рамиэль пожертвовал собой, чтобы остальные могли спастись, — играя желваками, продолжила Анна. — Он сторел на костре, и семья Акуалитас исчезла в бушующем пламени. И вампиры ушли, затаились в дремучих чащах, прятались и убивали каждого, кто проникал в их мир. Алая ночь закончилась, и настал новый день. И пришли новые семьи, в чьих глазах больше не было благородного золота Рамиэля. Был серый дождь, яростный изумруд, молчаливая тьма, ледяная синева и мрачный багрянец. Кто-то ненавидел человечество за их зверства, кто-то осуждал, а кто-то принимал, но не мог простить. Новые семьи затаились, они не горели желанием открываться людям, помня о том, что принесла с собой третья Алая ночь. Они вернулись на руины старой жизни и построили новую жизнь, о которой человечество даже не догадывается. Воспоминания со временем превратились в легенды, легенды в мифы, а потом и вовсе стали красивой сказкой. Но изгой по крупицам собирали любую доступную информацию, они изучали древние артефакты и искали проклятую реликвию. Сердце Беллариэля. Они жаждали мести.

— И они его нашли, — от мрачного голоса Владимира вздрогнули все. Фил, облизнув пересохшие губы, вскочил со стула, как и Микаэла, которая смущенно забегала глазками, не желая встречаться взглядом с главой семьи.

— Отец? — тихо спросила Анна, подходя ближе.

— Петр выкрал его у Репробари, — он ласково прикоснулся к руке дочери и с горечью добавил. — Ценой своей жизни.

Анна лишь слабо стиснула зубы, но её лицо даже не дрогнуло, когда она поняла смысл сказанного. Владимир, подойдя к столу, взял в руки шкатулку и с ненавистью посмотрел на черное дерево.

— Будет созван совет Пяти, как того требует Клятва, — произнес он, вернув голосу привычную неторопливость. — Семьям пора объединиться, ибо близится новая Алая ночь. Этого нельзя допустить. Семья де Луна благодарна вам за помощь, господин Уорд. Анна, проведи ритуал инициации. Я не хочу, чтобы нашего гостя нашли высушенным в дальнем углу. Ах, да. Микаэла...

— Владыка, — поклонилась библиотекарь, сделав шаг вперед.

— Я снимаю наказание до конца совета. Мне понадобятся знания из древней истории семей, а я слишком ценю время, чтобы тратить его на пустые прогулки по замку и копания в пыльных книгах. Надеюсь, что мне не придется сожалеть о своем решении.

— Да, Владыка, — снова поклонилась Микаэла, а Фил с удивлением заметил, как вампирша пытается сдержать довольную улыбку.

Глава четвертая. Ответы.

Когда Владимир покинул библиотеку, Анна развернулась в сторону Фила и резко вытерла глаза, но тот успел заметить влагу, прочертившую дорожку на бледной щеке девушки. Микаэла же довольно улыбнулась и, метнувшись к шкафу, где стояла кофемашина, вернулась с бутылкой вина. Она, не обращая внимания на возмущенное сопение Анны, разлила вино в три бокала и первым подняла свой.

— За Петра, — тихо произнесла она. Куда только делось веселье. Фил, еще не привыкший к выкрутасам Микаэлы, робко поднял бокал и посмотрел на Анну. Та, даже не взглянув на них, залпом выпила вино и швырнула бокал на пол. Хрусталь жалобно звякнул, столкнувшись с холодным камнем, и рассыпался на тысячи искрящихся радугой осколков. Микаэла осуждающе покачала головой, но комментировать поведение девушки не стала.

— Мне очень жаль. Ночной пассажир... — грустно произнес Фил, подходя к Анне. Та мрачно посмотрела на него, но увидев искреннюю грусть, слабо кивнула головой.

— Да. Петр был моим братом. Младшим, — коротко ответила она, а затем сняла с безымянного пальца левой руки массивный золотой перстень и приказала Филу. — Встань на одно колено.

— Но...

— Не бойся, человек, — прыснула в кулак Микаэла, когда увидела, как побледнел Фил. — Это всего лишь укороченная версия Ритуала Инициации.

— Помечаю тебя этим знаком, Филипп Уорд, — громко произнесла Анна и, взяв правую руку Фила, прижала перстень к запястью. Кожа задымилась, а на глаза мужчины навернулись две предательские слезинки, но он сжал зубы и сдержал болезненный стон. — Отныне твой статус «Нейтрал». Ты можешь контактировать с другими семьями, если они изъявят желание. Ты можешь быть допущен к главам семей, если те сочтут нужным. Ты не посмеешь причинить зло ни одной семье и будешь свято хранить нашу тайну и все, о чем узнаешь с этого дня. Ни одна семья не смеет убить тебя без разрешения Совета Пяти.

— Жаль. Я бы отвела твоей кровушки, — хмыкнула Микаэла, складывая в невесть откуда взявшуюся сумку свитки и книги. — Шучу, человек. Чего ты такой нервный-то?

— Да минует тебя Алая ночь, Филипп Уорд, — тихо сказала девушка и, рывком подняв Фила на ноги, нежно поцеловала его в щеку. — Добро пожаловать в наш мир.

— Спасибо, — Фил криво улыбнулся и неловко свел ноги. Внутри все будто пылало после поцелуя Анны, а он как дурак, стоял и улыбался. Но девушка не придавала этому должного значения и, повернувшись к Микаэле, вздохнула.

— Раз тебя освободили до конца совета, отвези Филиппа в магазин к Виорелу и прикупи ему пару защитных амулетов. Ну и на вопросы ответь. Их у него наверняка много.

— Эй! — протестующе завопила Микаэла. — Я в няньки не нанималась. Сама слышала что Владыке нужны мои знания.

— Я, наверное, домой поеду, — хмуро буркнул Фил, ощутив себя никому не нужным.

— Домой тебе нельзя без защиты. Репробари наверняка следят за твоей квартирой. Плюс тебе необходима краткая лекция на тему того, куда ты попал, — отрезала девушка, собирая со стола листы с кельтскими ключами в одну стопку. Она ехидно улыбнулась Микаэле и добавила. — Не забывай, что ты обязана мне подчиняться.

— Помню. Пошли, человек, — хмыкнула Микаэла, бросая сумку с книгами Анне. — Надеюсь найти их в своей комнате.

— Найдешь, если я не забуду их туда закинуть, — ответила та и, посерьезнев, кивнула Филу. — Хорошей поездки, Филипп. Запоминай внимательно все, что увидишь. Новая жизнь тебя непременно удивит.

Фил еле поспевал за Микаэлой, которая неслась по ступеням вверх, словно архангел с крыльями. Когда он достиг выхода из подвалов, то взмок, ноги ныли, а сердце билось, как сумасшедшее. Но модницу это не волновало. Она небрежно поздоровалась с парочкой мужчин в одинаковых бежевых костюмах, проигнорировала их вопросы и свернула в сторону короткого коридора, который привел их в гараж.

Фил присвистнул, когда увидел, какие шедевры автомобилестроения украшают гараж замка де Луна. Здесь был и роскошный бежевый кабриолет «Мустанг» тысяча девятьсот шестьдесят пятого года выпуска. И сияющий хромированными боками «Ламборгини». И ощерившаяся хищными формами «Бугатти». И мрачный, длинный «Мерседес» черного цвета. Но Микаэла проигнорировала машины и направилась в дальний угол, где стоял еще один шедевр, увидев который Фил без стеснения рассмеялся и вспомнил свою старушку «Вольво», которую наверняка уже отконвоировали на штрафстоянку.

— Будешь смеяться, до магазинчика поползешь, потому что я сломаю тебе ноги, — пригрозила Микаэла, сдувая пыль с лобового стекла ржавого «Форда Краун Виктория». — Это моя детка. Единственная и неповторимая среди этого скопища пошлой роскоши.

— Прости, — улыбнулся Фил. — А почему ты не можешь взять, к примеру, тот Мустанг?

— Это машина Анны, — нехотя призналась вампирша. — Если я её возьму, то меня потом ни одна семья под свой кров не примет. У нас, знаешь ли, очень развито чувство собственности. Я купила её давно, да так и не объездила. А с другой стороны, что может быть лучше старой доброй американской классики?

— Мустанг тоже классика, — хмыкнул Фил, заставив Микаэлу одарить его ледяным взглядом светло-серых взгляд. — Прости. Без насмешек. Понял.

— Садись уже, человек. И считай, что твоя экскурсия официально началась. Но учти, если ты замучаешь меня вопросами, то я тебя выпью, как бутылку «Кричащего орла» — жадно и досуха, — буркнула она, когда Фил занял пассажирское место и чихнул, подняв в воздух облако древней пыли. Микаэла усмехнулась и, повернув ключ в замке зажигания, завела двигатель, после чего гордо посмотрела на пассажира. Фил решил не комментировать, а сосредоточиться на пыли, которая ужасно раздражала слизистую носа. Поэтому Микаэла пробурчала что-то едкое и осторожно выехала из гаража, снеся все-таки боковое зеркало у «Мерседеса».

— Отец, разумно ли открывать ему наш мир? — тихо спросила Анна, преклонив колени перед черным резным тронem, на котором сидел её отец. Комната была погружена в максимальный мрак, а тяжелые портеры не пропускали даже редкий луч солнца в помещение. — Его подозрительная осведомленность о рунах... Он может быть опасен для нас.

— Ты не сказала ему, что нейтральный статус необходимо обновлять? — вопросом на вопрос ответил Владимир, потирая худощавой рукой гладкий бледный подбородок.

— Нет, отец.

— Хорошо. В любом случае, его можно быстро убрать без особых проблем, — он улыбнулся, увидев, как Анна поджала губы. — Ты так похожа на свою мать. Она тоже питала жалость к человечеству.

— Зачем его убирать, если можно использовать Кровь Забвения, отец? — спросила она. — Любой наш маг легко очистит его разум так, что он ничего не вспомнит на утро.

— Я не рискую, дитя мое, — ответил старый вампир, внимательно смотря на дочь. — Поэтому я отправил с ним Микаэлу.

— Зачем тогда весь этот цирк с ритуалом инициации? — поморщилась девушка, вставая с колен.

— Он мне пока нужен, как и его знание древних рун. Руны проявились, когда он взял в руки шкатулку. К тому же я не хотел бы привлекать Смарагд к расшифровке. Лучше довольствоваться...

— Скотом? — желваки заиграли под тонкой кожей Анны, но Владимир лишь неприятно усмехнулся. Он привык к вспышкам дочери. И легко с ними управлялся.

— Я этого не говорил.

— Но подразумевал, — с вызовом ответила она. — Люди не ведут двойных игр, отец. Они простодушны и слабы.

— Вот ответ на твой вопрос, — слабо улыбнулся вампир. — Благо семьи для меня первостепенно, Анна. Я гораздо старше, чем ты. И умнее. Не все из человеческого племени слабы и простодушны, как ты думаешь. Некоторые из них хитры и с легкостью меняют сторону, когда это нужно.

— Но Алистер...

— Алистер заслужил право на пожизненную инициализацию, дитя мое, — перебил Анну Владимир. — Интересы семей его не интересуют. Он с легкостью придет на помощь и Тенебра, и Малуа, и Санави лишь потому, что свято чтит нейтралитет и никогда не полезет в интриги между семьями. А господин Уорд... Я хочу знать о нем все до начала совета. Абсолютно все. И если хоть что-то покажется мне подозрительным, он незамедлительно исчезнет. Тебе известна Клятва Крови, дитя мое.

— Семья первостепенна, — хрипло ответила Анна, нахмутив лоб.

— Именно. Займись своими прямыми обязанностями. И отдай распоряжения о том, что в субботу придут главы других семей. Я не хочу портить имидж семьи, поэтому совет должен пройти без происшествий.

— Да, отец, — кивнула Анна, направляясь к выходу. Она задержалась на секунду, бросила в сторону старого вампира внимательный взгляд, а затем, мотнув головой, вышла в коридор, оставив за спиной темную комнату.

Ресторан «Старый виконт».

— Добрый вечер. Определились с выбором? — Микаэла лукаво улыбнулась официанту, подошедшему к их столику, и кивнула. Тот тоже улыбнулся в ответ и достал из нагрудного кармана небольшой блокнотик. — Слушаю.

— Для начала бутылку Клоз де ла Роше, — ответила вампирша, изучая меню. — И кусочек вашего фирменного торта на десерт.

— Отличный выбор. Ваш спутник будет что-нибудь заказывать? — Фил кивнул и отложил меню, цены в котором заставляли шевелиться волосы в подмышках.

— Черный кофе, пожалуйста.

— Могу порекомендовать горький шоколад...

— Нет, спасибо. Только кофе.

— Сей момент, — официант покосился на помятую рубашку Фила и его небритую физиономию, но промолчал и, поклонившись, ушел вглубь зала.

— Ты всегда такой скромный? — усмехнулась Микаэла, закидывая ногу на ногу и внимательно осматривая Фила.

— Всегда, когда ценник одного блюда больше, чем мой месячный заработок.

— Пф! И всего-то? Расслабься, я угощаю.

— Благодарю, но я выпью только кофе. Есть пока не хочется совсем, — покачал головой Фил и, закулив сигарету, вздохнул. — Разве вампиры не пьют кровь?

— Пьют. Еще как. Есть настоящие кровопийцы, которые на утро маются похмельем и головной болью, — рассмеялась Микаэла. Она кивнула официанту, который вернулся к столику и налил вино в бокал. Вампирша дождалась, когда он уйдет, и чуть подалась вперед, чтобы не разговаривать слишком громко. — Ты смущен?

— Да. В легендах вампиры пьют только кровь, а не вино, — пожал плечами Фил. — Получается, что вы можете и человеческой едой питаться?

— Можем, но сытости она не приносит, — Микаэла осторожно поболтала бокал с вином и, вдохнув его аромат, улыбнулась. — Как же я скучала по этому городу. Не подумай, винотека де Луна может похвастаться такими сортами, которых человечество никогда не пробовало, но вот сладости вам удаются лучше всего. Твое здоровье, Филипп.

— Значит, кровь вам жизненно необходима?

— Ты ужасно неромантичен! — воскликнула Микаэла, скрестив руки на груди. Она минуту побуравила Фила раздраженным взглядом, а потом вздохнула и покачала головой. — Ты сидишь в ресторане с прекрасной женщиной и интересуешься не тем, что она делает сегодня вечером, а что она ест и как она ест.

— Прости. У меня голова от вопросов пухнет, — робко улыбнулся Фил. Микаэла подняла бровь и жемчужно рассмеялась, моментально сменив гнев на милость.

— Ладно. Пока я наслаждаюсь вином, то могу немного просветить тебя о нашем мире. Ты же, бедняжка, совсем ничего не знаешь.

— Совсем.

— Да, Филипп. Кровь нам жизненно необходима. Без неё мы теряем силу и начинаем сходить с ума от голода, который невозможно забить вашей едой. Мы называем такой голод жаждой. Когда жажда становится слишком сильна, то голодный вампир становится неприятной помехой, потому что теряет голову и способность адекватно мыслить.

— Поэтому ты вырезала те две деревни? — тихо спросил Фил. Микаэла закусила губу и кивнула.

— И я не горжусь этим. Я пропустила точку невозврата и пустилась во все тяжкие. Ваша еда, конечно, прекрасна, но мы не так остро чувствуем её вкус и вынуждены есть, чтобы не слишком выделяться в толпе. Ну и постепенно это входит в привычку, как и прочее. Кофе, сигареты, алкоголь. Но кровь не сравнима даже с дорогим вином.

— Ты сказала, что оно дает вам силы.

— Да. Ощущение сродни опьянению. С первым же глотком мы получаем приток сил, который сохраняется длительное время, до очередного чувства голода. Предвижу твой очередной вопрос. У всех по-разному, Филипп. Кто-то способен месяц держаться после последнего приема, а кто-то голодает уже на следующий день. С возрастом мы учимся контролировать голод, но иногда случается, что он выходит из-под контроля, как в моем

случае. Точно не хочешь тортик? — спросила она и, когда Фил помотал головой, принялась за десерт. — Восхитительное лакомство. Если и есть в де Луна большой сладкоежка, чем я, то он еще не родился.

— Анна упоминала и другие семьи. Изумруд, тьма и прочее. Что это значит?

— Это значит, что де Луна не единственная семья в Берлине, человек, — ответила вампирша. Фил вдруг понял, что не видел еще зрелища прекраснее, чем наслаждающаяся тортом Микаэла. — Есть и другие. Смарагд, Малуа, Тенебра и Санави.

— И Репробари?

— Нет. Они изгой и не имеют права создавать свою семью. Скорее, стая. Кучка озлобленных псов, отирающихся на окраинах. Будь добр, не порти мне аппетит их упоминанием.

— Виноват, — улыбнулся Фил, когда Микаэла наморщила нос. — И у каждой семьи есть свой глава, как Владимир?

— Конечно. А иначе и не было бы семьи, — кивнула Микаэла. — Но с вопросом о семьях ты лучше к Анне обратись. Она все про них знает. Все грязные секретики и мыслишки.

— Логично. Она дочь Владимира.

— Нет. Логично, что она правая рука главы семьи, и без её ведома ничего не делается.

— Микаэла, прости за бестактность, но получается, что вампиры ничего не боятся? Ни солнца, ни серебра, ни кольев, ни чеснока?

— Чеснока боятся. Проклятый чеснок смердит, как задница Репробари, — поморщилась вампирша. — Солнца мы не боимся, но и не чувствуем себя комфортным при его свете. Видишь ли, мы гораздо бледнее вас, выше, красивее, а это привлекает внимание. Вечером, когда большая часть человечества либо устала, либо пьяна, нам легче смешиваться с толпой. После третьей Алой ночи немногие из нас отваживаются на дневные прогулки, да и вообще относятся к вам подозрительно.

— Глупый вопрос, но как тогда человечество почти истребило ваш вид, Микаэла? — тихо спросил Фил и тут же пожалел, потому что глаза вампирши полыхнули гневом, а губы презрительно сжались. Однако голос по-прежнему остался веселым и беззаботным, хотя Фил понимал, что это обычная маска.

— Огнем, человек. Огнем и толпой. Как бы силен ни был вампир, если на него придется сотня, то он ничего не сможет им противопоставить. Да, разорвет десятков, но оставшиеся девяносто разорвут его. На момент начала третьей Алой ночи вампиры были разрознены. Все чаще и чаще доносились шепотки о слабости Рамиэля. Не было единой семьи, Филипп. Были маленькие группки. А у вас были ордена святой Инквизиции, которая спелась с Репробари.

— Прости. Глупый вопрос, — повторил Фил и замолчал. Он докурив сигарету, раздавил окурки в пепельнице и сделал глоток кофе, как вздрогнул, когда Микаэла накрыла его руку своей ладонью.

— Все в порядке, человек. Ты же не убивал вампиров и не сжигал их. Незачем извиняться. Но лучше сменим тему. Не всякий способен вспоминать темные страницы прошлого с оптимизмом.

— Алистер назвал ту девочку, что вошла в комнату, фейри. Сказал, что её послал Благой двор.

— Помимо вампиров есть и другие расы. Не столь многочисленные и сильные, как мы,

но есть, — кивнула Микаэла.

— И они все обитают в этом городе? Почему?

— Все просто. Средоточие энергетического источника. Здесь комфортно всем. И вампирам, и фейри, и драуграм, и Благому двору, и Неблагому. Такие источники расположены по всему миру, но большая часть давно скрылась под водой, и добраться до них невозможно, — ответила вампирша, смотря на ночную улицу через окно. — Те, кто могут контролировать энергию, черпать её из центра земли, по сути владеют местом, а остальные вынуждены принимать их, как старших. Берлинский источник — один из крупнейших, поэтому здесь целых пять семей.

— Есть и другие семьи? — удивился Фил, хоть и понимал, каким будет ответ ехидной вампирши.

— Конечно, — улыбнулась та. — За океаном, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. В Москве, в Токио, в Мадриде и других. Поэтому города находятся на слуху у всех. Энергия, Филипп, всему виной. Но семьи разрознены и заняты грызней между собой, чем общими идеями. Может, оно и к лучшему. Если человечество откроет глаза и увидит, кто находится с ними рядом, то новой Алой ночи не избежать. Как бы она вообще последней не стала.

— Неужели вы так хорошо прячетесь?

— Ты сомневаешься? — хохотнула она, делая глоток вина. — До встречи с Петром ты и представить не мог, что творится у тебя под носом, а теперь сомневаешься. Смешной человек. Ладно, спишу это на шок. А вообще, ты прав. Прячемся. Так комфортнее. Конечно, есть люди, посвященные в тайну, как ты. Нейтралы. Чаще всего это те, кто каким-либо образом умудрился помочь одной из семей, либо кто-то полезный, вроде ваших политиков. Да, мы обязаны с ними считаться, а иначе даже энергия неспособна нас скрыть от вашего взора. После третьей Алой ночи главы всех семей собрались вместе и дали Клятву Крови, согласно которой человечеству закрывался доступ в наш мир. По соображениям безопасности, Филипп. Сам понимаешь, не маленький. Запрещено открывать случайным людям истинный лик, рассказывать о тайнах и обращать их.

— Значит, обращение не сказки? — вздохнул Фил. — А я все ждал, где же подвох.

— Не сказки. Лишь семерым семьям разрешено обращать людей, но только после полного одобрения местного Совета. У нас эти кто-то — Санави. Когда увидишь их, то сам поймешь, — кивнула Микаэла. — Но обращение — это очень сложный ритуал, который требует не только сил, но и концентрации.

— И как...

— Нет, человек, — перебила его Микаэла и покачала пальцем. — Тебе об этом знать не положено и скажи спасибо, что я вообще заикнулась об этом.

— Наверное, ты права, — вздохнул Фил, обхватив голову руками. — Есть вопросы, которые должны остаться без ответов.

— Именно так, — улыбнулась вампирша и, посмотрев на часы, нахмурилась. — Ну вот. Заболтались мы, а Виорел скоро закроется и уползет в свою пещеру. Давай еще один вопрос и поедем. Один, Филипп. Нервы у меня не железные, а столетнее заключение даёт о себе знать.

— Вы... убиваете людей ради крови? — Фил вздрогнул, когда Микаэла мелодично рассмеялась. Да так сильно, что аж слезы выступили. Успокоившись, она попросила счет у подошедшего официанта, а затем, переведя дух, ответила.

— Средние века кончились, Филипп. Сейчас все семьи наладили связи с больницами и

донорскими пунктами, которые без проблем поставляют кровь. Но есть моменты, когда мы убиваем. Этого не отнять. Голод иной раз сильнее разума, как я говорила. Плюс молодежь должна учиться охотиться.

— И на кого вы охотитесь?

— Это второй вопрос. Но ладно, отвечу и на него. Совет разрешил убивать отбросов общества. Негодяев, подонков, насильников и бандитов. Тех, кто отнимает жизнь на улицах у других. Ты удовлетворен?

— Да. Спасибо за искренность, Микаэла.

— О, не за что, человечек. Всегда рада просветить тебя, — улыбнулась вампирша и встала из-за стола. — Поехали, пока Анна не начала названивать. Она в последнее время очень нервная.

Торговая площадь. Четверг. 22:35.

Микаэла остановила машину в платной зоне и, быстро отправив смс с оплатой услуг, повернулась к задремавшему Филу, после чего сильно ткнула того в плечо, а когда мужчина, дернувшись словно от пощечины, подскочил на месте, ехидно рассмеялась.

Фил, хмуро посмотрев на смеющуюся вампиршу, ограничился лишь грубым жестом, а потом рассеянно осмотрел полупустую улицу и темные витрины торговых магазинов, которые закрылись примерно два часа назад. Все, кроме одного, рядом с которым темнела вывеска «Антикварная лавка Виорела». В магазинчике горел желтый свет, но через мутные стекла практически ничего не было видно, кроме какой-то неясной тени, медленнодвигающейся от края к краю.

— Пошли, человечек, — хмыкнула Микаэла, потянув Фила за собой. Тот вздрогнул, услышав её голос, а потом, нахмурившись, двинулся следом, не забыв задать один из мучивших его вопросов.

— Почему ты постоянно называешь меня человечком? — спросил он, закуривая сигарету, которую ловко стянул из бардачка Микаэлы. Сигарета была старой, пожелтевшей и нещадно драла горло, но Филу было все равно. Кровь скучала по никотину. Вампирша, услышав вопрос, тихо прыснула, а потом, нацепив на лицо преувеличенно серьезное выражение, вздохнула.

— Ты и есть человечек, Филипп. Маленький, хиленький и глупенький. Такие, как ты, очень смешно визжат, когда видят мои клыки и чувствуют, как они вспарывают кожу. Немногие достойны называться человеком.

— Анна сказала, что я под защитой, — побледнел Фил. Происходящее перестало ему казаться дурным сном. Наоборот, теперь это была пугающая реальность.

— И что? — фыркнула вампирша. — Всегда есть место форс-мажору, Филипп. Ты упал, сломал ногу. Открытый перелом, кровь хлещет, а я сто лет в заточении была. Вот меня и перекрыло. Ладно, расслабься, а то в обморок грохнешься. Хотя... в обморок ты точно грохнешься, когда Виорела увидишь без маски.

— Он тоже вампир? — решил сменить тему Фил, выбрасывая сигарету, когда они подошли к тяжелой двери, ведущей в магазинчик.

— Ага, — просто ответила девушка и, раскрыв дверь, громко крикнула в наполненную застывшей в воздухе пылью тишину. — Колокольчик?! Ты дома?!

— Дома, — ответил ей мягкий интеллигентный голос откуда-то из глубины лавки. — Не думал, что увижу тебя так рано, Микаэла.

— Узнал, значит? — рассмеялась вампирша, кивком головы приглашая Фила следовать

за собой.

— Узнал, — без промедления ответил голос, став чуть громче. — Давно ты еду с собой таскаешь?

— Как меня выпустили из подвала, так и таскаю. Наверстываю упущенное, — хмыкнула Микаэла, подходя к кожаному дивану, на котором кто-то сидел. Фил, увидев плешивую серую макушку, больше похожую на подгнившую картошку, громко сглотнул и прислонился к стене, чтобы унять дрожь. — Ну вот. Ты его напугал, Виорел.

— Я на него даже не смотрел, — ответило существо, а потом повернулось к Филу, мочевого пузыря которого вдруг как-то странно надулся и заболел. — Приветствую в моем магазине, молодой человек.

Голова Виорела очень сильно была похожа на неровную картошку, которую плохо почистили от налипших комьев земли. Лицом же он походил на цирковых уродцев, которых маленький Фил как-то видел в бродячем цирке, который проезжал через родную деревню. Большой расплывшийся нос в бородавках, толстые влажные губы, испещренная какими-то странными шрамами землистая кожа, маленькие глазки черного цвета и острые кончики клыков, которые выпирали из-за губ. Ладони, если их можно было назвать ладонями, были мощными, узловатыми и широкими. В одной ладони запросто бы поместилась голова Фила. И еще одна поменьше точно.

Ростом хозяин магазинчика был примерно по плечо Филу и одевался в мешковатую черную мантию, протертую у пола. На груди Виорела тускло поблескивал черный металлический медальон в виде нетопыря.

— Черт, кажется, я проспорила тебе полсотни, — кисло буркнула Микаэла, протягивая хозяину хрустящую купюру. Тот довольно фыркнул в ответ и в одно мгновение спрятал купюру в складках мантии, после чего медленно подошел к замершему Филу и протянул тому руку. Фил осторожно её пожал и незаметно сжал зубы, чтобы не выдать страха.

— Должно же мне было хоть когда-нибудь повезти, — улыбнувшись, ответил Виорел. Улыбка странным образом поменяла его лицо, сделав не таким страшным. Но вот зубы вампира внушали уважение, и если у Анны или Микаэлы зубы мало чем отличались от человеческих, то клыки Виорела были раза в три больше, чем у злобной щуки. Он внимательно осмотрел застывшего Фила и, небрежно поклонившись, представился. — Виорел Тенебра. Хозяин лавки.

— Филипп Уорд. Нейтрал, — буркнул Фил и скривился, когда Микаэла жемчужно рассмеялась.

— Он знает, человек. Ваше племя неспособно увидеть Виорела без маски, если он сам этого не захочет, а знак, который тебе оставили на руке, позволяет видеть все без прикрас, которыми мы вынуждены шифровать особенности внешности.

— Рад знакомству, Филипп Уорд, — проигнорировал сарказм вампирши Виорел и протянул руку в сторону к дивану. — Присаживайтесь.

— Благодарю.

— Чай, кофе?

— Воды, если можно.

— Можно. Кулер прямо за вами, — снова улыбнулся Виорел и погрозил мохнатым пальцем Микаэле, которая вертела в руках какую-то позолоченную безделушку, взятую с витрины. — Не обижайся, если по уходу я попрошу тебя вывернуть карманы.

— Обижает, Колокольчик, — надулась девушка, присаживаясь на диван. Безделушку

она так и не выпустила из рук.

— Итак, что привело тебя сюда, да еще и с тем, кто недавно прошел инициацию, — спросил вампир, садясь на небольшой табурет у стойки.

— А где твоя жена, Виорел? — блеснув глазами, спросила Микаэла и подняла руки, когда хозяин гневно засопел. — Обычный вопрос, друг мой. Не надо тут грызть от ярости стулья и шею моего спутника.

— Прошлый раз ты довела её до слез своими глупыми вопросами, — буркнул тот, успокоившись. — Чем могу помочь, Микаэла? Время — деньги.

— Я не виновата, что женщины Тенебра такие чувствительные, — пожалла плечами Микаэла и посерьезнела. — Ладно. Нам стандартный набор нужен. Парочку защитных амулетов и перстень нейтрала. Сам знаешь, как Смарагд порой охотятся. Пока в морду не ткнешь знаком, не отвяжутся.

— Все есть в наличии. Амулеты стандартные или с усиленной защитой?

— Стандартные, — отмахнулась девушка.

— Уверена? — мягко переспросил вампир.

— Уверена, Виорел. Как уверена и в том, что ты накрутил на усиленную защиту семьдесят процентов.

— Восемьдесят.

— Шикарно живешь, — рассмеялась Микаэла. Фил, не понявший из диалога ровным счетом ничего, лишь пожал плечами и осторожно пригубил прохладную воду из пластикового стаканчика. — Стандартных достаточно. Человечек под защитой семьи пока.

— Пока? — ухватился за слово Виорел.

— Пока, — с нажимом ответила девушка.

— Удивительное дело, — ничуть не смутившись, ответил вампир. — Перстень серебряный, если правильно понимаю?

— Правильно, — кивнула Микаэла и, подмигнув растерянному Филу, улыбнулась. — Не печалься, Филипп. В первый день у всех голова кругом.

— Просто это все как-то слишком реально, — шепотом ответил Фил, а потом вздрогнул, когда вампирша прижалась к нему и тихо вздохнула.

— Я тоже себе часто так говорю, человечек. Привыкнешь, если не сойдешь с ума.

— А были те, кто сходил?

— Конечно, — поддакнул Виорел, услышав их шепот. — Мало кто способен принять факт, что у них под носом существует и развивается целый мир.

— Ну и ваши морды тоже мало кто способен принять, — съязвила Микаэла, но Виорел не обиделся, а тихо рассмеялся. Странно, но вампир перестал выглядеть таким пугающим и Фил немного расслабился. — Помнишь того копа, которому открыли тайну в награду за помощь Санави? На второй день умом тронулся. Да так серьезно, что чуть коллег своих не перестрелял. Все ему вампиры мерещились. А вроде сильный был, крепкий.

— Помню. Он увидел Родика на официальном приеме, — поморщился вампир, становясь за прилавок. Затем он положил на столешницу два позолоченных амулета, с которыми принялся ковыряться, иногда что-то тихо бубня себе под нос, но Фил заинтересованно за ним наблюдал. Пальцы уродливого вампира слабо мерцали в темноте, когда он касался побрякушек. Микаэла же лениво покачивала ногой и изредка комментировала последние новости, о которых между делом рассказывал Виорел.

— А вообще, какие новости сейчас на слуху? — спросила Микаэла, кинув в сторону

хозяйина лавки золотую монетку, которая тут же оказалась поймана широкой ладонью и заботливо спрятана в недра мантии. — Не кривляйся, Колокольчик. Я думала, что мы друзья.

— Угу. Из разных семей, — буркнул тот, но затем, пожав плечами, добавил. — Слухи разные ходят.

— Какие слухи? — подобралась Микаэла.

— Например те, где говорят про изгоев, собирающихся на окраинах города, — вампир внимательно посмотрел на девушку, но кроме наивного взгляда ничего не увидел.

— Пф. Это разве сплетни? Псы постоянно по помойкам таскаются, — хмыкнула она раскуривая трубку. Хозяин покосился на неё, но промолчал.

— Это те, о ком вы говорили в библиотеке? — спросил Фил.

— Ага. Изгой, которых даже собственные семьи выгнали тряпками на улицу. Убийцы, воры, идиоты.

— Как ты? — тихо спросил Фил и вздрогнул, когда вампирша гневно на него посмотрела, после чего лязгнула удлинившимися клыками возле уха. Она мрачно рассмеялась, увидев, что Фил вжался в спинку дивана и с ужасом таращится на её клыки.

— Осторожнее со словами, человек. Для многих семей это оскорбление, которое можно смыть только кровью обидчика, — буркнула она, отсаживаясь подальше.

— Прости, Микаэла. Я не хотел тебя обидеть. Неправильно сформулировал вопрос.

— Знаю. А иначе ты давно бы уже был мертв. И плевать мне на всякие знаки, — кивнула она, с трудом успокаивая дыхание. — Я уничтожила две деревни, потому что потеряла контроль. Ты не знаешь, что такое жажда, человек. Представь свой голод, но в десятки... сотни и тысячи раз сильнее. Он сводит с ума, забывает благоразумие и выпускает на волю зверя. Поэтому я благодарна Владыке, что он не наградил меня отречением от семьи, а всего лишь запер в подвале на двести лет.

— Получается, что изгоями становятся те, кто совершил что-то ужасное и непростительное?

— Верно, Филипп Уорд, — подтвердил Виорел, беря в руки второй амулет и проделывая с ним те же манипуляции, что и с первым. — Чаще всего это те, кто предал семью. Каждая семья чтит Клятву Крови, а тот, кто её нарушает, лишается покровительства семьи.

— И приобретает эту уродливую внешность? — Фил замолчал, когда до него дошло, что он сказал. Но хозяин магазинчика лишь усмехнулся в ответ на это и кивнул.

— Да. Последствия проклятия, которые стирают отличительные признаки семьи, — ответил он и протянул Филу амулет. — Примерьте, пожалуйста.

— Что это? — нахмурился тот, принимая из рук Виорела позолоченный медальон, на котором виднелся красивый орнамент, состоящий из различных знаков. Мелькнули и знакомые луна с нетопырем.

— Защитный амулет, напитанный энергией земли. Вы называете её магией, но правильнее сказать именно энергией. Он блокирует способности Репробари и некоторые... гм... простенькие способности других семей. Иными словами яд изгоев вам не страшен, пока вы носите амулет, — хмыкнул вампир. Фил пожал плечами и надел медальон на шею, после чего вздрогнул, когда сердце словно окатило теплой волной. — Что чувствуете?

— Тепло. Тут, — он ткнул себя пальцем в грудь. Виорел кивнул и протянул ему второй медальон. — Ай!

— В чем дело?

— В груди горит! Словно изжога.

— Надо чуть отрегулировать, — словно извинившись, ответил хозяин магазинчика, забирая медальон. — Второй требует более тонкой настройки. Примерьте пока перстень.

— Это знак нейтрала? — спросил Фил, рассматривая массивный серебряный перстень, на котором был тот же знак, что и на его запястье. Два скрещенных меча, обвитые лозой.

— Да. Он нужен всем, кто впервые вступает в наш мир и видит его таким, каков он есть.

— Иными словами, — буркнула Микаэла, — без этого колечка тебе конец, Филипп. Поэтому не снимай его даже в душе.

— И не собираюсь, — нахмурился Фил, вспомнив удлинившиеся клыки вампирши. Та, словно не заметив, продолжила.

— Порой только оно способно вправить мозги тому, кому жажда затмила разум.

— Обалдеть.

— Голова кругом? — усмехнулась она.

— Нет. Наоборот. Многие легенды о вампирах подтверждаются. А как обстоят дела с осиновыми колами? Вы от них...

— Нет. Это чушь, придуманная напуганными деревенскими балбесами. Кол нам не опасен и может причинить лишь легкий дискомфорт, который проходит после живительного поцелуя с каким-нибудь ублюдком из подворотни. Отсюда берут ноги глупые суеверия твоего племени, Филипп.

— А святая вода?

— Кто оказался ей облит, превратился в Тенебра и спрятался в пещерах, — рассмеялась Микаэла. Даже Виорел улыбнулся и покачал головой, продолжая настраивать медальон. — Нет, человек. Святая вода нам не опасна. Наоборот, некоторые любят шутить над новенькими нейтралами. Обольют себя и начинают орать, пока у человека кровь из ушей не пойдет.

— А кресты?

— Глупости. Мы появились задолго до первых религий. Мы не проклятые, не демоны и не бесы, которые вылезли из вашего Ада, чтобы нести смерть и страдания всяким идиотам, — фыркнула она. — Крест — это всего лишь символ, придуманный вами. Но вот Неблагодой двор почему-то ваши символы, как огня, боится.

— Чего же вы тогда боитесь? — поджал губы Фил. — Кроме огня.

— Хороший вопрос, человек, — прищурила глаза Микаэла и, вздохнув, переглянулась с Виорелом. — Конечно, вампиры сильнее человека, они способны управлять энергией земли, но они малочисленны. Нашу кожу почти невозможно пробить обычным оружием, если только не запустить в вены яд изгоя. Он делает нас слабыми и он виновен в том, что большинство вампиров сгорело на кострах во время третьей Алой ночи, человек. Изгой ненавидят и презирают человечество, но еще сильнее они ненавидят тех, кто их проклял. Нас. И ради нашего уничтожения они готовы заключать союзы со скотом, которым питаются. Как видишь, обычная человеческая модель поведения. Плюс раскаленное пламя. Каким бы сильным и крепким ни был вампир, даже он сгорит дотла в пламени огромного костра.

— Прости. Я не хотел...

— Все в порядке, — улыбнулась Микаэла. — Я понимаю твое любопытство. Не каждый день сталкиваешься с легендами, которые реальнее, чем прыщи на твоём лбу. Виорел, долго еще?

— Почти все, — хмыкнул вампир, протягивая Филу настроенный медальон. На этот раз медальон не жег грудь, а наполнив её теплом, вновь превратился в холодную безделушку. — Отлично. Его можешь носить в кармане, но первый должен всегда быть на тебе. Таким образом отследить тебя будет проблематично. Даже лучшие ищейки Репробари с этим не справятся. С вас пятьдесят восемь тысяч за два амулета. Перстень в подарок.

— Сколько? — задохнулся Фил, заставив вампиршу рассмеяться. Та подошла к хозяину лавочки и протянула ему черную пластиковую карточку, на которой Фил увидел серый лик луны в окружении звезд.

— Привыкай, человечек, привыкай. Работа Виорела стоит дорого, потому что я из другой семьи, а еще он лучший мастер амулетов из всех, кого я знаю.

— Я люблю тебя, Микаэла, но меньше не могу, — виновато потупился тот, принимая карточку и вставляя её в терминал, который тихо пискнул и загорелся зеленым. — Оплата прошла. Спасибо за покупку.

— Все в порядке, Колокольчик, — улыбнулась девушка, забирая карточку. Она задумалась на миг и спросила. — Тебя ждать на субботний совет?

— Возможно. Если Владыке Раду понадобится моя помощь, — скромно ответил Виорел.

— В таком случае захвати свою женушку. Мы с ней так и не договорили, — рассмеялась Микаэла, когда хозяин снова нахмурил уродливый лоб и засопел. — Шутки ты понимать так и не научился.

— Твои шутки жестоки, Микаэла, — парировал тот, протягивая руку Филу. — Рад знакомству, Филипп Уорд. Если вам понадобятся новые амулеты или возникнет необходимость отрегулировать их, буду рад вам помочь.

— Спасибо, — кивнул Фил и, вздохнув, направился следом за Микаэлой, которая незаметно положила в карман безделушку, которую до этого момента вертела в руках. Виорел лишь покачал головой и что-то записал в черную тетрадку, лежащую на стойке, после чего задумчиво посмотрел вслед Филу, который последним вышел из его лавки.

— Едем в замок? — спросил Фил, когда Микаэла вывела свой Форд на дорогу.

— Шутишь? — фыркнула вампирша. — И что там делать? Слушать занудные проповеди Анны или отвечать на вопросы братьев и сестер, где я пропадала сто лет? Нет, человечек. Мы едем в сладкую обитель греха, где предадимся самому прекрасному пороку на свете — алкоголизму.

— Не называй меня человечком, — нахмурился Фил, вытаскивая из кармана пачку сигарет, которую купил в торговом автомате рядом с магазином Виорела.

— Хорошо, человечек, — усмехнулась Микаэла и вдавила педаль газа в пол. Двигатель Форда взревел и машина понеслась по оживленной дороге, обгоняя другие автомобили.

Глава пятая. Провокация.

Машина остановилась возле большого здания, издали привлекающего внимание яркими красками и неоновым светом. Фил, снова нахмурившись, повернулся к Микаэле, которая, пользуясь моментом, подкрашивала губы, но вампирша подняла вверх палец, призывая его молчать и лишь после того, как её губы заблестели глубоким карминовым цветом, соизволила выслушать вопрос.

— Мы на Вечнозеленой улице? — спросил Фил, рассматривая здание ночного клуба «Зеленая фея», возле которого было не протолкнуться. — В старом Берлине, да?

— Именно, человек, — кивнула Микаэла. — Тебя что-то смущает? Тот пьяный скот, орошающий мочой стены?

— Другое. Я проезжал здесь тысячи раз, но этот клуб вижу впервые. Разве тут не закрытый концертный зал для любителей блюза?

— Иллюзия, Филипп. Помнишь мои слова о маске Виорела? Как только ты получил знак, то прозрел. Многое тебе покажется в городе странным, а этот клуб — всего лишь клуб. С маленькой поправочкой. Этот клуб для нас и нейтралов. Обычным людям сюда нет хода.

— Но есть же службы... налоговая, полиция, — не унимался Фил.

— Вопрос цены, человек. Человечество всегда было слишком падким на деньги. Плюс нейтралы есть и среди ваших политиков, как я уже говорила, что позволяет нам не беспокоиться о безопасности. Говорю же, мы стали гораздо умнее после третьей Алой ночи, Филипп. И если ты закончил, то я хочу поскорее отведать дивного французского вина из подвалов «Феи».

— А я?

— А что ты? Ты нейтрал. Тебя трогать никто не будет, если сам, конечно, не спровоцируешь. Но ты рядышком держись и все пройдет, как по маслу, — улыбнулась Микаэла, открывая дверь. — Пошли. И помни одну вещь.

— Какую?

— Не пялься на Неблагой двор. Они этого жуть как не любят. Особенно от нейтралов.

— Что это значит? — растеряно спросил Фил, тоже выходя из машины и следуя за Микаэлой.

— Это значит, что ты можешь получить по морде, если будешь слишком пристально их разглядывать. Помалкивай, пока не привыкнешь и держись рядом. Все? Вопросы еще будут? — она тихо рассмеялась, когда Фил кивнул, и, вздохнув, поманила его за собой. — Не сомневалась, Филипп. Вопросы подождут, а вот вино нет. Пошли.

Переступив порог клуба, Фил поморщился, когда в уши ударила гипнотическая волна готик-рока, но мотнув головой, пошел следом за Микаэлой, которая ловко лавировала между танцующими посетителями и шла к барной стойке в противоположном конце зала. Слева находилась сцена, на которой сейчас выступала группа: мощные здоровяки, все, как один со светлыми волосами, яростно трясли головами в такт музыке и улыбались визжащим зрителям. Но Микаэлу они не интересовали. Девушка, подойдя к стойке, улыбнулась бармену и помахала зажатой в руке карточкой. Тот все понял без лишних слов и Фил даже не успел заметить или удивиться, как рядом с Микаэлой появился бокал с вином и чашка с дымящимся кофе. Он во все глаза смотрел на бармена, которого лишь поначалу принял за

человека.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Барменом был высокий, крепкий мужчина, чью голову увенчивали небольшие красные рожки, а глаза были залиты знакомой зеленцой, как и у девочки, появившейся в комнате замка де Луна. Разве что гораздо темнее. Руки бармена украшала вязь затейливой кельтской татуировки, а на груди висел медальон в виде круглого камешка, одна из сторон которого была темно-зеленой, а вторая светло-зеленой.

Мужчина нахмурился, поймав взгляд Фила, и оценивающе осмотрел посетителя, после чего слабо кивнул, увидев перстень на руке, и указал на чашку кофе, которая стояла рядом со стаканом Микаэлы.

— Что я тебе говорила? — прошипела Микаэла, когда Фил опустился на стул рядом и взял дрожащими руками кофе. — Повезло, что Дарак не обидчивый и привык к взглядам нейтралов. Драугры чаще всего прячутся под маской, чтобы не пугать остальных.

— Он из Неблагого двора? — хмыкнул Фил, искоса поглядывая на мужчину, который успевал не только обслуживать новых посетителей, но и перекидываться парой слов с теми, кто сидел за стойкой.

— Как ты догадался? — изумленно протянула Микаэла и тихо рассмеялась, заметив, что Фил напрягся. — Верно, человек. Этот клуб принадлежит Дараку. Неблагие знают толк в развлечениях и выпивке. И музыка отличная.

— Я видел сегодня девочку с крыльями в замке...

— Она из Благих. У семей с Благим двором договор, согласно которому Благие посылают своих детей к нам на службу до совершеннолетия. Эдакая благодарность за то, что мы помогли им выжить во время третьей Алой ночи.

— А Неблагие? Они служат изгоям?

— Они никому не служат. И не ори так громко. Если кто из Неблагих услышит, что ты их в слуги к Репробари записал, то тебе оторвут голову, а кровь пустят на коктейли, — хмыкнула Микаэла.

— Да, глупость ляпнул.

— Все в порядке, человек. Неблагие лишь формально считаются независимыми, а на деле занимают ступень ниже, как и Благой двор...

— Микаэла, — улыбнулся бармен, подходя к девушке и заставляя её замолчать. — Рад тебя видеть в здравии. Ходил слух, что де Луна вмуровали тебя в замковую стену в подземелье.

— Им будет тяжело без моего острого язычка, — улыбнулась Микаэла. — Как дела, Дарак? Процветаешь, смотрю. Даже Малуа у тебя на сцене играют.

— Как же, — хмыкнул мужчина, чуть наклоняясь вперед. — Умолчу о немаленькой сумме, которую мне пришлось им заплатить. Но что не сделаешь ради рекламы своего заведения. Кто твой спутник? Я не видел его раньше.

— Филипп Уорд, — представился Фил, протягивая руку. Бармен ехидно рассмеялся и покачал головой.

— Извини, Филипп Уорд, но руку мы пожимаем только тем, кто достоин нашего рукопожатия.

— Не вредничай, Дарак. Он несколько часов, как нейтрал, — перебила бармена Микаэла. — Где твоя любезность?

— На кончиках рогов, — улыбнулся тот и кивнул на пустой бокал. — Еще вина?

— Будь добр. И давай сразу бутылку.

— А тебе, Филипп Уорд?

— Виски со льдом, — хрипло ответил Фил, ежась от оценивающих взглядов остальных посетителей клуба.

— Ты платишь? — усмехнулась Микаэла, а потом закатила глаза и вздохнула. — И тебе тяжело даются мои шутки, Филипп. Расслабься. Я потащила тебя сюда, значит, я угощаю. Негласное правило мира, знаешь ли. Дай ему виски, Дарак.

— Прошу, — кивнул бармен, ставя на стойку бокал с виски и бутылку вина для вампирши. Та, откупорив пробку, жадно принялась и растянула губы в довольной улыбке.

— Сто лет прошло, а ты помнишь. Спасибо, дорогой.

— Хорошего вечера, Мики, — улыбнулся тот и отправился обслуживать других гостей.

— Говнюк, — нахмурилась девушка. — Знает, что я ненавижу, когда мое имя коверкают и сокращают.

— Почему на меня так странно все смотрят? — спросил Фил, одаря жарким взглядом в ответ красивую рыжеволосую девушку с темно-зелеными глазами, которая под села рядом и облизнула полные губы.

— Человечек, ты же человек, — удивленно протянула Микаэла. — Ты как жареный стейк для оголодавшего бродяги. Как дивная булочка для обжоры. Как шоколад для сладкоежки.

— Понятно. Они хотят меня сожрать, — кисло кивнул Фил и, повернувшись к рыжеволосой, нахмурил брови. — Простите, но не могли бы вы отсесть?

— Боишься, человек? — сверкнула острыми зубками девушка. Она чуть подалась вперед, но услышав вкрадчивое покашливание Микаэлы, тут же дернулась в сторону. — Надеюсь, мы встретимся, когда ты сорвешься с поводка де Луна.

— Хочешь предложить ему шипованный ошейник? — ехидно спросила Микаэла и рассмеялась, когда рыжеволосая исчезла в танцующей толпе. — Бедняжка. Видел, что её зрачки почти не видны?

— Да, — кивнул Фил. — Она тоже из Благого двора?

— Нет. Она голодная, а ты слишком приятно пахнешь, Филипп, — усмехнулась вампирша, делая аккуратный глоток вина. — Жажда почти захватила её, а значит, кому-то ночью сегодня не поздоровится и человечество лишится какой-нибудь малонужной ячейки своего племени.

— Почему вы так не любите людей, но сами допускаете их в свой мир? — огрызнулся Фил, сбросив руку Микаэлы с плеча.

— Иногда это благодарность за помощь. Иногда необходимость, чтобы выжить, — вампирша закусила губу и внимательно посмотрела на Фила. — А как ты думаешь, Филипп? За что можно вас любить или уважать? Вы уничтожаете то, что не в силах понять и принять. Вы клянетесь в верности, а потом предаете, как только возникает такая возможность. Ваша жестокость пропорциональна вашей трусости и жажде власти. Вы считаете нас нелюдями, но сами творите вещи, от которых волосы встают дыбом даже у бывалых палачей Малуа. За что можно вас любить, Филипп? Мать Дарака похитили триста лет назад и показывали в цирке за деньги, а потом убили, когда она перестала приносить прибыль. Но он улыбается тебе и наливает виски, хотя с диким удовольствием бы оторвал твою голову и залил бы себя твоей кровью. Первую жену Виорела человеческие звереныши поймали ночью. Они издевались над ней неделю. Прижигали, насиловали, били. А потом выбросили в реку, когда

она самостоятельно прервала свою жизнь.

— Но у вас же есть сила.

— Потому что в одиночку против толпы ты ничто, человек. Вспомни наш разговор в ресторане, — грустно ответила Микаэла, доливая вино в бокал. — Крина, первая жена Виорела, была красавицей. Даже де Луна отдавали дань её красоте, а Виорела называли счастливымчиком. Она запросто бы растерзала пять человек, но не шайку из двадцати негодяев, Филипп. Хотя она и принадлежала Тенебра, но силы её были слабы после Алой ночи, а приказ глав семей не трогать ваше племя жег сердце каленым железом. После того случая все поменялось, человек. Чтобы избежать нового раскола и новой Алой ночи, была внесена поправка в древний закон. Она гласила, что лишь избранные люди достойны места в нашем мире. А еще узаконено право на самозащиту. Ваши вожди были вынуждены пойти на это, ибо в случае отказа, города потонули бы в крови. Вампиры жаждали мести, жаждали голов тех, кто надругался над Криной. И они их получили. А мы получили ценный урок. Сейчас даже сотня человек не способна причинить зло одинокой женщине Тенебра. А две сотни вызовут лишь её смех. Все благодаря энергии, которую уродцы черпают из глубин земли. За что вас можно любить, если вы заставляете себя ненавидеть? Редкие, очень редкие люди способны вызвать наше уважение, но их единицы из миллионов, Филипп. Единицы тех, кто принимает нас, а не осуждает. Даже ты осуждаешь нас, хотя толком ничего не знаешь. Пей, человек. Я устала говорить и в моем горле сухо, как в пустыне. Пей, Филипп Уорд, и думай, прежде чем задать вопрос.

— Прости, Микаэла, — вздохнул Филипп, закуривая сигарету.

— Все в порядке, человек, — улыбнулась та, даже не взглянув на него. — Все в порядке.

Хмыкнув, Фил сделал глоток виски и повернулся лицом к толпе разномастных существ, которые радостно скакали под тяжелую и заводную музыку синеглазых музыкантов. Первоначальное удивление почти прошло и Фил задумчиво рассматривал других вампиров, которые даже здесь общались группами, диковинных монстров, в чьем облике человеческого почти не было, и хрупких красивых девушек, очень сильно похожих на ту феяри, которую Фил видел в замке.

— Это хильдры, — тихо произнесла Микаэла, заметив куда смотрит Фил. — Местные вертихвостки. Фактически подчиняются Малуа, а на деле постоянно плюют на правила.

— У них хвосты, — буркнул Фил, увидев маленький пушистый хвостик, когда одна из девушек повернулась.

— Ага. И зубы звериные. Хвост отпадает, когда хильдра переспит с человеком. Особенности вида, так сказать. Раньше они постоянно этим пользовались, чтобы спрятаться от инквизиции и слишком любопытных особей твоего вида, а сейчас вдруг вспомнили о целомудрии и превратились в диких зануд.

— Можно отнести их к феяри, — хмыкнул Фил. — Духи леса и природы. Я читал о них в сказках.

— Феяри более просты, — пожала плечами Микаэла. — Они не причиняют вред человеку. Могут, конечно, соблазнить того, кто им понравился. Чуть крови позаимствовать или просто сделать подарок. А хильдры чаще всего своих жертв убивают. Вернее, убивали раньше, пока Малуа их почти под корень не извели.

— А кто те странные существа в плащах, чьего лица не видно? — спросил Фил, заметив группу высоких созданий, которые стояли в углу и, казалось, не обращали внимания ни на

концерт, ни на других гостей.

— Дуллаханы. Они за Смарагд потянулись из Ирландии, да так тут и остались, — ответила Микаэла, доливая вина в бокал. — Их мало, но они есть.

— Дуллаханы? Всадники без головы? — удивился Фил.

— Ты когда удивляться перестанешь? — фыркнула вампирша и покачала головой. — Голова у них на месте, но когда дуллаханы идут в бой, то голову оставляют, чтобы та им не мешалась. Сильные создания. Во время второй Алой ночи они к Беллариэлю примкнули, и нам пришлось с ними повозиться, потому что уродцы бессмертны и восстанавливаются от ран спустя какое-то время. Не знаю как, но Рамиэль сумел с ними договориться и они влились в его войско почти полностью, а тех, кто отказался истребили.

— Но они же бессмертны. Ты сама сказала.

— Сказала. Убить дуллахана может только другой дуллахан. Видишь ли, Филипп, выживание они ставят на первое место, а любому дураку тогда было понятно, что Беллариэль проиграет. Вот и переметнулись они быстренько на сторону побеждавших. Дуллаханы истово ненавидят изгоев, считая их причиной малочисленности своей семьи, хотя виноваты они сами. Во время третьей Алой ночи они встали стеной, не пуская ваших инквизиторов, и дали нам возможность бежать. Многие семьи благодарны им и де Луна одна из них. Каждый вампир знает легенду, когда триста дуллаханов, сцепив руки, стояла на границе леса, не давая людям пройти. В них летели стрелы, их кололи копьями и мечами, пытались сжигать и калечить, но дуллаханы не дрогнули. Они выстояли, несмотря на чудовищную боль, раз за разом воскресая назло врагам. Не удивляйся, если будешь ловить их косые взгляды.

— Я помню. Наш вид для вас, как заноза в заднице.

— Отчасти, Филипп. Отчасти.

— А ты? Почему ты ненавидишь людей? Тебя наверняка еще не было, когда устраивались гонения, — спросил Фил, закуривая сигарету. Вампирша криво усмехнулась и покачала головой.

— Ошибаешься. Я была маленькой, но помню все. И костры, и жадный смех уродливых людишек, лапающих вампирских женщин, и блеск их глаз, когда кто-то из нас начинал молить о пощаде. На моих глазах сожгли родителей, Филипп. Я слышала их крики и ничего не могла поделать. Лишь стояла и смотрела, как они горят, вцепившись в руку Владимира. Я не ненавижу ваше племя, Филипп. Я его презираю. Это разные вещи.

Но Фил видел, что Микаэла еле скрывает гнев. Видел, как она закусывает губы. Видел как она сжимает побелевшими пальцами бокал с вином и как отсутствующе смотрит в зеркало напротив. Отсутствующий взгляд был у Микаэлы до того момента, как дверь в клуб словно снесло взрывом, а в помещение бросилась толпа уродливых существ, которые были волосатыми и по размерам значительно превышали даже рослых посетителей.

— Репробари! — из горла Микаэлы донесся сиплый рык, а уши заострились, как и черты лица, сделав девушку больше похожей на зверя. В правой руке тускло сверкнул тонкий стилет из темного металла, а светло-серые глаза стали молочно белыми, когда одна из тварей бросилась к Микаэле. Та лишь глухо прорычала в ответ, уклоняясь от взмаха волосатой лапы. — Ха! На ловца и зверь бежит.

— Осторожно! — выкрикнул Фил, заметив, что сбоку к девушке подбирается еще одна тварь, но её остановил громкий выстрел. В ушах зазвенело и Фил, помотав головой, увидел, как бармен Дарак перезаряжает диковинный обрез и нацеливает его на очередного монстра.

Слева в один клубок сплелась знакомая Филу рыжеволосая девушка и рослый изгой, в чертах которого было мало звериных черт. Он заорал, когда вампирша впиалась ему в правую лапу, а потом левым хуком отбросил её в сторону и вскочил на ноги. Фил вздрогнул, когда оранжевые глаза монстра остановились на нем и уродливые губы растянулись в улыбке. Чертыхнувшись, он разбил пустую бутылку из-под вина и выставил перед собой «розочку», но это вызвало лишь лающий смех изгоя. Пригнувшись, тот резко и без предупреждений бросился на Фила, раскрыв фиолетовую пасть.

Фил с трудом увернулся от первой атаки и проклял свои ватные ноги, которые мелко дрожали. Затем, пригнувшись, позволил изгою махнуть лапой над головой и вонзил «розочку» в шею, после чего рухнул на землю, когда раненный монстр вспорол когтями рубашку, зацепив грудь и прочертив на коже четыре кровавых полосы. Но черная кровь, широким потоком, хлынувшая на пол, заставила чудовище пошатнуться и Фил, собрав волю в кулак, схватил высокий барный стул и без сожаления опустил его на голову изгоя. Затем, хрипло расхохотавшись, он принялся дубасить монстра стулом и остановился лишь тогда, когда на спину легла ладонь Микаэлы. Девушка хрипло дышала, из уголка губ стекала кровь, но черный стилет в руке был мокрым от вражеской крови.

— Хороший удар, человек. Жестокий. Повезло тебе, что это неофит, — усмехнулась она, выискивая очередную цель. Цель нашлась в лице здорового зверя, который стоял у входа и отрывистыми командами координировал нападавших. Микаэла хищно улыбнулась и, перебросив стилет в левую руку, подмигнула Филу. — А теперь смотри, как работают профи.

— Эй, человек, — Фил повернулся на голос и увидел рыжеволосую вампиршу, которая протягивала ему широкий кинжал, покрытый таинственными знаками. — Спасибо за помощь. Возьми на время. Он лучше стула и бутылки.

— Спасибо, — кивнул Фил. В какой-то момент ему захотелось просто сесть на пол и обхватить голову руками, но битва, кипевшая на залитом кровью полу клуба, отрезвила его, и наполнило сердце необходимой дозой адреналина. Он прищурился, удовлетворенно вздохнул, увидев бежевое пятно, окрашивающее стены в красный, и бросился к сцене, где музыканты бились с тремя тварями, превосходящими их по росту. Рядом с ними замер и вожак — главная цель Микаэлы.

Фил, сам того не ведая, вдруг громко заорал, отвлекая внимание одного из изгоев, который оседлал светловолосого здоровяка и уже готовился пронзить ему горло когтями, а затем прыгнул вперед двумя ногами. Ощущения были такими, словно Фил врезался в камень, но чудовище злобно рыкнуло и откатилось в сторону, после чего тут же бросилось в атаку. Но на его беду Фил оценил преимущество своего маленького роста и ловко уворачивался от ударов зверя, попутно нанося тому болезненные тычки кинжалом рыжеволосой вампирши. А когда на помощь Филу бросился музыкант, которого он спас, чудовище завывало и прижалось к стене. Однако ярость его по-прежнему была сильной.

— Я отвлеку его, а ты пронзи сердце, — прохрипел здоровяк, отвесив изгою идеальный хук справа. Голос у него был хриплым и низким, а глаза темно-синими. Настолько синими, что зрачка почти не было видно. Лоб музыканта кровоточил, заливая глаза, но тот не обращал на рану внимания, сосредоточившись на изгое.

— Хорошо, — выдохнул Фил, сжимая рукоять кинжала влажной ладонью. Он дождался, когда чудовище качнется в одну сторону и развернется к здоровяку, а потом поднырнул под лапу и вонзил клинок в левую сторону груди. От раздавшегося рева заложило уши, а в лицо

хлынула черная кровь. Горькая и горячая.

Вожак, отбросив Микаэлу к стене, злобно зарычал, а затем что-то отрывисто пролаял и бросился к выходу. Вместе с ним клуб покинули и остальные твари, не забыв подобрать раненых. Фил облизнул пересохшие губы и обессиленно прислонился к стене, рядом с которой лежал бездыханный изгой, пронзенный его кинжалом. Рядом уселся и синеглазый музыкант, который оторвал от черной майки кусок ткани и прижал его ко лбу.

— Лихо ты его ужалил, человечек, — усмехнулась Микаэла, опускаясь на корточки рядом с Филом. Тот кисло улыбнулся в ответ и, застонав, прижал руку к груди, расплоскованной первым изгоем. — Не плачь. Жить будешь.

— Грудь словно горит, — поморщился Фил.

— Это яд. Хорошо, что рана неглубокая. Сам вытечет, — хрипло ответил синеглазый, с неприязнью посмотрев на Микаэлу. Та улыбнулась и улыбка больше походила на оскал.

— Ингольв, — хохотнула вампирша. — Вот так встреча. Впрочем, благодарю, что помог человечку победить эту тварь.

— И я тебя благодарю, что пришла на помощь.

— Не стоит. Мне нужен был вожак, — синеглазый покачал головой и поджал губы. — Ну, что ты расстроился? Ты жив, а это главное. Радуйся, Ингольв, что тебя спас тот, кого ты презираешь.

— Спасибо, человек, — буркнул тот, повернувшись к Филу.

— Филипп Уорд. Не за что, — кивнул Фил, вытирая испачканный кровью кинжал об колено и протягивая его подошедшей рыжеволосой вампирше. Правая рука той висела плетью, но на губах витала довольная улыбка, а глаза горели лихорадочным огнем. — Благодарю за оружие. Оно спасло, по крайней мере, две жизни.

— Не иначе небеса пали на землю, если меня спас кинжал Смарагд, — сплюнул синеглазый, но девушка лишь пожала плечами и кивнула Микаэле.

— Без пафоса никуда. Тебя спас он, задница ты синеглазая, — констатировала Микаэла, намазывая раны Фила приятно пахнущей мазью. Тот благодарно улыбнулся и неловко покраснел, когда понял, что прикосновения пальцев Микаэлы вызывают мурашки. — Знакомься, человечек. Этот словоблуд — Ингольв Малуа, правая рука Вегейра. А девица которая хотела тебя съесть — Морин Смарагд. Дарак, ты там цел? Отпусти бутылку виски для дезинфекции, пожалуйста.

— Момент, — откликнулся бармен, кисло обводящий взглядом разгромленный клуб. Он вернулся через пару минут и протянул девушке початую бутылку виски. Микаэла сделала внушительный глоток из горла, поморщилась, а затем щедро плеснула янтарной жидкостью на грудь Филу, заставив того замычать. Бармен слабо улыбнулся и, скрестив руки на груди, злобно посмотрел на застывшую тушу изгоя. — Репробари потеряли страх.

— Это провокация, — спокойно ответила Микаэла, словно битвы в клубе не было.

— С чего такая уверенность? — подозрительно нахмурился Ингольв.

— Сам подумай, — отмахнулась вампирша, доставая телефон из кармана и набирая номер. — Изгой редко нападают в старом городе. Их обитель — это окраины и трущобы. А тут целая стая. Сорок-пятьдесят тварей. И заметь, нападали только на вампиров.

— Репробари ответят за смерть Малуа, — хрипло ответил Ингольв. Микаэла кивнула и приложила тряпку, смоченную виски ко лбу здоровяка. Тот зашипел и отшатнулся, как от огня, вызвав у вампирши ехидный смешок.

— Ой, прости. Думала, что ты человечек. Но санавского бальзама у меня нет, — она

нахмурилась и поднялась с колен, когда в телефоне ответили. — Владыка, прошу простить, но случилось чрезвычайное происшествие. В клубе «Зеленая фея». На него напала стая Репробари. Да, я тоже так подумала. Нет, я в порядке. Он тоже. Да, Владыка. Мне нужно примерно два часа на дорогу. Благодарю, Владыка.

— Все в порядке? — тихо спросил Фил, закуривая сигарету. Микаэла кивнула.

— Да. Владыка ждет отчета о происшествии. Простите, дамы и господа, но нам необходимо покинуть ваше прекрасное общество.

— Малуа тоже узнают о том, что здесь произошло, — поморщился Ингольв.

— Как и Смарагд, — добавила Морин, внимательно изучая вампиршу темно-зелеными глазами. Слишком яркими, для обычного человека.

— Ну естественно, — раздраженно буркнула Микаэла. — Филипп, ты закончил коптить свои легкие? В таком случае, поехали. Владыка не любит ждать, а у меня нет желания возвращаться в подвал еще на пару столетий.

Глава шестая. Совет.

По возвращении в замок Филипп не успел удивиться вооруженной до зубов охране, которая стояла возле тяжелых кованых ворот, и несколькими дронам, патрулирующим территорию с воздуха. Микаэла, ехидно оскалившись светловолосому охраннику в бежевом костюме, дождалась, когда ворота откроются и, вдавив педаль газа в пол, направила машину в гараж. На все вопросы Фила она либо отмалчивалась, либо оставляла слишком уж ехидные комментарии. Но Фил догадался, что замок принимает высоких гостей, когда увидел, что охрану де Луна разбавляют и другие, стоящие отдельными группками возле входа и по видимому периметру здания.

Сильнее всего выделялись рослые здоровяки со светлыми волосами, которые были похожи на тех, кого Фил видел в клубе. У них были такие же темно-синие глаза, но одежда, в отличие от изящных костюмов де Луна, была более простой. Почти все предпочитали темно-синие пиджаки, черные брюки и черные рубашки из шелка. Чуть поодаль от них стояла группа девушек небольшого роста, которые синхронно обернулись в сторону Фила и сдержанно поклонились Микаэле, не заметившей этот жест. Их глаза горели насыщенным красным цветом, а одежда была скромной и неприметной: строгие серые платья с высоким горлом, закрытой грудью и скрывающие обувь. Даже прически у них были одинаковы и представляли собой тугие косы. Но на спинах девушек Фил увидел нечто похожее на ножны и, повернувшись к Микаэле, открыл рот, чтобы задать вопрос, но вампирша, пробурчав что-то грубое, нехотя пояснила увиденное.

— *Ignis sororis*, — хмыкнула она, входя в главные двери и направляясь по коридору к лестнице.

— Сестры Огня? — переспросил Фил.

— Да. Чопорные и сумасшедшие девки, — процедила Микаэла и поторопила Фила. — Не отставай, человек. Владыка ждать не любит, а это сборище ряженых клоунов тут неспроста.

На втором этаже Филипп увидел других, которые показались ему знакомыми. А всему виной были их ладони — единственное, что оставалось на виду. Они были широкими, мясистыми и покрытыми темными жесткими волосками, как у Виорела. Незнакомцы прятали лица под капюшонами черных мантий, и увидеть их не представлялось возможным, но Фил не очень этого хотел. Лишь украдкой он успел увидеть слабый черный огонек во тьме под капюшоном, когда поравнялся с одним из гостей. Вздрогнув, Фил мотнул головой, отгоняя дурные мысли и ускорил шаг, потому что неутомимая Микаэла летела, словно на крыльях.

Возле резных дверей, ведущих в главный зал замка, они наткнулись еще на одну группу. На этот раз гости щеголяли пестрыми одеждами, которые напомнили Филу старинные английские гравюры. Одежда сочетала в себе все оттенки зелени, а глаза гостей были насыщенного, темно-зеленого цвета, как у той рыжеволосой вампирши из клуба. Кажется, Микаэла назвала их Смарагд. Среди них были и девушки, но каждой из них могла быть уже не одна сотня лет. Но девушки тоже были красивы. Рыжие гривы непокорных волос спадали на плечи, глаза яростно сверкали в сумраке коридора, а чувственные, ярко-красные губы блестели, как драгоценные рубины. Они поморщились, когда Микаэла с каменной

физиономией растолкала их и, открыв двери, взглядом показала Филу войти внутрь. Затем, улыбнувшись самой гадкой улыбкой, вошла следом.

— Вроде совет должен был собраться в субботу, — буркнула девушка, направляясь в сторону Анны, которая меланхолично осматривала гостей, стоя возле неприметной дверцы. Рядом с ней никого не было и стоило хоть кому-то взглянуть в лицо дочери Владимира, то желание встать рядом мгновенно бы умерло и никогда не воскресло.

— Микаэла, — тихо поприветствовала её Анна и, переведя взгляд на Фила, слабо улыбнулась. — Господин Уорд.

— Можно просто Фил или Филипп, — напомнил тот, покраснев от смущения. Анна сменила строгий костюм черного цвета на черную блузку с весьма вызывающим декольте и облегающую бедра черную юбку. Ноги украшали классические туфли на высоком каблуке. Действительно украшали, подумал Фил.

— Что это за сборище? — прошипела Микаэла. — Я видела возле входа в зал рыжих дикарей, а внизу толпятся чопорные вперемешку с пафосными. И почему ты одета, как незамужняя девица из Тенебра?

— Отец принял решение провести совет сегодня после полученных от тебя новостей. Главы прибыли двадцать минут назад, — холодным тоном ответила Анна.

— Понятно. Пойду, поищу себе выпить. Человечек на тебе, — отмахнулась Микаэла и ележно улыбнувшись, направилась к большому столу, уставленному изысканными деликатесами. — Осторожнее, он любит задавать неудобные вопросы.

— Простите, Анна, мне покинуть зал? — тихо спросил Фил, когда вампирша ушла.

— Нет. Можете остаться, — покачала головой девушка. Она нахмурила аккуратные брови, а потом, чуть подавшись вперед, задала вопрос. — Что случилось в «Зеленой фее»?

— Мы сидели возле барной стойки, когда дверь вылетела, будто бы от взрыва, — Фил понизил голос так, чтобы его слышала только Анна, и неприязненно покосился на гуляющего рядом гостя в черной мантии. — А потом влетели они. Микаэла сказала, что это изгой и их было примерно пятьдесят. Они сразу же кинулись на посетителей, а мне пришлось отбиваться от какого-то неофита.

— Новичок, — пояснила Анна. — Еще не утратил привычный облик, но и от него мало что осталось. Они не очень сильны, но опасны, потому что питают силы звериной яростью и обидой на семью, которая их прокляла. Что было дальше?

— Изгой бросались только на вампиров, — Фил вспомнил темно-синие глаза музыкантов и вздохнул. — Там выжил один синеглазый. Микаэла назвала его Ингольвом.

— Правая рука Малуа и нападение? — хмыкнула девушка, пряча руки за спину. Фил потупился, когда блузка девушки натянулась так сильно, что даже пуговицы затрещали. — Совпадение или нет.

— Изгой убили его друзей. Они давали концерт, если я правильно понял. Я помог этому Ингольву, а потом убил одного изгоя кинжалом, который мне дала рыжеволосая девушка в зеленом платье.

— Смарагд, — кивнула Анна. — Они любят веселье, концерты и клубы.

— Микаэла бросилась к высокому изгою. Сказала, что он вожак, но он просто швырнул её в сторону, что-то пролаял и оставшиеся почти моментально исчезли. Затем она позвонила вашему отцу, — Фил с сомнением посмотрел на разорванную рубашку и скривился, как от пощечины. — Может мне стоит переодеться?

— Нет. Ты, как свидетель, возможно понадобишься отцу. В любом случае совет сейчас

начнется, — слабо улыбнулась она, услышав в голосе Фила неловкость. Меж тем, дверь возле большого трона из черного дерева открылась, пропуская в зал главу семьи де Луна и четверых незнакомцев, которых Фил ранее не видел. Все шепотки и разговоры сразу стихли, когда Владимир занял трон, а его гости заняли резные стулья поменьше. Гости, находящиеся в зале, подошли ближе, но Анна осталась на своем месте и, поправив беспроводную гарнитуру, кивнула отцу.

— Прошу простить, что пришлось созывать совет так скоро, минуя все необходимые ритуалы, — произнес Владимир, обводя взглядом зал. — Но ситуация требует нашего скорейшего вмешательства, ибо на город опустились Алые сумерки.

— Что?! Как это возможно?! — в толпе присутствующих раздались удивленные шепотки и даже главы семей, сидящих рядом с тронном Владимира, переглянулись.

— Понимаю вашу тревогу, но это всего лишь сумерки. Настанет ли после них рассвет или на землю опустится ночь, зависит от решений, которые мы примем, — пояснил глава семьи де Луна. Он кивнул крепкому мужчине в бежевом костюме, который подошел к трону с подносом в руках, и взял с подноса красивый кубок. Главы семей поступили точно так же, причем гость в черной мантии не стал дожидаться слов Владимира и почти залпом опустошил сосуд, после чего поднялся с кресла и заговорил. Голос у него был очень похож на голос Виорела, но был еще мягче и интеллигентнее, если такое сравнение было бы уместно. Голос ярко контрастировал с мрачной внешностью и сразу же поставил Фила в тупик, ибо тот не мог понять, насмеяется ли гость или говорит всерьез.

— Ночь не нуждается в наших решениях, чтобы залить улицы кровью, — тихо произнес он. — Так было всегда. За все время существования нашего мира, сумерки всегда приводили к Алой ночи. Значит ли это, что семье Тенебра нужно прятаться глубоко под землю?

— О, да. Типичное поведение трусливых Тенебра, — фыркнул здоровяк в темно-синем пиджаке, одарив фигуру в мантии ледяным взглядом синих глаз. — Стоит только появиться намеку на заварушку, как вы тут же прячетесь, заставляя других разгрести завалы.

— Совершенно верно, — в голосе гостя в черном послышалась издевательская улыбка. — Именно поэтому в моей семье столько долгожителей, большая часть из которых пережила все Алые ночи. Чего нельзя сказать о вашей семье, уважаемый Вегейр.

— С радостью сокращу вашу популяцию, чтобы мы оказались в равных условиях, — оскалился синеглазый, но тут же замолчал, когда Владимир вкрадчиво покашлял.

— Не забывайте, что вы в гостях. В гостях себя ведут уважительно, — сказал гость в черной мантии и повернул провал капюшона в сторону Владимира. — Я получу ответ на свой вопрос?

Фил прижался к стене рядом с Анной, когда в голосе темного гостя послышались ледяные нотки, а воздух загустел от угрозы. Но девушка спокойно улыбалась, все так же заложив руки за спину, и Фил немного расслабился. Затем, тихо кашлянув, привлек её внимание и спросил:

— Простите. Это и есть главы семей?

— К сожалению, да, — так же тихо ответила Анна. — В черной мантии — Раду. Глава семьи Тенебра. Виорел, в магазин которого вы ездили за амулетами, из этой семьи. Они уродливы и чаще всего прячут лица под масками или капюшонами. Насколько я знаю, никто не видел лица Раду, кроме самих Тенебра.

— У Виорела на груди висел амулет в виде черного нетопыря, — вспомнил Фил. — Это их знак? Как у вас луна со звездами.

— Ты наблюдателен, — улыбнулась Анна и тут же поморщилась. — И прекращай выкать. От этого я чувствую себя еще старше.

— Простите...

— Филипп.

— Прости, — поправился он. — Микаэла говорила, что женщины этой семьи красивы. Она говорила правду, или это очередной сарказм?

— Сам взгляни, — усмехнулась вампирша, кивнув в сторону бледной женщины, стоящей в углу и внимательно смотрящей на главу семьи Тенебра. — Это супруга Раду, Илина. Её благосклонности добивались многие из Тенебра, но она предпочла самого уродливого. Возможно знала, что он когда-нибудь станет главой семьи.

Илина была потрясающе красивой. Фил даже на мгновение подумал, что нет такого сравнения, которое сполна бы описало красоту вампирши. Её кожа была настолько бледной, что даже аристократичные англичанки казались бы рядом с ней смуглыми невольницами. Черные глаза, глубже самых глубоких колодцев, рассеянно принялись скользить по залу, а на красивых губах витала легкая улыбка. Ушки Илины были слегка заостренными, но это придавало лишь дополнительную пикантность образу. Тонкий нос, узкие ноздри, аккуратно очерченные брови, острый подбородок. Все в её облике говорило о том, что перед тобой настоящая королева.

Илина была одета в черное кружевное платье, которое подчеркивало все достоинства фигуры: большую упругую грудь, точеные бедра и длинные ноги. Когда она повернулась, у Фила перехватило дыхание, потому что спина была оголена настолько, что казалось еще миллиметр и будут видны ягодицы.

— «И ты продашь душу дьяволу, чтобы увидеть в её глазах желание», — тихонько пропела Анна, заставив Фила вздрогнуть. — Старая песенка, которую человек вряд ли слышал. Не смущайся, Филипп. Немногие способны контролировать себя и свои мысли перед лицом самой красивой дьяволицы Тенебра. Микаэла давно на неё облизывается, но женщины Тенебра славятся какой-то слишком уж фанатичной преданностью мужьям.

— Она красива, но как-то слишком, — тихо буркнул Фил. — Словно смотришь кино, где на экране идеальная актриса. Просто картинка. Вот вы... прости, ты. Твоя красота легка и воздушна. Если и есть мелкие изъяны, то их не замечаешь. Твоя красота не кричит, но привлекает внимание похлеце этой дамы. Красивой должна быть не только картинка, но и душа.

— Ты поэт, Филипп, — улыбнулась Анна.

— Нет. Писатель, — улыбнулся тот в ответ и перевел взгляд на синеглазого крепыша, который сверлил взглядом фигуру Раду. — А это кто?

— Глава семьи Малуа, Вегейр, — ответила девушка, внимательно следя за тем, как переругиваются главы семей. — Их считают дикарями. Они пришли давно в наш мир, но так и не избавились от своих северных привычек и предпочитают сначала поработать кулаками, а потом разбираться, если останется с кем. Обитают в северной части города.

— А Тенебра?

— Подземные жители. Солнечный свет им неприятен, а ношение масок чрезвычайно утомляет даже самых выносливых. Да, они вежливы и интеллигентны, но это лишь маски, Филипп. Тенебра всегда держит нейтралитет, если только проблема не касается семьи напрямую.

— Но вы вынуждены с ними считаться?

— К сожалению, да. Тенебра лучше, чем кто либо, способны управляться с энергией земли. Они тщательно хранят эти знания, а еще предоставляют убежище Черной триаде.

— Черная триада?

— Вы называете их магами. Колдунами, — пояснила Анна. — Редко кто видел триаду, но все знают, что они существуют. Троица величайших вампирских магов, которая редко выходит на поверхность. Последний раз это было во время второй Алой ночи, когда Беллариэль пал. Именно триада заключила его сердце в эту шкатулку, открыть которую не так-то и просто. После этого они дали Клятву Крови, что будут чтить нейтралитет между семьями и ушли в подземелья, подальше от любопытных взглядов. Поговаривают, что Тенебра не просто так дали им укрытие.

— А остальные? — хмыкнул Фил, когда со стула поднялась рыжеволосая женщина в зеленых одеждах, чье лицо пересекал уродливый шрам, напрочь перечеркивающий всю красоту вампирши. Её глаза горели безумной зеленью, а на лице застыла презрительная маска, от которой у Фила мурашки побежали по спине. Похожий взгляд был и у той вампирши в клубе. Микаэла сказала, что это голод.

— Каелеа, — тихо ответила Анна. — Глава семьи Смарагд.

— Изумруд? — удивился Фил, вызвав смешок девушки.

— Ты действительно наблюдателен. Да, изумруд. После смерти Рамиэля семья распалась на несколько групп, которые потом сформировали собственные семьи. Каждая взяла себе имя по отличительным особенностям, а так же знак, олицетворяющий семью. У нас это луна в окружении звезд, Малуга — это первородная злоба из Скандинавии, где они нашли убежище после третьей Алой ночи. Их знак — это голубоглазый волк. Смарагд — ушли дальше всех. В Англию. И вернулись последними. Их знак — это зеленоглазая змея, только вот хитрости у них не особо много. Другое дело — сила. О безумстве изумрудов тоже ходят легенды. Видишь шрам на лице Каелеи?

— Да.

— В бойне у Черного леса её отряд попал в окружение пятисот тяжеловооруженных рыцарей. Десять вампиров против полутысячи людей и сотни изгоев. Каелеа выжила одна. Её нашел мой отец — раненную и обессиленную. А еще он нашел пятьсот трупов, из которых досуха выжали всю кровь. Никто не удивился, когда за ней пошли и другие. Она сильная женщина, но слишком часто поддается эмоциям. Про Тенебра ты и так знаешь. Их имя — Тьма, а их знак — черный нетопырь. Они никогда не славились силой, но вот хитрости им не занимать. К тому же они единственные из нас, кто способен использовать энергию земли при изготовлении амулетов и оружия. Благодаря этому семья Тенебра весьма богата и по праву занимает второе место по богатству.

— А та тихая женщина в сером? — спросил Фил, кивнув в сторону спокойно сидящей на стуле девушки с умиротворенным лицом. Она лениво следила за перепалкой и молчала, лишь изредка касаясь знака, висящего на груди. Глаза девушки были темно-красного цвета, словно редкий рубин из самых земных недр. Анна улыбнулась и, хмыкнув, ответила.

— Это Джия, глава Санави. Необычная семья в нашем мире. Они красивы, но мужчин их не интересуют вовсе. Их главная цель — единство семьи, в которой мужчинам нет места. Только женщины.

— Но...

— Понимаю твое удивление, Филипп, — снова улыбнулась девушка, смотря на главу семьи Санави. — Иногда случается такое, что вампиры покидают семью. Причин может

быть очень много: кто-то устает от интриг и хочет спокойствия, кому-то не дает покоя прошлое, а кто-то потерял близких. У них два пути: одиночество или семья Санави, куда принимают только женщин. И Джия — единственная, кому позволено нарушать Клятву Крови и обращать людей в нам подобных. Иначе её семья исчезнет.

— Значит, эти женщины в сером когда-то были людьми?

— Большинство. Но Джия тщательно отбирает претендентов. Санави способны стать лишь те, в ком не усомнится она и совет. Кстати, именно бальзам Джии помог тебе так быстро избавиться от перелома. Её личная разработка.

— Так они вроде докторов, да?

— Да. Только бескорыстно они помогают лишь своим. Все остальные выкладывают круглые суммы за их бальзамы, мази и зелья.

— Не от этого ли зависит их статус?

— Осторожнее, Филипп, — тихо рассмеялась Анна. — Твоя наблюдательность делает тебе честь, но многие не любят Санави, хоть и пользуются плодами их рук. Видишь ли, большая часть женщин этой семьи — обращенные.

— Я в курсе, что вы не любите людей, — кисло хмыкнул Фил. — Но лекарства важнее.

— Вопрос выживания, — пожала плечами девушка и нахмурилась, когда синеглазый здоровяк подскочил со стула и вцепился в мантию Раду. — Подожди. Кажется, у нас небольшая драка.

— Давай, Раду, — хрипло рыкнул тот, оскалив клыки. — Дай мне повод разорвать тебя.

— Разве он вам нужен? — с издевкой спросил Раду, даже не покачнувшись. Вегейр напрягся и тряхнул главу Тенебра, но тот по-прежнему стоял, словно приклеенный к полу.

— Колдун!

— Не стоит, уважаемый Вегейр, — мягко ответил Владимир. — В этом зале нельзя пролить кровь и ваши силы не действуют, как и мои. Поэтому успокойтесь и позвольте владыке Раду закончить.

— Благодарю, Владимир, — с небольшим акцентом ответил Раду и тихо булькнул, когда Вегейр нехотя отпустил мантию и вернулся на свой стул. — Я могу продолжить?

— Продолжай, черноглазый, — угрюмо бросила Каелеа, почесав щрам.

— Благодарю и вас, — поклонился вампир, зашуршав мантией. Его голос резко поменялся с мягкого на строгий, но все остальные, видимо, к этому привыкли и не обратили внимания. — Изгой ведут себя возмутительно под самым носом семьи де Луна, которая не может гарантировать безопасность семей. «Зеленая фея», на которую было совершенно нападение, стоит на вашей земле, Владимир.

— Верно, — кивнул вампир, изучая Раду светло-серыми глазами. Голос главы де Луна был по-прежнему мягок и вежлив. — Вам прекрасно известно, что нападение — обычная провокация, призванная внести смуту в наши ряды. Но я позвал не для того, чтобы обсуждать нападение. Если не считать трех убитых Малуа и пару Смарагд, инцидент обошелся нам малой кровью.

— Но почему среди убитых не было де Луна? — прошипел Вегейр.

— Возможно потому, что де Луна лучше умеют драться, — с легкой улыбкой ответил Владимир, заставив синеглазого замолчать. — И более того, до меня донесли, что вашего ближайшего советника спас человек.

— В самом деле? — рассмеялась Каелеа, метнув в сторону потупишвегося Вегейра ехидный взгляд. — Скажите еще, что это сделали клинком Смарагд?

— Так и есть, — пробубнила с полным ртом Микаэла, а потом улыбнулась, когда все устали на неё. — Не стоит меня так пристально рассматривать. Сами у него спросите.

— Я... — Фил покраснел, когда взгляды переместились на него, но Анна, нахмурившись, покачала головой, и гости вернулись к беседе.

— Это была провокация, — мягко продолжил Владимир, делая аккуратный глоток из кубка. — На клуб напали неофиты. Либо совсем юные, либо совсем слабые. Ими командовал лишь один изгой старше двух сотен лет.

— Тогда это многое объясняет, — хмыкнул Раду.

— Изгой кое-что ищут, — терпеливо продолжил глава де Луна, покосившись на перебившего его вампира. — Кое-что, что было у них украдено двумя днями ранее моим сыном Петром.

— Хотелось бы послушать лично Петра, владыка, — буркнула Каелеа.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему?

— Потому, что Петр мертв, — лаконично ответил вампир, причем на его лице не дрогнул ни один мускул. Вегейр пробормотал что-то ругательное и покачал головой, Раду тоже что-то булькнул. Каелеа потеряла шрам и виновато склонила голову. Но поднялась Джия, которая встала напротив трона Владимира и преклонила колени.

— Соболезную вашей утрате, владыка, — тихо сказала она. — Вся семья Санави скорбит вместе с вами.

— Благодарю, — криво кивнул Владимир. — Петр занимался слежкой за Фремиту, который зачем-то облюбовал музей искусств и что-то в нем искал. В ночь ограбления Петр сумел выкрасть нужный Репробари предмет и доставил его в мой замок. К сожалению, он впал в забвение, получив сильнейшую интоксикацию и умер, не приходя в сознание.

— Надеюсь, что его смерть была не напрасной, владыка, — пробормотал Вегейр, тоже преклоняя колени перед троном. Его жесту последовали и Каелеа с Раду, а так же все находящиеся в зале. Спустя минуту, когда одежды зашуршали и гости заняли свои места, Владимир продолжил. Фил удивленно что-то буркнул, когда увидел в руках главы семьи ту самую шкатулку.

— Нет. Его смерть не была напрасной, — тихо ответил он. — Благодаря моему сыну мы помешали Репробари завладеть сердцем Беллариэля.

В зале воцарилось звенящее молчание, а глаза глав вампирских семей широко распахнулись, когда до них дошел смысл сказанного. Даже в угольной черноте капюшона Раду мелькнула искра удивления. Владимир кивнул и, вздохнув, встал с трона, после чего положил шкатулку на небольшой столик, который в зал внесла знакомая Филу фея с крылышками.

Древние руны вдруг вспыхнули тусклым желтым светом, вызвав напряженные шепотки остальных гостей. Даже Микаэла отложила в сторону бокал с вином и с интересом взглянула на шкатулку.

— Проклятая реликвия здесь? В замке де Луна? — хрипло проворчал Вегейр, нахмурились кустистые брови. Фил шумно сглотнул, когда увидел, что клыки вампира удлинились, а лицо почти утратило человеческие черты, превратившись в маску хищника. Остальные вампиры тоже менялись. Все, кроме Владимира и Джии, которая внимательно смотрела на шкатулку.

— Как они нашли его? — звонко спросила Каелеа, повернув лицо к Владимиру. — Разве это возможно?

— Оно было целью Репробари многие сотни лет, — ответила ей Джия. — Их души до сих пор горят и жаждут мести.

— Скорее души Фульгура и Фремиту, — вставил Раду. — Остальным плевать на старые легенды. Они лишь хотят разорвать как можно больше бывших братьев и сестер.

— Что случится, если Репробари завладеют сердцем? — тихо спросил Фил, когда голоса глав семей стали еле слышны. Анна вздохнула и, скрестив руки на груди, покачала головой.

— Ничего хорошего, Филипп. Это сердце высшего вампира. Пусть его прокляли, но темная сила до сих пор дремлет в этом иссохшем куске заостренных мышц. С его помощью Репробари станут в разы сильнее и фактически станут семьей, как и гласит черное пророчество Беллариэля. Сердце его брата Рамиэля сгорело на костре инквизиции, мы разрозненны и не можем прийти к миру уже тысячи лет. Если Репробари завладеют сердцем, то нас перебьют, как надоедливых насекомых. Даже триада будет здесь бессильна.

— А человечество? — Анна недобро усмехнулась и пристально посмотрела на Фила.

— Человечество станет скотом, Филипп. Для Репробари ваш вид — заноза в заднице, корм и рабы. Алая ночь опустится на землю и будет царить вечность.

— Ну а пока Репробари высасывают досуха прокладки и убивают бродяг, — буркнула Микаэла, подходя ближе. Она подмигнула Филу и, прищурившись, посмотрела на шкатулку. — В центр они не суются, потому что боятся.

— Чего боятся? — спросил Фил, пожившись под пристальным взглядом вампирши.

— Совета, — кивнула та на группу вампиров, которые что-то обсуждали рядом со шкатулкой. — Как бы семьи не ненавидели друг друга, Репробари они ненавидят еще сильнее. Поэтому когда изгои начинают зарываться, Совет Пяти посылает на зачистку пару-тройку отрядов.

— Ему незачем это знать, — нахмурилась Анна, но Микаэла лишь рукой махнула.

— Он любознательный человек. Когда-нибудь сам узнает, если доживет до рассвета, — улыбнулась она, потрепав Фила за щеку. — Они посылают Сестер Огня и те сжигают пару кварталов, где обосновались изгои. Или Ледяную стаю, которая потом украшает черепами изгоев свои дома. Или Зеленых Безумцев, которым вообще плевать, с кем сражаться.

— Или Бледных лучниц, — процедила Анна, на что Микаэла тут же нахмурилась и подошла ближе.

— Или лучниц, которые бросают своих, — тихо, но угрожающе ответила она. Фил робко кашлянул и прикоснулся к плечу Микаэлы, вызвав у вампирши слабый смешок. — Осторожнее, человек. Когда вампир на взводе, к нему лучше не прикасаться.

— В этом зале нельзя причинить боль, — парировала Анна, не сводя с Микаэлы равнодушного взгляда. Но Фил видел, как она напряглась и еле сдерживается, чтобы не сорваться.

— А почему нельзя разгромить изгоев или отогнать подальше от города? — спросил Фил, стараясь разрядить обстановку. — Или казнить тех, кого проклинаят? Я понимаю, что это жестоко, но таким образом проблема бы решилась.

— Не все так просто, человек, — буркнула Микаэла, одарив Анну многозначительным взглядом. Она встала по правую руку Фила и оперлась спиной о стену. — Такова воля Рамиэля. Он изгнал брата и лишь потом убил его, когда иного пути не было. Воля высшего вампира превыше всего.

— К тому же Репробари постоянно меняют гнездо, — поморщилась Анна. — Наши шпионы следят за ними, находят гнездо, а когда туда прибывают каратели, то не находят ничего. Спустя сутки гнездо возникает в другом месте.

— Грязные крысы, — кивнула Микаэла.

— И главу изгоев тоже не удалось найти?

— Нет. Мы успешно убивали вожаков, человечек, и держали Репробари под колпаком, пока властью не стал Фульгур, — вздохнула Анна. — Уже пятьсот лет он повелевает изгоями и каким-то чудом избегает ловушек. Еще и наследника воспитал.

— Фремиту? — Фил прикоснулся к своей груди и мог поклясться, что шрамы, оставленные уродливыми пальцами, вдруг резко заболели.

— Он самый, — усмехнулась Микаэла. — Уродливый, подлый... и невероятно сильный. Говорят, он прогрыз матери живот и выбрался на волю, но мне сдается это Тенебра придумали. Вечно они всякие ужасы пророчат и рассказывают. Зато известно, что благодаря их усилиям, Репробари в кои-то веки стали более организованными. Только красивее выглядеть не стали. Проклятье с каждой минутой уродует их лик, пока они окончательно в зверей не превратятся.

— Тихо. Кажется, Совет пришел к единому мнению, — шикнула Анна, посмотрев в сторону отца, который терпеливо дожидался, когда стихнут шепотки.

— Удивительно быстро, — промурлыкала Микаэла, пихнув Фила локтем в бок. Тот поморщился, но промолчал.

— Сердце будет спрятано вновь, — громко произнес Владимир, метнув быстрый взгляд в сторону нахмурившейся Анны. — Таково решение Совета. Также в отдаленные районы города будут посланы карательные группы от каждой из семей. Каждый найденный изгой подлежит уничтожению.

— Филипп! — прошипела Анна, когда Фил побледнел, а потом сделал шаг вперед и поднял руку. Он прошел деревянной походкой к столику, на котором по-прежнему стояла шкатулка, а затем, дождавшись, когда удивленный Владимир обратит на него внимание, негромко кашлянул.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он, ежась под колючими взглядами Совета. — У меня есть идея, как использовать шкатулку более благоразумно.

— С каких пор люди стали допускаться на совет и влезать в разговоры владык? — колко спросила Каелеа, подходя ближе к Филу. Она шумно его обнюхала и скривилась. — От него несет псиной, Владимир.

— Благодаря ему шкатулка не оказалась в лапах Репробари, — мягко пояснил хозяин замка. — Это Филипп Урд и что-то мне подсказывает, что мы должны выслушать его предложение. Хотя бы за то, что он сумел продержаться во время Ритуала Правды, который проводил сам Фремиту.

— Решения Совета не оспариваются, — буркнул Вегейр, возвышаясь над Филом, словно гора.

— И все же, мы выслушаем его. Продолжайте, мистер Урд, — в глазах старого вампира промелькнул хитрый огонек и тут же исчез, словно его и не было.

— Совет давно пытается найти гнездо изгоев, так? — хрипло ответил Фил, чувствуя на себе недоброжелательные взгляды гостей замка. — Их цель — шкатулка с сердцем. Не секрет, что они быстро нашли меня и узнали, что шкатулки нет в замке.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из де Луна ведет двойную игру? — мягко спросил

Раду, который единственный стоял в стороне и до этого не обмолвился ни словом.

— Нет. Кто-то наблюдал за Петром, когда я вез его сюда. И он видел, что шкатулки при нем не было. Если я вернусь домой, то изгой снова меня навестят. Почему бы вам это не использовать?

— И зачем тебе рисковать собой, человек? — настороженно спросила Джия. Красные глаза вампирши будто ощупывали душу Фила. — Репробари убьют тебя сразу же, как только получат шкатулку. В таком случае резонно будет послать к ним одного из нас, чтобы сохранить сердце.

— Они исчезают сразу, как только вы находите гнездо, — покачал головой Фил. — Они не будут верить тем, кто проклял их и изгнал из семей.

— А тебе они поверят? — усмехнулся Вегейр.

— Да. Я человек. Скот, — голос Фила зазвенел, а губы гневно сжались. — Изгой знают как вы к нам относитесь.

— Фульгур очень умен, — спустя минуту молчания ответил Раду. — Не стоит его недооценивать, Филипп Уорд. Мы не можем рисковать шкатулкой. Мы даже не представляем, как её открыть.

— Зато представляют они, — вставила Анна, тоже подходя к столику. — В словах Филиппа есть разум. Если мы сможем отследить Филиппа, то он приведет нас напрямик к гнезду и изгой не успеют скрыться. Мы гоняемся за Фульгуром и его сыном уже несколько сотен лет, но натываемся лишь на брошенные места. Это шанс обрушить на Репробари мощь пяти семей, владыка Раду, и лишить изгоев лидера.

— Я против, — покачала головой Каелеа. — Это слишком рискованно. Если шкатулка попадет в руки Репробари и мы не успеем её уничтожить, то Алая ночь опустится на землю.

— Я тоже против, — склонил голову Раду. — Сердце необходимо спрятать.

— Его необходимо уничтожить! — рявкнул Вегейр. — И только Репробари знают, как открыть шкатулку. Она не горит в огне, не тонет, и легко выдерживает удар топора. В словах человека есть здравый смысл. Я поддерживаю его.

— Семья Санави тоже поддерживает предложение Филиппа Уорда, — степенно кивнула Джия. — Спрятать шкатулку — значит отсрочить наступление Алой ночи еще на несколько сотен лет. И тебе известно, Владимир, что нужно для того, чтобы спрятать шкатулку.

— Вампир, отправившийся с этой миссией, должен умереть и унести местонахождение в могилу, — мрачно добавил Вегейр. — Кто-то из семей лишится главы.

— Я знаю о ритуале, — мягко ответил Владимир, внимательно смотря на шкатулку. Он перевел светло-серый взгляд на Филиппа и слабо улыбнулся, после чего посмотрел на Анну. — Какова вероятность успеха, если я проголосую за этот дерзкий план?

— Репробари наверняка проверят Филиппа на предмет жучков и даже малейшее колебание энергии сорвет наши планы, — вздохнула девушка. — Но можно использовать Кровавую метку.

— А он готов на это ради цели? — Фил, не понимая ни слова, кивнул.

— Я готов на все.

— И почему же? — деликатно спросил Раду. — Человечеству не свойственны авантюры. Наоборот, вопрос выживания всегда стоит на первом месте.

— Если то, что вы сказали, правда, то человечеству придет конец, когда будет открыта шкатулка, — тяжело вздохнул Фил. — Одна жизнь против миллионов. Кажется, все

очевидно. По крайней мере, для меня.

— Филипп, Кровавая метка позволит мне отследить твои перемещения, — тихо произнесла Анна, приблизившись к нему. Фил снова ощутил слабый запах древних трав и улыбнулся. — Она так же позволит мне убить тебя, если что-то пойдет не так.

— Если я решу предать вас? — с обидой хмыкнул он.

— И это тоже, господин Уорд, — ответил Владимир. — Риск слишком велик. Но вы и сами не захотите жить, если Репробари о чем-нибудь догадаются. Поверьте, лучше умереть, чем повторно попасть в руки Фремиту или, что еще ужаснее, Фульгура. Вы готовы к этому?

— Готов, — кивнул Фил, с тревогой посмотрев на шкатулку. Руны на верхней крышке по-прежнему сияли золотом, но от ящичка словно исходила какая-то невидимая угроза. Отвлечшись на минуту, Фил пропустил рывок Анны, которая резко бросилась к нему и, схватив за волосы, опрокинула голову назад и впиалась в сонную артерию.

Дикая боль пронзила тело Фила и он закричал. Словно кто-то влил ему раскаленный свинец в кровь или пронзил сердце миллионом жгучих игл. А следом за болью пришло желание. Фил чувствовал, как жадно язык Анны слизывает кровь с его кожи. Как сильно впиваются губы и как сильно пахнет дикими травами. Где-то вдалеке послышался смех Микаэлы, но Фил обмяк в руках девушки и молил лишь об одном. Чтобы этот поцелуй никогда не заканчивался. В голове шумело, горло пересохло и саднило, а в глазах возник красный туман, когда Анна оторвалась от его шеи и бережно положила его на пол.

— Прости, — тихо сказала она, быстро вытирая кровь, блеснувшую в уголке губ.

— Не... надо... извиняться, — одними губами ответил Фил и слабо улыбнулся. Сердце постепенно успокоилось и стало биться медленно, словно ничего и не было. Но руки и ноги вообще не чувствовались и Фил тихо рассмеялся, когда понял, что не может пошевелиться.

— Стьепан, Роберт, — отрывисто приказал Владимир и к нему тут же подошли два взрослых вампира, которых Фил уже видел. — Отнесите господина Уорда в спальню, и пусть Луи приготовит ему ужин. Кровавая метка поставлена и ему необходимо набраться сил.

— Не нравится мне это, — фыркнула Каелеа. — Но раз такова воля совета, пусть будет так.

— Я помогу, — перед лицом Фила возникла ехидная мордашка Микаэлы, которая поцокала языком и ущипнула его за нос. — Понравилось, человечек?

— Я ног не чувствую.

— Это нормально. Кровавая метка берет под контроль все твои жизненные процессы и тому, кто её поставил, достаточно захотеть, чтобы ты умер, как ты умрешь.

— Оптимизм где-то потерялся, — хрипло рассмеялся Фил, когда его взял на руки Роберт и осторожно направился к выходу из зала. — Я хочу спать.

— Не время, человечек, — хмыкнула вампирша. — Нас ждут славные дела.

Глава седьмая. Изгой.

Фил очнулся от дремы, когда дверь в спальню открылась, пропуская мужчину с тележкой, на которой стоял поднос с тарелкой и чашкой кофе, а также Анну, которая сменила одежду на привычные черные штаны и черную блузку с закрытым горлом. Она слабо улыбнулась Филу и, поблагодарив мужчину, перехватила у него тележку с едой, которую медленно подкатила к кровати.

— Как самочувствие, Филипп? — спросила она, осторожно наклоняя голову Фила, и внимательно осматривая шею. — Раны почти исчезли.

— Нормально. Голова кружится, а в целом пойдет. От алкоголя порой ужаснее бывает, — ответил Фил, усаживаясь на кровати и беря чашку кофе с подноса. — Почему ты извинилась после... ну... после того, как укусила меня?

— Я знаю, как это больно. Но вампиры привычны к Кровавой метке. Каждый из семьи носит метку отца. Человек более слаб и боль чувствует сильнее, чем мы.

— Боль, как боль, — хмыкнул Фил, делая глоток кофе. — Бывало и пострашнее.

— Я видела твои мысли. Вижу их и сейчас, — тихо ответила Анна, заглядывая в глаза Филу. — Потеря. Потеря родного человека и после этого тьма и боль.

— Ты читаешь мои мысли? — резко спросил Фил и тут же пожалел о своих словах, потому что Анна нахмурилась и направилась к выходу. — Извини. Я никому не рассказывал о них... Это слишком личное.

— Понимаю, — кивнула девушка, занимая кресло рядом с кроватью. — Когда ставится Метка, вампир, её поставивший, способен на краткий миг увидеть всю жизнь и самые сокровенные мысли, как бы хорошо их не прятали. Мой яд проник в твою кровь и душу, но его количество слишком мало, чтобы убить тебя сразу, зато достаточно для того, чтобы увидеть сокровенное. Как это произошло?

— Ты же видела, — кисло буркнул Фил, но Анна покачала головой.

— Я хочу услышать.

— Это случилось шесть лет назад, зимой, — вздохнул он и, потянувшись, взял со столика пачку сигарет. — У меня была жена и сын. Её звали Эйрин, а его Томас. Мы были счастливы, Анна. Я писал книги, часто ездил по работе в Ирландию, но каждую минуту думал лишь о них. Той зимой мы поехали в горы. Давно планировали эту поездку. Кто же знал, что так все получится... Накануне мы с Эйрин немного поскандалили, поэтому утром, когда я сел за руль, то был малость сонным. Не выспался, пережевывая ссору раз за разом. Но дорога до арендованного домика в горах была почти пустой. Я ехал, иногда беседовал с сыном, иногда прикасался к руке Эйрин. Да, мы помирились утром, но обида еще витала в воздухе. В какой-то момент я отвлекся и прозевал поворот, но успел выкрутить руль в последнюю секунду, однако оказался на встречной полосе. Тут из-за поворота показалась машина. Красный седан, который несся с дикой скоростью на нас. Я вдавил газ в пол, чтобы уйти на свою полосу, но дорога обледенела и машина забуксовала. А седан потом врезался в нас. Каким-то чудом я остался жив. Отделался переломами. Эйрин тоже выжила, но ей сильно повредило ногу, а Томас... Томас ушел. Я до сих пор помню его лицо с застывшей на нем испуганной маской. Тот мурак на седане от удара вылетел через лобовое стекло и разбил голову об асфальт. Полиция нашла в его крови алкоголь и наркотики, но мне уже

было плевать... Эйрин потеряла ногу, отдалилась и замкнулась в себе. Через три месяца мы расстались по её инициативе. А еще через месяц она не проснулась утром. Мне её отец сообщил. Ну а я продал дом, купил ту квартирку и стал жить дальше. Ты сказала, что видела тьму и боль? Добро пожаловать в мой мир, Анна. Теперь вам понятно, почему я вызвался добровольцем? Мне плевать, убьют ли меня изгой или нет. Но может своей смертью я спасу жизни другим, как не смог спасти Томаса и Эйрин.

— Мне жаль, Филипп, — тихо произнесла Анна, положив руку на плечо Фила. Тот криво улыбнулся и, кивнув, закурил сигарету.

— Я могу побыть один? — спросил он, повернувшись к девушке. Анна вздохнула и, кивнув, поднялась со стула. — Спасибо.

— За что? — она задержалась на мгновение.

— За то, что выслушала. Я долго молчал.

— Я знаю, Филипп. Отдыхай. Через час раны затянутся, и можно будет начать, — слабо улыбнулась она, выходя из комнаты. Фил с сожалением почувствовал, что в комнате стало как-то холодно и неудобно. Он, чертыхнувшись, встал с кровати и, ковыляя, направился к двери.

— Анна. Подожди... — открыв дверь, он удивленно захлопал глазами, увидев Микаэлу, которая держала в руке бутылку вина и ехидно улыбалась.

— Она сопела, как старый паровоз, — хмыкнула вампирша, отталкивая Фила в сторону и проходя в сторону. — Не иначе ты ей рассказал что-нибудь интимное, Филипп?

— Тебя это не касается, — раздраженно буркнул Фил.

— Зубастый человечек, — вздохнула Микаэла и, похлопав рукой по кровати, тихо рассмеялась. — Вернись в кровать. Чем быстрее восстановятся силы, тем лучше. Я даже вино захватила. Приободришься напоследок.

Вино было прекрасным, как и улыбка Микаэлы. Фил почему-то был зол на Анну. Зол на то, что та разворошила улей, и воспоминания принялись жалить его душу с небывалой злобой. А в голове все звучал и звучал голос Эйрин. Тонкий, протяжный, превращающийся в жуткий крик.

Фил залпом выпил третий стакан и, покачнувшись, потянулся за сигаретой. В какой-то момент он почти прикоснулся к плечу вампирши, сидящей в изголовье, и покраснел, когда она сама подалась вперед. Её волосы пахли не так, как у Анны. Микаэла пахла грозой, черемухой, медом. Страстью и желанием. Она пахла жизнью, а не тайной. Её губы были сладкими, терпкими, как вино, вкус которого все еще чувствовал язык. И жадными. Фил вздрогнул, когда Микаэла повалила его на кровать, а сама уселась сверху и обрушила каскад своих волос ему на грудь. От прикосновения её пальцев по коже побежали мурашки, а сердце предательски заныло. Микаэла словно почувствовала это и, улыбнувшись, медленно растянула блузку и прижалась к груди Фила. Её кожа была нежной и прохладной, а грудь упругой и сладкой. Хмель стучал в голове, путая страсть и стыд, рождая водоворот бездонных черных искр, в которых был слабый смех Микаэлы и сладость её губ. Черные искры становились все больше и больше, пока полностью не подчинили сознание Фила, унеся его душу во тьму.

Он проснулся от сильного тычка и осоловело покрутил головой, пытаясь понять, как очутился на заднем сиденье автомобиля. Голова болела, а во рту было сухо, словно в аравийской пустыне. Руки были надежно связаны тонкой серой лентой, но разорвать её было попросту невозможно. В салоне автомобиля негромко играл мягкий джаз, пахло черемухой и

медом. Микаэла.

— Проснулся, соня? — язвительно спросила вампирша, оглянувшись назад. Фил промычал что-то невразумительное, заставив её рассмеяться. — Признаться, я удивлена, Филипп. Первый раз за свою жизнь я вижу, что мужчина вырубается, когда я сижу сверху. Хотя, это снотворное виновато, наверное. Оно оказалось сильнее желания.

— Ты меня специально напоила? — поморщился Фил, тщетно пытаясь принять сидячее положение. Но ноги тоже оказались связаны, и пошевелиться было практически невозможно. Словно все силы откачали из тела, оставив только способность говорить. — Почему мы в машине? Куда мы едем?

— А как ты думаешь? Мы едем к Фульгуру, — просто ответила Микаэла. В воздухе разлился сладковатый аромат табака, когда вампирша закурила. — Если бы не ваши с Анной задушевные разговоры, то мы давно были бы на месте. Пришлось добавить еще «Сонного зелья» в вино. Времени на возню с тобой было мало.

— Что это значит? Анна не в курсе? — удивленно спросил Фил. Смутные догадки все еще разбивались об стены и не могли собраться воедино.

— Конечно, нет. Она бы сама тебя повезла в гнездо Репробари, а потом обрушила на жалких псин мощь карателей, — фыркнула Микаэла. — У меня немного другие планы.

— Ты на них работаешь! — догадка озарила разум Фила, и он застонал, когда вампирша засмеялась.

— Умный человек. Но недостаточно, чтобы просчитать все наперед. Видишь ли, сто лет в библиотеке дали свои плоды. Я прочла всю вампирскую историю и нашла пару интересных фактов, о которых ни де Луна, ни Репробари не знали. Чтобы открыть шкатулку нужно, чтобы скот пролил свою кровь во имя Беллариэля. Когда день будет подобен ночи. Угадай, какой сегодня день?

— Солнечное затмение, — хрипло буркнул Фил, стараясь разорвать ленту, но серая ткань лишь сильнее впилась в руку, что не ускользнуло от внимания Микаэлы.

— Правильно, человек. Полное солнечное затмение. И не пытайся вырваться. Эта лента — кандалы де Луна. Их невозможно разорвать или развязать, пока хозяин не захочет. А я не хочу, чтобы ты устроил погром в моей машине. Поэтому лежи смирно. Мы почти приехали.

— Вы не заставите меня пролить кровь во имя Беллариэля добровольно.

— Поверь, Филипп. Когда с тобой побеседует Фульгур, ты многое переосмыслишь, — усмехнулась Микаэла. — Он умеет уговаривать. И ты сам согласился на эту авантюру, помнишь?

— Почему ты им помогаешь? Я думал, что семья для вас превыше всего.

— Для кого-то да. Но они сами вычеркнули меня из семьи, когда заперли в подвале и лишили не только свежего воздуха, но и свежей крови. Я была вынуждена питаться холодными пакетами с ферм. Сто лет, человек, жрать одни консервы. С ума сойдешь. Но куда приятнее свежая кровь, соленая и горячая. А еще они стояли и смотрели, как горят мои родители. Просто стояли и смотрели. Пусть смотрят и сейчас, как будет меняться история, сгорая в оранжевом пламени.

— Но как же метка? Анна найдет гнездо.

— Глупости, милый, — улыбнулась вампирша. — Пока ты спал, я чуть-чуть позаимствовала твоей крови, а потом направила курьеров с ней в разные концы города. Пока строптивая девица найдет тебя, Репробари завладеют сердцем и на землю опустится Алая

ночь. Всегда нужно продумывать все до мелочей, как говорят де Луна. Жаль, но сегодня я оспарю это утверждение.

— Они убьют и тебя, — Фил перестал сопротивляться, потому что лента с каждым рывком стягивалась все сильнее.

— Нет. Фульгур вознаградит меня за помощь. Я не только сохраню свой вид, потому что проклинать меня будет некому, но и получу парочку ферм с людишками, когда все кончится. И сожгу гребаный Мустанг Анны. Сраная выскочка. Она меня всегда бесила. По её инициативе меня заперли в подвале и выбросили из Серых лучниц. Если она забыла, то я помню, человечек. И я жажду мести. Она прекрасно знала, что голод сильнее разума, но, тем не менее, не приняла это в расчет. Кстати, кто такая Эйрин? Ты назвал меня этим именем, когда пачкал слюной мою грудь.

— Неважно, — вздохнул Фил. — Все это неважно.

— Я тоже так думаю, — машина остановилась, и Фил вздрогнул, когда в нос ударили тяжелые запахи мочи и псины. Он услышал тяжелые шаги, а когда открылась задняя дверь автомобиля, увидел рослого уродливого вампира с оранжевыми глазами, который слабо зарычал и резким движением выволок его из салона, после чего бросил на землю и от души врезал ногой по ребрам. Микаэла тут же поцокала язычком и пожурела изгоя пальцем. — Осторожнее, уродец. Этот человечек слишком важен, поэтому изволь поднять его с земли и отвести нас к владыке Фульгуру.

— Не смей мне приказывать, сука! — прорычал тот, а потом осел на землю, когда Микаэла скривилась и врезала ему по яйцам. Она слабо улыбнулась и, развязав ленту на ногах, помогла Филу подняться, после чего пихнула его в сторону темного провала, возле которого поскуливали другие вампиры с оранжевыми глазами. Они почтительно расступились в стороны и позволили Микаэле войти внутрь своего гнезда.

Внутри пещеры было на удивление сухо и светло. Вдоль неровных стен расположились факелы, которые отбрасывали дрожащие тени на пол и замерших в коридоре вампиров, смотрящих на Микаэлу с неприкрытой ненавистью. Но та шла вперед, ничего не замечая, лишь изредка подгоняя Фила, который иногда замедлял ход.

Фил, бросив взгляд в одно из ответвлений пещеры, увидел там серебристый свет от компьютеров и услышал лающий смех вампиров. В других ответвлениях тоже текла жизнь: кто-то спал на грубых дощатых кроватях, кто-то тихо беседовал с другими, уродливые женщины кормили отвисшими грудями уродливых детей. И у всех, абсолютно у всех, глаза горели янтарным, оранжевым цветом.

Длинный коридор внезапно закончился и Фил очутился в обширной внутренней пещере, после чего зажмурил глаза от слишком яркого света, бьющего с потолка. Привыкнув, он растеряно обвел взглядом пещеру, молча уставившихся на него вампиров и замер, увидев мощную высокую фигуру в меховой жилетке на голое тело и уродливый шишковатый затылок. Вампир, словно не заметив, что разговоры стихли, тихо что-то объяснял уродливой девушке с отвисшей губой, которая стояла рядом. Закончив, он повернулся в сторону вошедших и Фил увидел вождя Репробари — Фульгура.

Если все изгои были уродами, то Фульгур был самым страшным из них. Голова, удлиненная и шишковатая, походила на ком земли. Лицо же оказалось карикатурной маской, словно над вождем произдевались художники из «Вельта»: глаза были маленькими и обрамленными тяжелыми сизыми веками, брови были похожи на кустарник, мясистый нос, расплывшийся и перебитый в многочисленных схватках. Широкий рот, украшенный двумя

клыками, торчащими из нижней губы.

Однако Фульгур был весьма мускулист и крепок: длинные руки, бугрящиеся мышцами, широкая грудь, которую, казалось, неспособно пробить ни одно оружие, мощные, стволоподобные ноги и широкие волосатые ладони.

— Ты опоздала, — буднично буркнул он, сурово смотря на Микаэлу, которая враз утратила способность острить и опустила перед ним на одно колено.

— На сотню лет, — Фил поморщился, услышав голос Фремиту, который подошел к отцу и едко улыбнулся. — Привет, человек. Давно не виделись.

— Прошу прощения, владыка. Меня посадили на цепь в подвале, после того инцидента, — тихо ответила Микаэла. Фульгур кивнул и, подойдя ближе, прикоснулся к голове девушки жуткой ладонью.

— Встань. Ни к чему этот ненужный политес, — проворчал он, даже не удостоив Филадельфию взглядом. — Я слышал, что произошло. Де Луна как обычно слишком резки в наказаниях?

— Да, владыка. Меня лишили связи с миром...

— Я получал твои письма, — кивнул Фульгур в сторону небольшого ноутбука, стоящего на столе. — Они помогли нам найти шкатулку, но этот сукин сын выкрал её из-под носа Фремиту.

— Отец... — Фремиту замолчал, когда Фульгур поднял руку, и отошел в сторону.

— Это он? — Фульгур бесцеремонно схватил Филадельфию за волосы и заглянул в лицо. Он повернулся в сторону сына и усмехнулся. — Этот скот не подался ритуалу? Выглядит, как червяк.

— Ну а вы выглядите, как говно, — честно ответил Фил и тут же получил страшный удар в лицо. Фульгур рассмеялся и махнул рукой. Филадельфию мгновенно поставили на колени, развернув к вождю.

— Всегда ценил эту нездоровую честность и яд в вашем племени, — голос у вождя был низким и вибрирующим. — Зачем ты приволокла его, Микаэла? Корма у нас в избытке.

— Вы получили последнее письмо, владыка? — спросила вампирша и, когда Фульгур кивнул, указала пальцем на Филадельфию. — Он станет ключом к открытию шкатулки.

— Она у тебя?

— Да, — Микаэла подняла с пола сумку и достала из неё шкатулку. — Было нелегко её выкрасть.

— Тебе заплатят за это, — усмехнулся вождь, беря шкатулку в руки. Он поднял её над головой и звучно произнес. — Сердце у нас, братья и сестры. Скоро, очень скоро мы станем полноценной семьей.

— ДА! — Фил скривился, когда тысячи вампирских глоток заорали и завизжали в едином порыве.

— Не нравится звук нашей радости, человек? — тихо спросил Фульгур, склонившись над Филадельфией. — Забавно, но именно ты удостоишься чести открыть шкатулку.

— Поцелуй меня в жопу, — снова ругнулся Фил, но Фульгур лишь покачал головой, предотвращая очередную оплеуху.

— Смирись с этим, человек. Старый ублюдок Рамиэль не думал, что скот будет проливать кровь в честь Беллариэля, но он не мог знать того, во что превратится наш мир через тысячи лет, когда воспоминания о третьей Алой ночи уйдут во тьму времен. Но ты прольешь её сегодня, когда день станет подобен ночи. Кстати, который час?

— Почти полдень, отец, — откликнулся Фремиту, с насмешкой смотря на Филадельфию.

— В таком случае, нам пора в храм, — оскалился вождь, став еще уродливее. — Отведите их туда. Сердцу нужна жертва.

— Владыка? — испуганно воскликнула Микаэла, а потом обмякла, когда стоящий позади неё изгой коротко взмахнул дубинкой. Фил скрипнул зубами, но удовлетворения почему-то не ощутил. Лишь ненависть к огромному и уродливому вождю Репробари. Он дернулся, когда его грубо схватили и потащили в другой коридор, в котором свет почти не горел.

Пока его тащили, Фил получил несколько оплеух и довольно болезненный тычок в пах. Сгруппировавшись, он превратился в тугой комок и старался не обращать внимание на дикость изгоев. Слева от него виднелась Микаэла, которую тащили похожим образом. Из носа вампирши стекала тонкая струйка черной крови, а сама она болталась на плече одного из изгоев, словно мешок. Фил попытался снова освободиться, но изгой, который его нес, резко врезался плечом в стену, заставив Филадельфию выплюнуть короткое ругательство. Где-то вдалеке хохотнул Фремиту, а потом вдруг стало светлее. И скоро Фил понял, почему.

Они вошли в круглое помещение с идеально ровными стенами. Задржав голову, Фил увидел дыру в потолке и круглый шар солнца, который резко начал темнеть. Затмение вступило в первую фазу, когда Филадельфия и Микаэлу грубо швырнули в центр зала, где на каменном полу был вырезан таинственный символ в виде глаза с тремя зрачками. Анна как-то обмолвилась, что это был символ первой вампирской семьи. Равенство. Утерянное и забытое.

— Тысячи лет мы ждали, когда наступит этот день, — громко произнес Фульгур, обращаясь к молчаливым статуям, изображавшим вампиров из знакомых Филадельфии семей. — День, который превратится в ночь и низвергнет старые порядки. Высохнет серый дождь, разобьется на тысячи осколков яростный изумруд, пожар рассеет молчаливую тьму, растает ледяная синева и мрачный багрянец потухнет. Настанет Алая ночь и будет она длиться вечность. И в этой ночи будет лишь один цвет — обжигающий янтарь...

— Изгой обретет семью, а те, кто её имели — потеряют, — нестройно закончили остальные Репробари. Фульгур подошел к Филадельфии, издевательски улыбнулся и протянул ему шкатулку и короткий кривой нож, после чего отошел к лежащей Микаэле и, наклонившись, отвесил девушке сильную пощечину.

Вампирша дернулась, обвела мутными глазами подземный храм и, столкнувшись лицом к лицу с Фульгуром, злобно скрипнула зубами и дернулась, чтобы подняться. Но её ноги и руки тоже были связаны серой лентой.

— Проснись, клыкастая дрянь, — грубо бросил Фульгур, хватая Микаэлу за волосы. — Не время спать, когда меняется история.

— Ты использовал меня, — прошипела Микаэла. — Больной, злобный урод. Нечестивый фигляр с лицом, похожим на свиную мошонку.

— Использовал. Твои глаза светло-серые, Микаэла, — улыбнулся Фульгур. — Твоя кожа чиста, а лицо красиво. Тебя не проклинали и не изгоняли из семьи, как меня. Так с чего ты решила, что я должен быть честным с тобой?

— Ты дал клятву.

— Я изгой, — процедил Фульгур. — Мне плевать на клятвы вашей семьи.

— Когда-то она была и твоей! — Фил помотал головой, когда до него дошел смысл слов Микаэлы.

— Была. И она отвернулась от меня.

— Ты оскорбил главу семьи. Ты обезумел.

— Да. И мне это понравилось. Зачем сдерживаться, Микаэла? — спросил вождь Репробари. — Разве тебе не хотелось распотрошить этого молокососа? Не хотелось искупаться в его крови, горячей и соленой? Молчишь? Но я знаю ответы, потому что сам через это проходил. Я принял своего зверя, а вы прячете его внутри. Вы — пережиток прошлого, де Луна. Падаль, пресмыкающаяся перед скотом и говорящая с ним на равных. Но я исправлю это. Ты так помешана на чести и клятвах, вампирша, что забыла, с кем имеешь дело. Ты была пешкой все это время, а пешками жертвуют, когда наступает время. Да, ты помогла нам, но рано или поздно мы все равно нашли бы шкатулку с сердцем Беллариэля. С тобой или без тебя. Все это было частью великого плана, Микаэла. Злись, хорошенькая вампирша. Кричи и кусай свои дивные губки. Когда мы закончим, я, возможно, оставлю тебя в живых и дам обещанную ферму со скотом, чтобы ты жила с вечным ощущением раскаяния, пока не сдохнешь. Фремиту, положи скота на жертвенный камень и развяжи ему руки!

— Да, отец, — откликнулся тот и, неприятно усмехнувшись, подошел к Филу, после чего грубо поднял его с земли и, бросив на черный камень в центре зала, развязал ленту, которая жидкой змейкой скользнула ему в руку. Он положил рядом с Филом шкатулку и кривой нож, а потом кивнул отцу, который внимательно наблюдал за этим.

— Давай, человек. Открой шкатулку, — произнес Фульгур, подняв взгляд к потолку. — Черное солнце почти взошло.

— Иди к черту, — выдохнул Фил, но вожак изгоев был готов к этому. Он рыкнул и, схватив Микаэлу за волосы, задрал голову так, чтобы стала видна точеная шея, и приставил к бледной коже кривой кинжал.

— Неправильный ответ, человек. Вторая попытка.

— Она меня похитила. С чего мне спасти ей жизнь? — Фил охнул, когда Фульгур вздохнул и слегка надавил кинжалом. Микаэла вскрикнула и на бледной коже выступили черные набухшие капли крови. — Перестань!

— Сделай это, — процедил вампир. — Пролей свою кровь. Открой шкатулку и я оставлю её в живых. А если откажешься, я дождусь следующего затмения. Кто знает, может Микаэлу заменит Анна или твоя мать. Времени у нас будет много. Я ждал тысячи лет, подожду еще немного. Решай, человек. Время тает.

— Ты псих, Фульгур! — прохрипела Микаэла, когда нож еще сильнее вдавился в шею. — Тебе срочно нужна женщин...

— Молчи! — закричал изгой. — Не смей произносить её имя, дрянь! Я был виновен, а не она!

— Ты отвечал за свою семью. И отвечаешь до сих пор, — тихо сказала Микаэла. Фульгур снова рыкнул и повернулся в сторону Фила. Глаза изгоя горели диким, безумным оранжевым пламенем.

— Время истекло, человек. Решай!

— Твою же мать, — прошептал Фил и, закрыв глаза, резанул себя по руке кривым кинжалом. На удивление, боли не было. Лишь немного онемели пальцы, и в нос ударило мерзким запахом гнили. Приоткрыв глаза, Фил увидел, что руны на шкатулке засветились ярким золотом, куда ярче чем в замке де Луна, а потом и вовсе вспыхнули, обдав лицо жаром. Раздался тихий скрип и шкатулка словно поделилась на две половинки, которые медленно раскрылись, как ладони. В центре, на красном бархате, лежало сморщенный комок

иссохшей плоти — сердце Беллариэля. Фульгур тихо рассмеялся, заставив Фила перевести взгляд на него, а Фремиту, пользуясь моментом, ловко выхватил шкатулку из-под носа и отдал её отцу.

— Слабый человек, — прошептал Фульгур, рассматривая сердце, как замороженный. — Я до сих пор не могу понять, как в вас уживается подлость и сострадание к тем, кто этого сострадания не заслуживает, — он кивнул в сторону Микаэлы, которая не мигая смотрела на Фила и в светло-серых глазах вампирши не было яда. Лишь удивление. — Она вырезала две деревни, а ты спас ей жизнь, тем самым лишив жизни свое племя.

— Каждый заслуживает второго шанса, — тихо ответил Фил, зажимая рану на руке ладонью. — Каждый, кроме вас.

— Обидно, — пожал плечами Фульгур и злобно рассмеялся. — Теперь мы напоим сердце твоей кровью и завершим ритуал, человек. Узри же то, чего никогда не видел. Как на землю опускается Алая ночь.

— Рано радуешься, — хмыкнула Микаэла, нажимая на малозаметную кнопочку на часах. — Ты забыл, что я все-таки де Луна.

После этих слов где-то в глубине одного из тоннелей раздался глухой взрыв. Он был такой силы, что с потолка на Фила посыпались маленькие камешки, а возмущенные крики изгоев вдруг стали плаксивыми и напуганными. Фульгур и Фремиту, прищутив глаза, настороженно смотрели в черный проход, а потом скрежетнули зубами, когда из тьмы тоннеля выбежала пятерка стройных девушек с серебристыми луками в руках и трое синеглазых мужчин, с пропорциями атлетов. Они зарычали и без лишних слов вломились в визжащее скопище изгоев, которые разом бросились к выходу, давя друг друга.

— Развлекайтесь, — усмехнулась Микаэла, продолжая зажимать рану ладонью. — А мне бы санавский бальзам не помешал и бутылочка хорошего вина...

Глава 8

Глава восьмая. Жертва.

— В сумке, Филипп, — поморщилась Микаэла, когда Фил присел рядом и осторожно отнял руку девушки. — Его кинжал из черной стали, пропитанной в яде Репробари. Рана заживает очень долго и если нет лекарства, то... Сам понимаешь.

— Понимаю, — кивнул Фил, копаясь в сумке, которая стояла рядом с Микаэлой. — У тебя тут несколько пузырьков. Который?

— Темно-зеленый, — хрипло ответила та, наблюдая, как лучницы с дикой скоростью выпускают стрелы в изгоев, карабкающихся по стенам к дыре наверху. Фил достал нужный пузырек и, смочив чистый платок, приложил его к шее вампирши. Та благодарно улыбнулась и поморщилась, когда бальзам начал действовать. — Черт!словно тлеющий уголь. Спасибо, человек.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — холодно спросил Фил, заставив Микаэлу в очередной раз улыбнуться.

— Ты меня ненавидишь, Филипп, — констатировала она и покачала головой. — Нет, ничего не нужно. Только останови Фульгура до того, как он прольет человеческую кровь на сердце и проведет ритуал. Найди Анну. Она, наверняка, где-нибудь поблизости. В одиночку ты против Репробари не выступишь.

— Я не собираюсь лезть, куда не просят, — хмыкнул Фил. Он отнял платок и кивнул, увидев, что кровь остановилось. — Где найти Анну?

— Эй, Бледная! — одна из лучниц, нахмутив брови, повернулась к Микаэле. — Верата? Ну, сегодня просто день приятных неожиданностей.

— Микаэла? — прошипела девушка, подходя ближе. Она почти не глядя выпустила еще три стрелы и, дождавшись, когда с потолка упадут три тела, присела рядом. — Ты что здесь делаешь?

— Я всегда в гуще событий, сестра, — улыбнулась вампирша. Она осторожно приняла сидячее положение и обвела взглядом храм, в котором разразилась бойня. — Фульгур сбежал. Как и его уродливый сынок.

— Куда?

— Понятия не имею. Видишь ли, когда мне порезали шею, я немного отвлеклась, — съязвила Микаэла. — Анна здесь?

— Да. Она перекрывает выходы с Малуа и Смарагд.

— Отлично. Тогда уродцы не успеют сбежать.

— Тебе помощь нужна?

— Если только у тебя нет бутылки вина, — лучница слабо улыбнулась и, положив руку на плечо Микаэлы, хмыкнула.

— Ты не меняешься.

— Я полна любви, но в два раза злее. Сейчас рана затянется, и я обстоятельно побеседую с Фульгуром. Если успею, конечно, — буркнула вампирша и повернулась к Филу. — Иди в тоннель и найди там Анну. Скажи ей, что шкатулка у Репробари и она открыта.

— А ты? — она хрипло рассмеялась в ответ и, взяв его руку, нежно поцеловала пальцы.

— Ты забавный человек. Беги скорее, пока еще есть шанс, — Фил вздохнул и, подняв

с земли оброненный кем-то кинжал, бросился в сторону темного тоннеля, откуда выбежали лучницы. Он пропустил мимо синеглазого здоровяка, который одним ударом огромной секиры разрубил пополам крепкого изгоя и, сдержав рвотный позыв, нырнул в темноту.

Мимо него бежали высокие вампиры в бежевых одеждах, иногда зеленые крепыши, которые на миг задерживались, но увидев перстень Филя, уносились прочь. Дважды он столкнулся с женщинами в сером, в красных глазах которых горел дикий огонь. Но никто не мог ему сказать, где Анна. Фил добежал почти до конца тоннеля и растеряно замер на развилке. Налево вел еще один темный ход и точно такой же вел направо.

— Черт... — простонал он. — И куда теперь?

— Смотри, что ты ищешь, человек, — прошипел Фремиту, выныривая из левого тоннеля и хватая Филя за горло. Тот наотмашь махнул кинжалом, но изгой небрежным движением выбил оружие из руки и злобно рассмеялся. — Привел с собой друзей? А ты уверен, что они друзья?

— Отцепись, сука! — прохрипел Фил, пытаясь вырваться из железных тисков. Фремиту был куда сильнее и, услышав топот из правого тоннеля, подтянул Филя к себе и, забросив на плечо, бросился бежать.

Пока вампир бежал, Фил сделал несколько попыток вырваться, но они ни к чему не привели. Фремиту был сильнее и с каждым движением сильнее стискивал тело, пока не затрещали ребра. Фил жалобно крикнул, когда внутри что-то хрустнуло, и, услышав тихий смех изгоя, сжал зубы.

— Плачь, малютка. Скоро и ты, и все твое племя узнают, что такое настоящая Алая ночь, — Фремиту даже не сбил дыхание, ловко ныряя в только ему одному понятные ходы. Иногда он опускался почти на колени и волочил Филя за собой, иногда снова бежал в полный рост, иногда вжимался в стену и ждал, когда вдалеке стихнет чей-то топот.

— Зачем вам я? Подойдет же кровь любого человека, — лязгая зубами, спросил Фил, но вампир резко рыкнув, велел ему заткнуться.

— Ты уже пролил кровь во имя Беллариэля, человек, — хрипло ответил он, прячась в какой-то дыре, и снова сдавливая горло Филя железной хваткой, чтобы тот не закричал. — Добровольно.

— Вы меня заставили.

— Это не играет роли. Ты пролил её, чтобы спасти ту вампиршу. Добровольно. У тебя был выбор, но ты выбрал то, что выбрал, — тихо рассмеялся он и, приблизив лицо Филя к своему, лязгнув зубами. — Когда все закончится, я выпью из тебя жизнь. Выпью все, пока не останется сухая оболочка, человек.

— Пока этого не случилось, донеси меня в целости и сохранности, — буркнул Фил. Страх куда-то исчез, словно ждал момента. Было лишь удивление и то самое ощущение, что это всего лишь сон.

— Шути. Ты снова скрываешь страх за шутками, — рыкнул Фремиту и, схватив Филя, снова бросился бежать. — Это единственное, что тебе остается.

Бег закончился внезапно и Фил, не успев сгруппироваться, рухнул на влажный каменный пол, после чего застонал и схватился за левый бок. Ребра болели так, словно по ним ломом врезали, а мозг тут же услужливо подкинул воспоминания о далекой аварии.

Фремиту, не обращая внимания на стоны Филя, быстрым шагом подошел к стене, по которой стекала вода и, нажав на неприметный камень, запечатал вход в пещерку невесть откуда взявшейся каменной плитой. Только тут Фил заметил, что в пещере есть еще кое-кто.

— Времени мало, сын, — прохрипел Фульгур, появляясь из темноты. Он опирался левой рукой о стену, а правую прижимал к боку. Левый глаз вампира заплыл, уродливая физиономия тоже была в крови, но Фил заворожено смотрел на густую черную кровь, которая редкими каплями просачивалась сквозь пальцы правой руки и падала на каменный пол с легким шипением.

— Мы успеем, — твердо ответил Фремиту. — Де Луна потребуется вечность, чтобы сдвинуть этот камень. Он выдержит даже ядерный взрыв.

— Предусмотрительно, — кивнул Фульгур и, прищутив глаза, посмотрел на Фила. — Зачем ты им помогаешь, человек?

— Тебе так важен мой ответ? — с вызовом буркнул Фил, но получив короткий подзатыльник от Фремиту, поморщился и недобро посмотрел на сына вождя. — Они не пытались меня убить, в отличие от вас.

— Лишь потому, что мы были первыми, — рассмеялся Фульгур, с трудом присаживаясь на влажную землю. Он блеснул оранжевым взглядом в сторону сына и, достав откуда-то шкатулку с сердцем, мрачно посмотрел на Фила. — Де Луна не оставляют свидетелей из вашего племени. Ты помог им и они решили сохранить тебе жизнь. Но лишь на время, человек. Когда все закончится, они первыми высушат тебя. Книгоед.нет

— С чего такая уверенность?

— Потому что я сам из этой поганой семейки.

— За что тебя изгнали? — спросил Фил, лихорадочно думая, как бы выпутаться из этой скверной истории. Но пещера была пуста, оружие отобрал Фремиту, который зорко следил за беседой, пока подготавливал небольшой алтарь в центре. Фульгур словно прочитал его мысли и гадко рассмеялся.

— Ищешь возможность сбежать? Невозможно. Из молельной кельи только один выход и он запечатан камнем.

— Тем более, — пожал плечами Фил. В какой-то момент чудовищная апатия и усталость овладели телом и он, не стесняясь, тоже сел на пол. — Чего стесняться?

— Я захотел свободы, но мне отказали в ней. Я был рабом, но их устраивало это, — с ненавистью ответил Фульгур. — Я мыслил широко, а они узко. Де Луна при мне достигли бы того могущества, которого заслуживали, но они сделали иной выбор. Они спелись со скотом, прогнулись под другие семьи, потеряли былое величие, человек. Они превратились в дерьмо.

— И ты поднял бунт? Устроил революцию? Захотел свергнуть Владимира?

— Это очевидно. К сожалению, большая часть де Луна отказалась меня поддерживать, когда пришло время. Наоборот, меня предали.

— Разве не ты первый предал братьев и сестер, когда задумал свергнуть былой порядок? — спросил Фил. Жутко хотелось курить, но пачку он где-то потерял, а обращаться с этим вопросом к вампирам, было бы глупо. Фульгур скрежетнул зубами в ответ на вопрос Фила, а затем тихо рассмеялся.

— Когда желаешь свергнуть былой порядок, то в любом случае кого-нибудь предашь, человек. Без предательства невозможна новая жизнь. Но де Луна слишком уж старомодны и верны Владимиру. Он, как высохший паук, висящий в центре, ждет, когда ему поднесут жирных мух другие пауки — сильнее и моложе. Я был против этого. И меня прокляли.

— Почему не убили? — Фремиту тихо хохотнул, услышав вопрос, да и Фульгур неприятно улыбнулся.

— Они сами себе вырыли могилу. Клятва Крови гласит, что нельзя трогать свою семью. Даже если её кто-нибудь покидает. Считается, что меня можно убить, когда минет сто лет с момента изгнания. Тогда проклятие полностью лишит меня фамильных черт и я стану очередным Репробари. До того момента меня могут убить лишь члены других семей. Как ты догадываешься, молодой изгой тщательно избегает встреч с другими семьями, пока не минет сто лет и проклятие не изменит его облик. Так и я. Я прятался в ночи, питался падалью и бродячим скотом, и мечтал о мести. Каждый изгой мечтает отомстить семье, которая вышвырнула его и лишила своего покровительства.

— Что даст вам сердце?

— Силу, человек, — манерно ответил Фремиту, заканчивая приготовления. — Силу противостоять другим семьям. Нам не нужно будет просить скот, чтобы тот пустил нас за порог своих жилищ. Нам не нужно будет прятаться на окраинах, и бояться других. Страх исчезнет, когда изгой сами станут семьей.

— Значит, сердце... — Фил удивленно посмотрел на сына вождя, который склонил голову и кивнул в ответ. — Оно даст вам возможность образовать свою семью.

— Умный человек, — хохотнул вампир. — Даже жаль будет убивать тебя. Ты прав, Филипп Уорд, сердце — это уникальная реликвия и похожее есть в каждой семье. На этих реликвиях приносят Клятву Крови и эти реликвии питают семьи силой. Тенебра владеет энергией, Смарагд — боевым безумием, Малуа — телепатией, а Санави — умеют исцелять даже самые страшные раны. Только наша реликвия является проклятой, в отличие от реликвий других семей, потому что способна изменить привычный порядок.

— А де Луна? — Фульгур слабо улыбнулся в ответ и покачал головой.

— Они не должны тебя волновать, человек, — ответил он. — Де Луна сдохнут и через сотню лет все забудут, что существовала такая семья. Я позабочусь, чтобы упоминания о ней выжгли каленым железом из всех книг. А твое племя... — вампир неприятно усмехнулся. — Вы станете для нас источником корма, ибо грядет новая Алая ночь и нам потребуются силы, чтобы уничтожить другие семьи. Те из вас, кто выживут, станут скотом. Это ваше место по праву, человек.

— Но без нас вы сдохнете, — злобно бросил Фил, пятясь назад, когда к нему двинулся Фремиту, держа в правой руке кривой нож. — Вас перебьют, как мух.

— Нет. В отличие от других семей, мы не брезгуем пить жизнь даже из животных. Но довольно разговоров. Время почти истекло, — властно ответил Фульгур, занимая место на алтаре, который воздвиг Фремиту. — Ты напоишь сердце Белларизэля своей кровью...

— Сомневаюсь в этом, — Фульгур низко зарычал, когда из темного угла под луч света вышла Анна, облаченная в диковинную черную броню. На груди девушки слабо поблескивал знак семьи — луна в окружении бриллиантовых звезд. Она держала в правой руке «Двойного орла» Кольта, а в левой тонкий стилет, который хищно поблескивал в сумраке. Глаза девушки горели первородной ненавистью и светло-серый цвет залил всю радужку и зрачок. — Положи кинжал, Фремиту. Ты знаешь, как я стреляю.

— Знаю, — кивнул вампир, осторожно опуская нож на землю. Он зло улыбнулся и, закусив губу, резко бросился в сторону Фила, который неловко охнул, когда когти вампира впились в шею, а сам он использовал Фила, как живой щит. — Но еще знаю, как ты любишь играть.

— Глупо, Фремиту. Очень глупо, — тихо ответила Анна, обходя вампира и подходя к стене. Она нажала на тот самый камушек и плита медленно скрылась в стене, открыв

зияющее жерло тоннеля. Девушка дважды свистнула, а потом тихо буркнула в гарнитуру. — Молевая келья. Оно здесь.

— Уходи, де Луна. Твое время почти кончилось, — рассмеялся Фульгур, словно не замечая в руках Анны оружия.

— И не подумаю, — покачала головой вампирша. Она вздохнула и, скривив губы, продолжила. — Думаешь, мне есть дело до этого человека? Он был полезен, а сейчас — обычный скот. Сдохнет он или нет, какая разница?

— Лукавишь, Анна, — усмехнулся Фульгур. — Ты забыла, что я лучше всех умею читать эмоции, из вашей поганой семейки.

— Умел. Ты давно не де Луна, Фульгур, — пожала плечами Анна. Она не сводила внимательного взгляда с Фремиту, который, спрятавшись за Филом, медленно, шаг за шагом, подходил к отцу. — Стой на месте, изгой.

— Останови меня, — хищно оскалился Фремиту. Клыки вампира вытянулись и теперь задевали нижнюю губу, попутно коверкая речь. — Боишься? Боишься попасть в человекка? Конечно, попробуй найди такую умную игрушку. Еще и послушную.

— Через несколько минут здесь будут Бледные лучницы и Сестры Огня. Рассказать, что с тобой будет или сам догадаешься? — Анна проигнорировала слова Фремиту и сделала еще один шаг по направлению к нему. Фил лишь мог растерянно наблюдать, будучи зажатым в стальных тисках сына вождя. Сам Фульгур, казалось, впал в спячку, но лень в оранжевых глазах вождя Репробари была показной. Он внимательно следил за движениями Анны и сына, который был к нему все ближе и ближе.

— Угрозы, — поморщился вампир. — Одни угрозы и никакого дела, де Луна. Вся ваша убогая семейка в этом. Бойтесь причинить вред скоту, хотя на кону ваши собственные жизни.

— Фремиту! Заканчивай этот бессмысленный концерт, — рявкнул Фульгур, бросая сыну шкатулку. Но голова вождя дернулась, когда в келье громыхнул выстрел, и он мешком упал на пол, заливая черный алтарь своей кровью и мозгами.

— Минус один Репробари, — буднично ответила Анна, наставляя дымящийся ствол Кольта на Фремиту. — У тебя три секунды, чтобы сдаться, изгой. В ином случае...

— Предпочитаю иной случай, — злобно прошепелявил тот и резким движением впился клыками в шею Фила. Кровь, хлынувшая Филу на грудь, попутно залила и шкатулку, которую крепко держал Фремиту. Анна, чертыхнувшись, подбежала к вампиру и сильным ударом ноги отшвырнула его к противоположной стене. Шкатулка выпала из рук Фремиту и отскочила к бездыханному телу Фульгура, которое внезапно дернулось и изогнулось в страшной агонии. Фремиту хрипло засмеялся и покачал головой. — Поздно, де Луна. Сердце наполнилось крови скота...

Фил, зажимая рукой рану на шее, медленно отполз в сторону и обессиленно упал рядом с кривым кинжалом, который выронил Фремиту. Он поморщился, слабо застонал, когда яд изгоя начал жечь сердце, а потом крепче схватил кинжал и пополз к дергающемуся телу Фульгура. В этот момент Фремиту выбил из рук Анны пистолет и, схватив девушку за шею, закрутился с ней в смертельном танце.

Пока девушка сражалась с изгоем, Фил медленно полз вперед, но яд, медленно проникающий в кровь, доставлял кучу неудобств. Сначала отказали ноги, а руки словно стали деревянными. Глаза застилал кровавый туман, пульс больше походил на пулеметную очередь, а где-то внутри сердце разрывалось от ядовитого огня Репробари. Но Фил

продолжал ползти вперед.

Он схватился за шкатулку, в которой билось отвратительное черное сердце, слишком поздно. На темное дерево легла заляпанная черной кровью ладонь Фульгура. Вождь изгоев, дернувшись, с трудом поднялся с земли и посмотрел на Фила. Тот с трудом сдержал крик, потому что Фульгур выглядел, мягко говоря, омерзительно. Части головы, куда попала пуля Анны, не было, и в рваном полукруге слабо пульсировал окровавленный мозг, правый глаз Фульгура превратился в жуткий красный уголек, которым он сверлил человека, рискнувшего положить руку на вампирскую реликвию. Открыв рот, изгой зашипел и, свободной рукой вцепился в воротник Фила, подползшего слишком близко. Тот в ответ слабо дернул рукой, в которой был зажат кинжал, но смог прочертить лишь тонкую царапину на мускулистой ладони Фульгура. Зубы изгой удлинились и заблестели, напившись ядом. Фил понял, что тому нужна его кровь, чтобы восстановить силы. Голова вождя меж тем медленно восстанавливалась. Кусочки черепа словно возникали из ниоткуда и закрывали от удивленного взгляда человека пульсирующий мозг. Даже царапина на руке почти исчезла, превратившись в розовую полоску. Фульгур регенерировал. Медленно, но регенерировал.

Анна не обращала внимания на слабую возню человека и вампира, сосредоточившись на битве с Фремиту, который словно удесятерил силы, после того как выпил крови Фила. Вампир, смеясь, легко уклонялся от черного стилета, которым размахивала Анна, и едко комментировал действия девушки. Несколько раз он достал её своими кривыми когтями, прочертив на черном доспехе рваные полосы, словно металл был какой-то мягкой кожей. Анна, закусив губу, парировала резкие удары Фремиту, ожидая, когда он откроется. Но вампир был слишком хорош. Виной ли тому постоянные драки, возникающие тут и там у изгоев, или кровь Фила придала ему сил, но он раз за разом избегал рокового удара и стилет Анны царапал камень в том месте, где только что стоял Фремиту.

А Фил без успеха пытался оторвать от себя руку Фульгура, который с булькающим шипением медленно подтягивал человека к пасти. Время словно замерло, когда Фил увидел жуткие клыки изгой рядом со своим лицом. Желудок скакнул вниз, а в горле запершило от увиденного. Фульгур тоже почувствовал страх и, обрадованный, собрал все силы. Лишь несколько сантиметров отделяли его от перепуганного человека. Еще рывок и клыки впились в оголенную кожу, причиняя Филу дикую боль.

Голова закружилась, и даже свет померк, когда Фульгур принялся жадно пить алую кровь, хлынувшую из пробитой вены. Фил жалобно застонал и сделал еще одну попытку пронзить уродливое лицо вождя Репробари, но промахнулся и, клинок, звякнув, отлетел в сторону к шкатулке. Торжествующий рев восстановившегося Фульгура вызвал злую улыбку у Фремиту, который воспользовался секундной паузой и сбил Анну с ног, а сам надел сверху и страшно лязгнув зубами в непосредственной близости от красивого лица девушки. Та в ответ сжала зубы и, чудом извернувшись, сумела поставить черный стилет на пути клыков, которые сомкнулись на стали. Фремиту был слишком силен и Анна понимала это, но раз за разом отпихивала вампира в сторону. Она жалобно посмотрела на подползшего к ней Фила, взглянула в его почти потухшие глаза и все поняла без лишних слов, когда он протянул ей свою искусанную руку. Дальнейшее было действием нескольких секунд.

Анна напряглась, отшвырнула Фремиту в сторону, а затем жадно впилась в руку Фила, который застонал и перевернулся на спину. Глаза девушки моментально вспыхнули ярким белым светом, а из горла донесся сиплый рык. Черты лица заострились, уши вытянулись, а клыки жутко блеснули в сумраке кельи, когда она редко поднялась на ноги и с ненавистью

посмотрела на удивленного Фремиту.

— Пора отправиться к Кровавому богу, изгой, — прошипела она, без раздумий кидаясь на сына вождя. Тот не успел уклониться от удара и хрипло что-то буркнул, когда тонкая рука Анны прочертила на шее четыре рваных полосы, из которых на землю хлынула кровь. Фремиту заскулил и отскочил в сторону, после чего повернулся к Фульгуру, который дрожал, словно в лихорадке.

— Отец... — прохрипел он, держась за шею.

— И потонули города, когда кровавые реки вышли из берегов, — звучно произнес Фульгур, поднимаясь на ноги. От его фигуры так и веяло силой, но Фил, в отличие от Анны, завороченно смотрел на шкатулку с сердцем и лежащий рядом с ней кинжал. Стиснув зубы, он медленно пополз в ту сторону, собрав все имеющиеся силы. Фил понимал, что сможет нанести лишь один удар. На большее его не хватит. Сердце билось медленно и словно затихало, рука и рана на шее горели огнем, как и вся грудь, ноги тряслись, а на лбу выступил холодный пот. И черная тьма перед глазами становилась все плотнее и гуще. Фил полз вперед, сдирая пальцы в кровь об острые камни. Кусал губы до крови, когда понимал, что силы почти покинули его. И облегченно вздохнул, когда в руку легла прохладная рукоять кинжала. Он медленно улыбнулся, привстал на локтях, а затем занес руку над мерзким сердцем, которое билось все сильнее и сильнее.

— Филипп! Нет! — закричала Анна, вцепившаяся в горло смеющемуся Фульгуру, у которого смех застрял в горле, когда он увидел то, что видела она.

— Скот! — прошипел Фремиту, неловко ковыляя к Филу и протягивая когтистые руки.

— Пшел... в жопу, — выдохнул Фил и опустил клинок вниз, вбив его прямо в уродливое сердце Беллариэля. Дикий крик сотряс стены кельи, когда сталь проткнула тугий узел мышц и из сердца на пол хлынула черная кровь. Оно вспыхнуло оранжевым пламенем, которое быстро перекинулось на клинок, а потом и на израненную руку Фила. Боль была адской и затмила собой даже вампирский яд. Оранжевый огонь жег сильнее раскаленного металла, впивался в кость и выпаривал кровь, наполняя удушливый воздух кельи ароматом паленого мяса. Но Филу было все равно. Он с глупой улыбкой смотрел на Фульгура, который задрожал и рухнул на землю, после чего забился в конвульсиях. Вождь изгоев яростно катался по земле, сдирая с себя кожу скрюченными пальцами, выл и грыз собственную плоть, столь сильна была ярость проткнутого сердца. Замерли ворвавшиеся в келью Бледные лучницы и Сестры Огня, которые с ужасом отпрянули, когда тело Фульгура воспламенилось, отбрасывая на влажные стены причудливую пляску теней. А вождь Репробари хрипло рассмеялся, когда огонь утих, но вновь умолк, увидев, как из темного угла появляются три фигуры в черных мантиях. Замер и Фремиту, на лице которого застыла маска страха и дикой злобы.

Одна из фигур подошла к шкатулке, превратившейся в тлеющий уголь, и склонилась над ней. Затем, не обращая внимания на удивленные вздохи, аккуратно взяла тлеющую оранжевым огнем реликвию в ладони и отошла к другим фигурам, которые словно не замечали замерших вампиров и изогнувшегося от дикой боли человека, над которым склонилась дочь де Луна. Когда фигура, взявшая шкатулку, заговорила, волосы встали дыбом даже у повидавших всякое Сестер Огня. Голос был наполнен тошнотворным ужасом, невероятной волей и силой. Из голоса теперь состоял воздух.

— Триада опоздала, — пробулькала Фульгур, констатируя очевидный факт.

— Триада никогда не опаздывает, — мягко ответила ему фигура, держащая шкатулку. —

Триада приходит ровно тогда, когда считает нужным.

— Сердце наполнилось крови скота во славу Беллариэля, — мрачно усмехнулся вождь Репробари. — Алая ночь наступила.

— Сердце уничтожено, Фульгур, — капюшон второй фигуры слабо качнулся, а в его глубине зажегся недобрый светло-золотой свет. — Уничтожено человеком, как и гласило черное пророчество.

— Что? — воскликнул изгой и тут же безумно рассмеялся. — Чушь! Я знаю пророчество наизусть, как и каждый из моей семьи.

— У тебя нет семьи, — прошелестела третья фигура. — Как нет и знаний о сердце Беллариэля. Лишь одно существо может уничтожить сердце. То, которое напоит его своей кровью. То, которое сейчас умирает, лежа рядом с тобой, изгой. Лишь Рамиэль слышал последние слова своего брата, когда он выкрикнул пророчество. И он передал их только Триаде. Сердце уничтожено, Фульгур. Прими свой конец достойно, как и правду, которую узнал лишь сейчас.

— Это еще не конец, — усмехнулся вампир, с ненавистью смотря на Триаду. — Я-то уйду, но семья будет жить...

— Фремиту... — прохрипел Фил, сильно сдавливая руку Анны, которая с жалостью смотрела на него. Девушка скрипнула зубами и обвела взглядом келью, но сын вождя пропал, будто его здесь никогда не было.

— Он ушел. Это правда. У Репробари должен быть вождь. Вождь, а не глава семьи, — с легкой издевкой ответил один из Триады. — Ты не учел одного, Фульгур. Скот тоже является частью нашего мира и с ним необходимо считаться даже Триаде.

— Плевать, — поморщился Фульгур. — Ваше время подошло к концу, черные коршуны. Скоро оранжевый огонь загорится вновь и испепелит вас всех.

— Ты совершил святотатство, изгой. И понесешь заслуженное наказание, — громко перебила его фигура, держащая шкатулку. — Триада приговаривает тебя к смерти, Фульгур Репробари.

— Да не вспомнит о тебе даже презренный скот, которым ты питался, — дополнила вторая фигура. Во мраке блеснуло что-то черное и острое.

— И не найдешь ты покой даже после смерти, — закончила третья фигура, подходя к смеющемуся вампиру. Тот зло расхохотался, а потом замолчал, когда в голову вонзился длинный черный шип. Раздалось жадное чавканье и Фил отвернулся, когда понял, что таинственные существа просто выпивают из Фульгура жизнь. Звук был омерзительным и напоминал трение металла по стеклу, но Фил, сжав зубы, слушал его, пока не наступила тишина, которую нарушил тихий шорох. Кто-то подошел к нему.

Повернувшись, Фил увидел склонившуюся над собой фигуру в черном, а когда услышал тихий смех, не сдержавшись, скрипнул зубами. Анна, держащая его за руку, лишь нахмурилась. Фил почувствовал, как к искалеченной и обожженной руке прикасаются холодные пальцы, но не успел подивиться, как боль ушла, оставив лишь слабый зуд.

— Смелый человек, — тихо произнесла фигура и, повернув капюшон в сторону Анны, добавила. — Смелая дочь де Луна. Отец может гордиться тобой.

— Благодарю, великая Триада, — сухо ответила Анна.

— Мной тоже можете гордиться, — Фил слабо улыбнулся, когда увидел, как одна из Бледных лучниц ввела в келью опершуюся на нее Микаэлу. Вампирша бросила разочарованный взгляд на сморщенное тело Фульгура и покачала головой. — Ну вот.

Пропустила все веселье.

— Она... не... трогайте... её, — хрипло произнес Фил, вцепившись в руку Анны. Девушка слабо улыбнулась в ответ и кивнула. — Она... поняла...

— Никто не собирается трогать Микаэлу, человек, — в голосе черной фигуры послышалось раздражение. — Неужели ты ничего не понял? Или смелость — твое единственное достоинство?

— Это было спланировано, — с горечью буркнул Фил, смотря на Микаэлу, которая присела рядом с ним. Несмотря на испачканный костюм вампира по-прежнему выглядела прекрасно.

— Прости, человечек. Ты должен был идеально сыграть свою роль, — в глазах Микаэлы блеснула грусть. Всего на мгновение, но он увидел. — И ты сыграл её идеально.

— Значит, это...

— Да, Филипп, — ответила за Микаэлу Анна. — Твое похищение было подстроено, а Микаэла давно водила Репробари за нос по приказу отца. К сожалению, Фульгур решил открыться только после того, как её обвинили в резне и заперли в подвале на двести лет.

— Мы долго планировали эту операцию, человечек, а ты, сам того не ведая, стал её ключевым элементом.

— Меня использовали, — слабо рассмеялся Фил. — В который раз.

— Благо семьи первостепенно, — кивнула Микаэла. Фил улыбнулся, заглянув ей в глаза.

— Я рад, что тебя не накажут, — тихо сказал он и повернулся к Анне. — Вам блестяще удалось разыграть партию, Анна.

— Филипп, — вздохнула девушка, но Фил слабо помотал головой и еще раз улыбнулся.

— Все в порядке. Если человечество избежало Алой ночи, то я даже рад, что смог поучаствовать, вместо того, чтобы развозить пьяных идиотов и надираться до бессознательности каждую пятницу. Как вы там сказали, господин? Прими свой конец достойно, как и правду, которую узнал лишь сейчас? Принимаю. И спасибо, что облегчили боль. Так правду принять куда легче.

— Конец? — усмехнулся один из Триады. — Смею огорчить, но ты будешь жить. Конечно, руку, контактировавшую с реликвией, восстановить не получится, но функциональность мы вернем...

— Но пророчество...

— Не досадить изгою на смертном одре непозволительная роскошь, человечек, — пояснила Микаэла. — Фульгур сдох, так и не поняв, что его одурачили. Все это было частью спектакля, чтобы найти гнездо и лишить Репробари такого сильного вожака. Да, Фремиту сбежал, но равновесие всегда должно быть. Впрочем, не думай сейчас об этом, а то голова лопнет.

— И вы пожертвовали реликвией? — уточнил Фил, до которого медленно доходил смысл сказанного.

— Мы давно хотели уничтожить сердце Беллариэля, — кивнул второй из Триады. — Но найти подходящего человека для этого было слишком сложно. Мало кто из вас способен пожертвовать собой ради высшей цели, человек. Вампир не может пронзить сердце первого изгоя. Только тот, кого он ненавидел сильнее братьев, способен на это.

— Человек, — кивнул Фил и поморщился.

— Человек, — подтвердила фигура в мантии. — Но не каждый. Лишь тот, кому нечего

терять. Тот, чей ум чист и свободен.

— А если бы я не справился?

— Но ты справился, — улыбнулась Анна. — Думай лучше об этом, Филипп.

— Голова сейчас лопнет, — пожаловался он, тщетно пытаюсь разобраться в запутанном клубке. — У вас нет сигареты, случайно?

— Держи, — усмехнулась Микаэла, протягивая Филу пачку. Но тот, только закурив, сразу же блаженно улыбнулся и потерял сознание...

Глава девятая. Жизнь.

Фил очнулся, когда солнечный луч ужалил его в левый глаз и вырвал из царства чернильной тьмы. Осмотревшись, Фил понял, что лежит на большой кровати в замке де Луна, словно и не было той изматывающей битвы, черной Триады и жуткой показательной казни над Фульгуром. Но забинтованная рука, которая нещадно болела, и перевязанная шея говорили о том, что все произошедшее, не было сном. Грудь все еще горела от яда, но боль была терпимой, а спящий в кресле Алистер, выведивший удивительные рулады, отгонял дурные мысли прочь.

Фил принял сидячее положение и вздрогнул, когда почувствовал, что к плечу прикоснулась чья-то рука. Обернувшись, он увидел стоящую возле кровати Анну. На девушке было привычное черное одеяние, только глаза были слишком уж уставшими и потухшими. Она улыбнулась Филу и подняла руки в извиняющемся жесте.

— Прости. Не хотела тебя пугать, — тихо сказала она. — Алистер заснул час назад, и я сменила его.

— Значит, все это не сон?

— Нет, Филипп. Это не сон. Ты потерял сознание в молельной келье, и мы перенесли тебя в замок де Луна.

— А по пути ты обделался и испачкал броню Анны своим дерьмом, — Фил снова вздрогнул, когда услышал голос Микаэлы. Повернувшись, он покраснел, когда увидел, что вампирша лежит рядом и лениво листает модный журнал. Она сверкнула острыми зубками и покачала головой. — Шучу, человек.

— Почему вы любите так пугать? — возмутился Фил. — Хотя бы в ладоши хлопайте.

— Просто кто-то слишком ненаблюдателен, — усмехнулась Микаэла.

— Сколько я здесь уже?

— Вторые сутки. Я поспорила со Стьепаном, что ты очухаешься в течение трех дней. Как видишь, я выиграла.

— Очень любезно с твоей стороны, — съязвил Фил и повернулся к Анне, которая с улыбкой наблюдала за перепалкой. — Что вообще произошло?

— Не помнишь? — уточнила девушка. — Ты пронзил клинком сердце Беллариэля и оно сгорело...

— Это я помню, — улыбнулся Фил. — Я имею в виду, что произошло после того, как я потерял сознание.

— Триада немного подправила твою руку, но шрам все же останется, — поморщилась Анна.

— И на том спасибо, — хмыкнул Фил, разглядывая забинтованную конечность. — Так все плохо?

— Огонь ненависти Беллариэля очень силен. Тебе повезло, что ты смог отпустить кинжал, а то...

— Превратился бы в герцога прожаренных корок, — промурлыкала Микаэла. — Рука не мордашка, человек.

— А Фремиту?

— Он ушел, — мягко ответила Анна. — В келье был еще один тайный ход, и изгой

скрылся в нем, пока все были заняты отцом.

— У Репробари преданности, как у гулящей суки, — хмыкнула Микаэла, заставив Фила улыбнуться. — О, уже лучше. Румянец на щечках появился...

— Микаэла... — вампирша подняла руки и со скучающим видом уставилась в окно, позволив Анне продолжить. — Это наше упущение, Филипп. Но гнездо Репробари было почти полностью разорено. Тысячи сильных изгоев были убиты. Фремиту потребуется много времени, чтобы восстановить племя.

— Он будет мстить.

— Как и все они. Мечь — смысл их жизни, — вздохнула Анна. — Фульгур был осторожен, но и он не смог избежать паутины де Луна. Для этого пришлось...

— Те деревни, которые вырезала Микаэла? — глухо спросил Фил, сжав кулаки. Анна кивнула, метнув в сторону Микаэлы осторожный взгляд. — Это тоже была часть плана?

— Да, Филипп, — ответила Микаэла. В голосе вампирши не было издевки. Только горечь. — Мы готовы на все, чтобы избежать Алой ночи. Даже на резню. Твое дело, верить мне или нет, но я без энтузиазма отнеслась к этой затее. Приказ главы семьи не обсуждается.

— Лучше погибнет тысяча человек, чем миллионы превратятся в рабов Репробари, — тихо произнесла Анна. Фил повернулся к ней и осторожно пожал руку, которая по-прежнему лежала на его плече. — Нам нелегко далось это решение, но иного выбора не было. Репробари стали слишком сильны, их стаи наводили ужас на всю Германию, а со временем и вся Европа бы окунулась в ледяную бойню. На Совете Пяти был брошен жребий и заниматься этим вопросом выпало нашей семье.

— Тогда Анна придумала этот дерзкий план, — хмыкнула Микаэла. — Только требовалось найти вампира, вхожего в элиту, который решил пойти против семьи. Выбрали меня. Я была Бледной лучницей, как ты наверняка успел заметить, человек. В один миг мне дали приказ. Вырезать две деревни. Я не могла противиться ему, ибо семья первостепенна. Поверь, все, кого я убила, часто приходят ко мне во снах, Филипп. Я не прошу твоего прощения, потому что не могу простить себя. Эх... Ну а затем меня показательно обвинили в убийствах и дали двести лет наказания, заперев в библиотеке. Там я сливала Фульгуру много чего интересного, связанного с сердцем Беллариэля. Найти и уничтожить сердце тоже входило в наш план.

— Но вампир не мог уничтожить сердце. Его можно было пронзить лишь клинком изгоев и удар должна нанести человеческая рука.

— Но почему я? — тихо бросил Фил. — Я обычный таксист. Откуда вы знали, что я не выброшу эту шкатулку и уничтожу сердце?

— Оно само выбрало тебя, Филипп. Это сердце Беллариэля. Высшего вампира и первого изгоя в нашей истории. Проклятая реликвия уникальна. Сначала мы решили похитить его из-под носа Репробари, чтобы спокойно изучить и затем уничтожить. Мой брат погиб, чтобы достать его. Но тут в игру вступил ты. Видишь ли, сердце признало тебя своим слугой, когда Петр погиб. Разве ты не заметил, как сияют руны, когда ты брал в руки шкатулку? Поэтому Фремиту не видел шкатулку, хотя она лежала рядом на столике, когда тебя пытали изгой. Ты не хотел, чтобы он её увидел, и он её не видел.

— Поэтому Владимир дал мне статус нейтрала?

— Отчасти. Мы сами не понимали, почему сердце так привязано к тебе, пока Микаэла не нашла в библиотеке сведения о том, как его уничтожить. Лишь тот, кого ничто не держит

на земле, способен уничтожить сердце Белларизэля. И мы приняли решение рискнуть, дав тебе доступ в нашу библиотеку, чтобы ты помог открыть шкатулку. Но как открыть шкатулку знали только Репробари.

— Тот совет, это была фикция, чтобы обмануть сердце и наполнить твою голову нужными мыслями. Фульгур и его сын великолепно читают эмоции и чувства, поэтому мы не могли рисковать. Микаэла подмешала тебе снотворное в вино и применила гипноз, чтобы ты не проснулся раньше времени.

— Давно не практиковалась, — хмыкнула вампирша. — Но вроде получилось неплохо. Я похитила тебя, сообщила Фульгуру, что у меня есть сердце и его слуга — человек. Уродец купился на то, что я провела сто лет в подвалах, добросовестно ведя игру Анны и Владимира, а значит, озлоблена на них до крайности. Плюс это я помогла изгоем выйти на след сердца и я же помогла Петру выкрасть его. К сожалению, не угадала с числом изгоев, которых Фремиту взял на помощь, чтобы обчистить тот музей.

— На войне случаются жертвы, — скупно бросила Анна и мотнула головой. — Петр пал во имя великой цели. Естественно, Микаэла не брала твою кровь и никуда не отсылала. Метка работала и мы следили за тобой. Видели, что Микаэла поехала в Зеленый лес, где находилось логово изгоев. А дальше нам надо было лишь дожждаться знака.

— Уродцы не удосужились даже обыскать меня, — покачала головой Микаэла. — Осталось только активировать заряд и открыть семье дверь в логово Репробари. Но, справедливости ради, человек, если бы ты не помог Анне, то она бы не выстояла против Фремиту.

— Моя кровь, — тихо вздохнул Фил. — В ней все дело?

— Вампир, вкусивший человеческой крови, удесятерит силы. Она, как наркотик, увеличивает силу и скорость. Поэтому Фремиту бился, как псих, когда цапнул тебя.

— Только поэтому?

— Не только. Когда вы возбуждены, то ваша кровь наполнена адреналином. Мы в силу своей особенности лишены этого, поэтому предпочитаем сначала возбудить, а потом приступать к трапезе, — буркнула Микаэла. — Возбуждение может быть любым, но сексуальное сильнее всего. Адреналин зашкаливает и дает нам то, что необходимо для выживания. Ты был напуган и растерян, Филипп. Твоя кровь стала допингом для Анны и позволила ей сдержать не только Фремиту, но и Фульгура, пока ты не пронзил кинжалом изгоев сердце. Иными словами, ты спас жизнь не только своему племени, но и ей.

— И я хочу сказать спасибо, Филипп, — улыбнулась Анна, слабо сжав плечо Фила. — Жертва, принесенная тобой, была великой. Ты пожертвовал своей жизнью ради меня. А мы ценим это.

— Бла-бла-бла. Поцелуйтесь еще тут и потрахайтесь, — буркнула Микаэла, скрестив руки на груди. Она проигнорировала тихое шипение Анны, а потом облегченно вздохнула, когда дверь раскрылась, впуская в комнату маленькую фею.

— Совет ждет вас и мастера Уорда, — мелодично пропела она.

— Пошли, Филипп, пока Микаэле не пришла в голову очередная глупость, — строго произнесла Анна и нахмурилась, когда вампирша показала ей язык.

— То не глупость, а правда, сестренка, — усмехнулась Микаэла, указывая на шкаф. — Одевайся, человек. Совет ждать не любит.

В главном зале замка в этот раз кроме глав семей не было никого. Разве только черная Триада молча стояла в стороне. Фил робко поклонился им, но мантии даже не шелохнулись,

зато с трона встал Владимир и, подойдя к Филу, протянул руку. Фил осторожно её пожал, слабо поморщившись, когда железные пальцы главы семьи де Луна сжали пальцы слишком сильно, но в итоге улыбнулся и поклонился другим главам семей.

— Филипп Уорд, — громко произнесла Каелеа, уставившись на Фила жутковатым зеленым взглядом. Владыка Смарагд, как и всегда, была одета в зеленое платье, но широкие разрезы по бокам говорили о том, что Каелеа запросто сможет в этом платье не только бежать, но и вполне успешно драться.

— Госпожа, — поклонился Фил, как подсказала ему Анна, до начала церемонии. Сама она стояла рядом с Микаэлой в углу и задумчиво покусывала губу. Её спутница без лишней скромности попивала вино из пузатого бокала и стреляла заинтересованным взглядом в сторону Триады. Каелеа меж тем продолжила.

— Ты выказал доблесть в уничтожении проклятой реликвии, а доблесть мы чтим сильнее всех добродетелей. Моя семья благодарит тебя за это, — Каелеа вернулась на свое место, уступив право голоса могучему Вегейру. Тот поднялся с кресла тяжело, нахмурил брови, изучая бледного Фила, и его потрепанный вид темно-синими глазами, а потом заговорил.

— Филипп Уорд.

— Господин, — снова поклонился Фил.

— Без силы, в том числе и внутренней, ты не смог бы уничтожить сердце, а силу мы чтим более всех добродетелей. Моя семья благодарит тебя за это, — Фил поклонился в ответ и облегченно выдохнул. Синеглазый здоровяк немного его пугал, но улыбка Анны, когда Фил робко посмотрел в её сторону, вернула спокойствие в душу.

— Филипп Уорд, — мягко и тихо произнес Раду, поднявшись с кресла. Его лицо по-прежнему скрывал черный капюшон, но сама мантия была гораздо светлее, чем мантии Триады.

— Господин.

— Мы ценим ум свыше прочих добродетелей. Каким бы могучим ни был воин, он спасует перед более слабым, если тот умнее. Ты явил нам ум, которым так славятся Тенебра, и уничтожил сердце. Моя семья благодарит тебя за это.

— Филипп Уорд.

— Госпожа, — Фил повернулся в сторону Джии, голос который был по-прежнему тих и еле слышен.

— Ты пожертвовал жизнью, чтобы спасти других. Мы ценим жертву, как никто другой. И моя семья благодарит тебя за твою жертву, — она слабо улыбнулась и, подойдя к Филу, осторожно поцеловала его в щеку, вызвав знакомый жар и затаившееся в глубинах сердца желание.

— Филипп Уорд, — Фил улыбнулся Владимиру, который все это время стоял рядом.

— Господин.

— Я ценю одно лишь благородство, но оно крайне редко в жизни. Больше благородства я ценю тех, кто помог моей семье в минуту страшной опасности. Вы спасли мою дочь, господин Уорд, и я благодарен вам за это. Преклоните колена, — мягко произнес Владимир. Фил удивленно выполнил просьбу вампира, а тот, подойдя ближе, протянул свою руку с древним золотым перстнем, на котором была изображена луна в окружении бриллиантовых звезд. Осторожно поцеловав холодный металл, Фил вздрогнул, когда глава семьи положил свою руку ему на голову и продолжил. — Призываю в свидетели Совет Пяти и черную

Триаду. Этот человек доказал преданность моей семье, спас дочь и готов был пожертвовать жизнью, как и любой де Луна. Я с радостью называю Филиппа Уорда другом. Отныне ты часть нашей семьи, Филипп.

— Благодарю, владыка, — поклонился Фил. Ноги противно дрожали, в горле моментально пересохло, а в груди горел жар, как от яда изгоев.

— Не волнуйся, в вампира тебя превращать никто не собирается, — буркнула Микаэла среди звенящей тишины. Даже Раду Тенебра заинтересованно поднялся с кресла и о чем-то тихо говорил с Джией.

— Ах, да. Микаэла, — улыбнулся Владимир. Старый вампир поманил девушку к себе и, когда та подошла, велел так же преклонить колени. — Ты официально оправдана.

— И все? — хмыкнула вампирша, но тут же поспешила извиниться, когда глаза главы семьи моментально замерзли и угрожающе заблестели. — Благодарю, владыка. Одиночество превратило меня в жуткую стерву.

— Микаэла! — зашипела Анна, но Владимир, улыбнувшись, покачал головой и поднял руку.

— Не забывай, кто ты, дитя, — сурово произнес он и повернулся к Триаде. Те, все так же молча, поклонились и вдруг растворились в большом черном облаке, возникшем из ниоткуда.

— Триада одобрила твоё решение, Владимир, — буркнула Каелеа и поежилась. — Я бы чего-нибудь выпила.

— Прошу, — поклонился Владимир, указывая на стол с закусками. — Необходимо подкрепиться, прежде чем завершить Совет.

— Филипп, пошли, — шикнула Анна и поманила Фила за собой. Остального ему знать не полагалось и Фил, поклонившись, вышел из зала. Он еще не знал, что новость, о произошедшем в замке де Луна, облетела земной шар трижды с того момента, как он поднялся с колен. Впервые за всю историю, де Луна допустили в семью человека.

Личные покои главы семьи де Луна.

— Отец, весь мир бурлит.

— Я знаю. Более того, я надеялся, что так и будет, — Владимир усмехнулся и, подойдя к окну, задумчиво посмотрел на полную луну. — Все началось со слухов, когда я дал ему знак нейтрала, потом поползли сплетни, а сейчас весь мир обсуждает этого человека.

— Он человек.

— Знаю. Но очень умный человек. В его голове содержатся исключительные знания, в том числе о нашей истории. Я не могу упустить такую возможность, чтобы не укрепить позиции семьи. За несколько дней он умудрился расшифровать манускрипты, над которыми бились наши лучшие умы. Он слишком ценен, чтобы просто так отпустить его. Поверь, Смарагд, Малуа и Тенебра с радостью предоставили бы ему место в своих семьях. Но теперь они будут вынуждены обратиться ко мне, если им понадобится его помощь, а он, как благодарное существо, обо всем доложит мне.

— Понимаю, но риск все же велик.

— Конечно. Выбор, который делает человек, порой предсказать невозможно. Поэтому его племени удалось не только выжить, но и почти истребить нас, загнать в ночь и превратить в призраков, о которых рассказывают глупые сказки.

— Значит, Алая ночь...

— Она не закончилась. То, что Репробари не справились со шкатулкой, еще не говорит

о том, что они не найдут другие проклятые реликвии. В наших интересах найти их первыми. Если хоть одна семья перехватит реликвию, то чаши весов качнутся и определенно не в нашу пользу. Налей себе вина. Теперь ты понимаешь, зачем мне нужен этот человек? Он — наш компас. Тот, кто поможет найти проклятые реликвии раньше других семей и раньше Репробари. Я не хочу больше рисковать семьей. Де Луна всегда славились своей хитростью, которая позволяла обойтись без жертв там, где остальные теряли тысячи лучших воинов. Пусть гибнут Малуа, Тенебра, Смарагд или Санави. Мне плевать на них, но не на нас.

— А Триада?

— Триада... Им нет дела до наших войн. Для них они песчинка в водовороте времени. Им нет дела до нас. Да, они придут на помощь, когда будет нужно, но обязательно опоздают на несколько драгоценных минут. Понимаешь?

— Да, отец. Теперь понимаю.

— Рано или поздно время Триады пройдет и древние маги исчезнут в своем водовороте, потеряв связь с реальностью. Им куда веселее стравить всех между собой, а потом мудро пожурить пальцем победителя.

— Они промолчали, когда ты признал человека частью нашей семьи.

— О, поверь. Им не плевать на это, но молчание все же одобрение. Они затаятся во тьме и будут ждать, к чему приведет мое решение. Если бы они чувствовали опасность, они бы никогда не одобрили это. Наоборот, они видят одно лишь благородство, не замечая других добродетелей этого человека. А то, что он часть семьи... и пусть. Неблагой двор тоже часть семьи, а он стоит ниже, чем они. Ниже бесполезных старых фейри, понимаешь? Человек не узнает о том, о чем я не хочу, чтобы он узнал. Он будет знать лишь то, что я сочту нужным. И он будет верен.

— Надолго ли хватит его верности. Ты сам сказал, что он умный. А умным легче всего догадаться, когда их выставляют дураками.

— У него перед глазами только два пути. Не больше. Он не знает, что всегда есть вариант повернуть назад, спрятаться, затаиться, умолчать и предоставить право сделать выбор другим, а потом наблюдать, как они сгорают от неправильного решения. А мы знаем об этих путях и видим их. Не забывай об этом и не сравнивай человечество с нами. Да, он благороден, умен и тактичен, но, как я уже говорил, его племя не славится постоянством.

— Значит, когда он найдет реликвии, то станет ненужным?

— В нашей истории много белых пятен, которые необходимо заполнить. Кто знает, может человек будет полезен и здесь. Но пока, повторю, я предпочитаю держать его рядом. Тебе все понятно, Петр?

— Да, отец, — высокий мужчина, очень сильно похожий на Владимира, кивнул и откинулся в кресле. Он на секунду задумался, а потом задал вопрос, который уже ждал глава семьи де Луна. — А что насчет Анны?

— Для неё он лишь игрушка. Ручной зверек, который жаждет ласковой руки, а не плети, — усмехнулся старый вампир. — Пусть она этого пока не понимает, но обязательно поймет.

— И никто по-прежнему не должен знать, что я жив?

— Нет. Не время, сын мой. Для тебя у меня есть другое задание.

— Куда нужно ехать? — улыбнулся Петр, вставая с кресла. Владимир молча протянул ему белый конверт с печатью семьи и тихо добавил.

— Прочти и узнаешь. Об этом никто не должен знать. Только я и ты.

— Да минет нас Алая ночь, отец, — вампир проводил сына взглядом и вернулся за стол, на котором лежала раскрытая толстая книга в темно-красной обложке. На гравюре, в половину листа, был изображен украшенный камнями кубок и иссохшая рука.

Клуб «Зеленая фея».

— Как можно писать такую белиберду?! — возмутилась Микаэла, бросая на стойку, за которой сидел Фил и Анна, толстую книгу с яркой обложкой, изображавшей красивую девушку с огромным мечом, которая сидела верхом на драконе. — И человечество это покупает?

— Я рад, что тебе так понравилось мое творчество, — улыбнулся Фил, делая глоток виски из стакана. Анна, сидящая рядом, слабо улыбнулась и, взяв книгу, погрузилась в аннотацию.

— Понравилось? Значит, белиберда для тебя комплимент? — фыркнула вампирша, подзывая бармена. — Дарак, будь добр, налей мне фирменный коктейль. Надеюсь, он смоем эту хрень из моей головы.

— Момент, Микаэла, — кивнул бармен.

— Это был сарказм. К сожалению, писателям тоже надо кушать, — Фил посмотрел на чуть зажившую руку, которая все равно выглядела очень уродливо. Оранжевое пламя превратило её в жуткую конечность, но санавский бальзам, который Фил сразу же закупил оптом на благодарность де Луна, понемногу превращал руке прежний вид.

— Кушать? Да лучше помой из бака жрать, чем потчевать читателей этим, — покачала головой Микаэла. — Я потратила три часа своей жизни на твою книгу, Филипп.

— Я предупреждал, что тебе она может не понравиться. — хмыкнул тот, а потом сразу посерьезнел. — погоди. Три часа? Seriously?

— Да, мы читаем быстро, — тоном, в котором сквозило превосходство, ответила Микаэла и насупилась. — Seriously, Филипп. Кому могут быть интересны приключения такой тупой бабы, как эта леди Онейд? Я удивлена, как она вообще до второй главы дожила. Не иначе у Тенебра амулет удачи прикупила.

— А что с ней не так? — спросила Анна. — Она умна, красива и водит старый Форд?

— Нет, Мустанг, — оскалилась Микаэла и покачала головой. — Если серьезно, она — это ты, только в квадрате. Все у нее получается, все от нее без ума, а тысячи стрел, которые выпускают орки, чудом попадают в её бронелифчик, который только сиськи закрывает. А еще она красива, что только одно описание этой леди Онейд на две страницы растягивается, а манера разговаривать... Мне жуть как хотелось её убить, высушить, закопать, потом откопать, потом сжечь и в итоге скормить прах парочке слишком уж уродливых Репробари, но даже дерьмо изгоев, в которое бы превратилась эта девица, не успокоило бы мою ярость. Скажи, Филипп. Это действительно покупают?

— Да. «Приключения леди Онейд» разошлись тиражом примерно три тысячи экземпляров, — буркнул Фил. — Для бумажной книги — очень неплохо, учитывая, что все давно на электронки перешли. Вроде в Чехии даже фан-клуб есть, а каждую весну девочки наряжаются, как леди Онейд и устраивают игры на свежем воздухе.

— Ужас.

— Это нравится людям, Микаэла. Им хочется читать про успешную героиню, которая красивая, умная и легко всего добивается, чем продирается через авторские лабиринты какой-нибудь серьезной драмы. Книжки про людей, которые попадают в иные миры, тоже популярны.

— О, тогда обязательно опиши наш мир.

— Не в те миры. В прошлое, в альтернативные вселенные. Почитай к примеру «Александр Ли и говорящий обелиск».

— Тоже твоё творение?

— Да.

— Я подумаю. Очень крепко подумаю, Филипп, — саркастично протянула вампирша и, кивнув бармену, пригубила коктейль.

— Но я веду дневники о вашем мире. Ваша история пересекается с нашей и полна скрытых сюрпризов.

— Ты про Чахтицкую пани? Елизавета Тенебра, она же Батори, — спросила Анна и вздохнула. — Да, Раду до сих пор старательно сглаживает эту тему на карнавалах.

— Ещё бы, — фыркнула Микаэла. — Первая чокнутая красotka из Тенебра. Раду с трудом удалось замять эту историю, и лишь благодаря вмешательству ле Луна он получил тело графини. Её диадема до сих пор считается утерянной.

— Одна из проклятых реликвий, — кивнула Анна. Фил закурил и, достав из рюкзака, стоящего рядом со стулом, небольшой дневник, углубился в записи.

— Среди слуг графини, которые были казнены, только Беницка избежала страшной участи, но была приговорена к пожизненному заключению. Книга паромщика из Чейте упоминает некую Бенни, которая отплыла в компании двух рослых мужчин в ночь после оглашения приговора.

— Да. Ходили слухи, что эта девка и сдала Елизавету людям, а те дали ей свободу, — тихо буркнула Микаэла. — Так что Беницка запросто могла спрятать диадему Елизаветы, когда бежала из замка. Но это сказки.

— Это не сказки, — хмыкнул Фил, показывая девушкам зарисовку из дневника. — Я кое-что узнал. Во время пересечения границы была составлена опись вещей этой Бенни. И среди них была обнаружена диадема, причём Бенни её отдали, хотя известно, что в то время отбиралось всё ценное. Но дальше след теряется. Анна, а что это за проклятые реликвии? Мне часто встречалось это обозначение в древних книгах и, если я правильно понял, сердце Беллариэля было одной из них.

— Да. Наша история хранит воспоминания о тринадцати проклятых реликвиях вампиров. На первом Совете была достигнута договоренность, что ни одна семья не вправе владеть хотя бы одной проклятой реликвией. Каждая из этих реликвий — источник колоссальной энергии, но энергии темной, не поддающейся контролю. Вампиры, владевшие этими реликвиями, были прокляты своими семьями, а реликвии, согласно Клятве, спрятаны. Некоторые из них были украдены, но семьи, в том числе и де Луна, тщательно отслеживают аукционы и различные торги, в надежде на то, что реликвии где-нибудь всплывут.

— И каждая из них способна дать свободу Репробари?

— Не только, человек, — ответила Микаэла. — Реликвии способны усилить семью, которая ими владеет. А ещё изменить. Как ты думаешь, почему Елизавета сошла с ума? Она была одержима вечной молодостью, а вампиры стареют. Не так, как люди, но стареют. В погоне за бессмертием Елизавета создала диадему, которая требовала свежей крови, а взамен давала хозяйке молодость. Но темная энергия вырвалась из-под контроля Елизаветы и Тенебра были вынуждены изгнать Елизавету из семьи, когда та убивала не ради пропитания себя, а ради кормления реликвии. К сожалению, диадему ей удалось спрятать, ну а дальше человечество познакомилось с чудачествами Кровавой графини. Кажется так ее

назвали ваши летописцы?

— Да. Одно из прозвищ, — криво улыбнулся Фил.

— Елизавета потеряла голову от жажды вечной молодости, и это привлекло внимание инквизиции. Тенебра с трудом решили проблему и предпочитают о ней не вспоминать, а диадема канула в лету, Филипп, — закончила Микаэла и, подзвав Дарака, повторила заказ. — Еще коктейль, пожалуйста.

— Момент, — кивнул тот, но вампирша задумчиво пропустила его улыбку и повернулась к Анне.

— Еще никому не удавалось подчинить себе темную энергию, Филипп, — тихо произнесла девушка, закрывая дневник. — Отец созвал Совет Пяти не только ради тебя. Он призвал их озаботиться совместным поиском проклятых реликвий, но главы семей отказались.

— Почему?

— Глупенький человечек, — съязвила Микаэла. — Это тебе не с вампирами целоваться и потом терять сознание от страсти. Каждая семья знает, что желание владеть реликвией сильнее разума. Это риск, на который пойдет далеко не каждый. Даже туповатые Малуа знают, чем это грозит.

— Войной и новой инквизицией, если энергия вырвется из-под контроля? — Фил кивнул, когда понял, что сам ответил на вопрос.

— Сердце Беллариэля было мечтой Репробари и одной из реликвий, которые нам не страшны. Но есть и другие, куда более опасные, — тихо ответила Анна. — Семьи, пусть и негласно, ищут их, чтобы уничтожить, но перед этим внимательно изучить. Если кому-то удалось хотя бы на краткое время обуздать поток темной энергии, то значит создать новую реликвию тоже возможно. Проклятые, которые владели реликвиями, не оставили никаких записей, а в тех, что остались, есть лишь слабые намеки, которые почти бесполезны.

— Почти, — с нажимом ответил Фил.

— Да. Почти. Нам известно, что это за реликвии, и какую власть они дают. Следы и места их пребывания нам неизвестны. Они скрыты в летописях и древних манускриптах, которые пылятся в библиотеках семей. Мы несколько сотен лет потратили на расшифровку информации о сердце Беллариэля, пока не появился ты.

— О таких героях должны быть твои книжки, человечек, — фыркнула Микаэла, заставив Анну улыбнуться. — А не о бабах в бронелифчиках, которые летают на драконах.

— Поэтому твой отец позволил мне работать в библиотеке? — нахмурившись, спросил Фил, но Анна выдержала его взгляд и кивнула. — Чтобы найти реликвии?

— И уничтожить их. Ни человечество, ни вампиры не переживут еще одну Алую ночь, Филипп. Проклятые реликвии должны быть найдены и уничтожены, чтобы равновесие сохранилось. Иначе миру, который ты знаешь, придет конец.

— Все, как в твоих книжках, Филипп, — улыбнулась Микаэла, потрепав покрасневшего Фила за щеку. Тот вздохнул и залпом допил виски, после чего внимательно посмотрел на Анну.

— Их тринадцать?

— Да. Мы называем их Кровавым зодиаком, — поморщилась Анна. — Но одна реликвия уже уничтожена.

— Осталось двенадцать, — меланхолично буркнула Микаэла. — Всего-то найти их и уничтожить.

— А можно поподробнее, что это за реликвии? В библиотеке я наткнулся только на диадему Елизаветы Батори.

— О них неприято говорить, поэтому слушай внимательно и записывай, Филипп, — Анна подалась вперед, обдав ухо Фила нежным дыханием. Тот покраснел, поймав взгляд Микаэлы, а потом погрузился в дневник, держа наготове карандаш. Девушка нахмурилась, коснулась знака луны, который тускло блеснул во мраке клуба и продолжила тихим, почти отсутствующим голосом. На мгновение Филу показалось, что её голос дрожал.

— Диадема Елизаветы Батори, золотой кубок графа Варгоши, кинжал Генриха Шпатца, кольца Саксонских братьев, трость Романа Стропикаро, сердце Белларизэля, скальпель Лондонца Джека, глаза Одд и Эйнар Малуа, серебряная перчатка Мюрин Смарагд, меч Влада Третьего, перстень Луи де Лежа, золотая маска Драгоша и клыки Лилит — праматери вампиров.

— Но это реально существовавшие личности. По крайней мере многие из них, — остолбенев, выдохнул Фил. Анна пожала плечами и нехотя кивнула.

— Вампир не может без семьи и, когда изгоняется, присоединяется к Репробари, но проклятые, которые овладели темной энергией, не нуждались ни в семье, ни в стае изгоев. Тьма питала их, порабощала сердца и уродовала души. Это темные страницы нашей истории, Филипп.

— Проклятые реликвии, черт их возьми, — ругнулась Микаэла, допивая коктейль.

— Тебе известно, что они творили? — тихо спросила Анна. Фил кивнул в ответ, зная, что та скажет дальше. — Представь, если реликвией завладеет какая-либо семья.

— Это будет конец, — прошептал Фил, закуривая сигарету. Только что казавшееся обычной легендой и сказкой, вдруг превратилось в нечто страшное и реальное.

— Теперь ты понимаешь, почему нельзя допустить, чтобы хоть одна семья завладела проклятой реликвией.

— Мы найдем их, Анна. Обязательно, — серьезно ответил Фил, сжав руку вампирши. Та слабо улыбнулась и кивнула в ответ.

— Тогда вам нужна девица в бронелифчике, — мрачно сострила Микаэла, повернувшись к Филу. — С чего собираешься начать, человек?

— С библиотеки, — вампирша улыбнулась и, допив коктейль, кивнула.

Эпилог.

Ватикан. Bibliotheca secreta.

Секретная секция библиотеки Ватикана была расположена на глубине примерно восемнадцати метров. Там, в огромных залах без окон, хранились миллионы древних манускриптов, инкунабул и фолиантов, которые видели лишь единицы. Воздух был холодным, что обеспечивало ценным артефактам комфортную среду, а тишину не прерывало даже гудение кондиционера. Обычно яркий свет галогеновых ламп под потолком сейчас был тускл, а некоторые лампы были разбиты и их хрустящие осколки покрывали стерильно белый пол.

Отец Питер ди Монакье, ведущий библиотекарь, нахмутив брови, осторожно заглянул в помещение секретной секции и зачем-то понюхал воздух, после чего скривился и зажал нос пальцами. В воздухе, в котором раньше слабо пахло пылью и легким запахом лимона, сейчас витали тяжелые ароматы псины и пота. Где-то вдалеке, за высокими шкапами с книгами и свитками, слышалось слабое шуршание и тихое бормотание. Отец Питер покачал головой и, взяв со стола фонарик, медленно направился на источник шума.

Дважды он наступал на осколки ламп, которые слабо похрустывали под каблуками лакированных туфель, и, поморщившись, останавливался. Но кто-то по-прежнему шуршал вдалеке книжными страницами и негромко бормотал. Расслышать слова было невозможно и, Питер, закусив губу, двинулся на звук, держа палец на тревожной кнопке, которую зажал в мокрой от волнения ладони. И чем ближе подходил Питер к звуку, тем сильнее боялся. Отца Питера никто не мог назвать трусом. Наоборот, он одним из первых беспрекословно выезжал на поиски древних книг, невзирая на опасности, которые его поджидали. Но сейчас ощущение тошнотворного ужаса медленно сдавливало сердце мужчины. Отец Питер выключил фонарик и, задержав дыхание, осторожно заглянул за один из шкафов, откуда и слышался звук.

В промежутке между шкафами с ценными книгами стоял рослый незнакомец в странной одежде, украшенной шкурами. Он стоял спиной к отцу Питеру и медленно листал какую-то книгу. Наметанный глаз библиотекаря сразу же определил фолиант. «Трактат святого Луиса из Льежа о тварях ночных и злобных». Незнакомец тихо разговаривал сам с собой и что-то записывал в черный блокнот, лежащий рядом на столе. Но когда отец Питер подал голос, он даже не дернулся. Наоборот, тихо усмехнулся.

— Что вы здесь делаете? Я не получал сведений о том, что в секции кто-то будет работать, — громко и строго произнес отец Питер.

— Ищу кое-какую информацию, — вкрадчиво ответил незнакомец. Голос у него был неприятным, хриплым и в нем проскальзывали лающие нотки. — Впрочем, вы можете мне помочь, святой отец.

— Покажите ваш пропуск, — незнакомец вздохнул и повернулся к Питеру, который отпрянул и в ужасе уставился на страшное лицо. Чуть вытянутая шишковатая голова, распухший, перебитый нос с широкими ноздрями, толстые, влажные губы и мохнатые брови. И глаза — темно-желтые, почти оранжевые. Когда незнакомец улыбнулся, в мраке библиотеки блеснули его клыки. Слишком длинные и острые для человека. Отец Питер судорожно сжал тревожную кнопку, но незнакомец резко бросился в его сторону и сбил священника на пол, после чего, посмеиваясь, раздавил устройство каблуком сапога.

— Не стоит звать сюда людей, святой отец. Лишний шум и лишняя возня утомляют, знаете ли. Но я ждал вас.

— Меня?

— Ага. Секретная секция очень большая. Здесь много занятных книг и артефактов, но я ищу кое-что особенное.

— Вы понимаете, что прокляли свою душу и обрекли её на вечный огонь? — отец Питер схватился за распятие, висящее на груди, и сжал его побелевшими руками.

— О, давайте обойдемся без нудных проповедей о проклятых душах. Одно проклятия мне хватило, — поморщился гость, облачиваясь на шкаф. Он потянул носом воздух и растянул уродливые губы в улыбке. — Поэтому в ваших интересах мне помочь как можно быстрее. Видите ли, я ограничен во времени, как это не прискорбно.

— Что вам нужно?

— Её клыки, — отец Питер вздрогнул, как от пощечины, и побледнел. — Да... Вы знаете, о ком я.

— Проклятая мать, — выдохнул священник и осенил себя крестом.

— Да. Это одно из её имен, но я предпочитаю другое. Гордая. Знаете почему?

— Нет.

— Она отказала высшим силам, когда те насильно принудили её к сожительству со скотом, — с издевкой ответил незнакомец, подходя ближе. Он присел на корточки и внимательно изучил перепуганного священника. — И дала жизнь нам. Мы должны владеть землей, а не вы, человек.

— Я знал, что однажды встречу с вами лицом к лицу, — вздохнул отец Питер. Незнакомец поднял бровь и улыбнулся. — Вы из Репробари. Вы вампир?

— Абсолютно верно, — кивнул тот. — Но мы отклонились от темы. В «Малой демонологии» брата Иоганна сказано, что Лилит была изгнана из Рая. В книгах моих братьев сказано, что она подняла восстание против людей. Первая, кому не понравилось действующее положение дел. К сожалению, Темная мать проиграла войну, и людишки казнили её. Несмотря на силу, которой она владела, Лилит не смогла справиться с предательством самых близких.

— Её тело разорвали лошадьми, а затем сожгли на рассвете, — тихо добавил отец Питер. Вампир усмехнулся и кивнул.

— Верно. Так гласит легенда, но я знаю, что кое-что, принадлежащее Лилит, все же уцелело. Речь о её клыках, — отец Питер метнул быстрый взгляд на книжную полку, но вампир хитро улыбнулся и, проследив направление, подошел к фолианту в черно-красной обложке. — В интригах вы слабы, святой отец. Хотя, чего еще ждать от вашего племени.

— Никто не знает, где были спрятаны клыки Проклятой матери, — ответил отец Питер, но вампир покачал пальцем и углубился в книгу.

— Вам хватило ума оставить подсказки, — улыбнулся он. — Сами себе вырыли могилу, святой отец. Глупые, глупые человечки.

— Большая часть информации о реликвии уничтожена, — хрипло ответил священник. — Подсказки ничего вам не дадут.

— Кроме направления, разве что, — перебил его вампир. Оранжевые глаза внимательно изучали страницы, и в них медленно разгорался огонек торжества. — Этого будет достаточно. Конечно. Святая земля. Где еще могли спрятать величайший артефакт вампиров, как не на Святой земле.

— Вам ни за что не найти их.

— В самом деле? — хрипло хмыкнул вампир, пряча книгу в грязную сумку, которая лежала на столе. Он перекинул сумку через плечо и снова опустился на корточки рядом с отцом Питером. В нос священнику ударил тяжелый запах псины, пота и крови. Вампир удовлетворенно улыбнулся и ткнул уродливым пальцем в грудь священнику. — Благодарю за помощь, святой отец. Скажите, вы любите молиться?

— В молитвах мы становимся ближе к Отцу.

— В таком случае, молитесь. Потому что когда я найду клыки Темной матери, то с удовольствием навещу ваш райский уголок, — черты лица вампира стали еще уродливее, а кривые клыки удлинились, заставив отца Питера отшатнуться и вжаться спиной в шкаф с книгами. — Он потонет в крови последним. Считайте это моей благодарностью за помощь. Прощайте, святой отец.

Когда вампир исчез, отец Питер еще долго не мог прийти в себя. Наконец, поднявшись, он подошел к столу и, нахмурившись, погрузился в книгу, которую листал вампир. Затем, достав из кармана ряссы мобильный телефон, быстро набрал номер и поднес телефон к уху.

— Это отец Питер ди Монакье, — тихо произнес он в трубку. — Код «Икс-Тринадцать». Нет, Ваше Святейшество. Они хотят собрать весь Кровавый зодиак. Думаю, что

орден святой Ангилины должен быть посвящен в это. Да, Ваше Святейшество, я займусь этим немедленно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Из личного дневника Филиппа Дж. Уорда

Семья де Луна:

Символ — скорбная луна на фоне звезд. Цвет семьи — бежевый и все светлые тона.

Глава семьи — Владимир. Предположительный возраст — около 700 лет.

Где обитают: Фамильный замок на востоке Берлина.

Отличительные черты: Высокие. Выше остальных представителей своего вида. Глаза у всех светло-серые. В моменты жажды или сильного гнева цвет заливает всю радужку и прячет зрачок. Отличаются невероятной реакцией и хитростью. Способность, которой владеют де Луна, до сих пор мне неизвестна.

История: История семьи тщательно охраняется от чужаков. После третьей Алой ночи пришли в немецкие земли с восточных земель. Предпочтение отдают славянским именам, но идентифицировать их по этому признаку не удалось. Количество изгоев из этой семьи минимально, а точные сведения о благосостоянии закрыты от любопытных глаз. Согласно рукописям, хранящимся в библиотеке, некоторые члены семьи де Луна способны управляться с энергией земли не хуже Тенебра, но де Луна тщательно скрывают их от других семей. Защиту семьи осуществляет особый отряд «Бледных лучниц», в который входят самые преданные и сильные члены семьи. Их оружие изготовлено из странного металла: легкого, но невероятно прочного.

Семья Смарагд:

Символ — Зеленоглазая змея на черном. Цвет семьи — зеленый и все его оттенки.

Глава семьи — Каелеа. Предположительный возраст — неизвестен.

Где обитают: Замок на юге Берлина и несколько частных домов в пригороде, где воспитываются дети.

Отличительные черты: Ниже прочих представителей своего вида, но широки в плечах и коренасты. Рыжеволосы. Глаза светло-зеленые. В моменты жажды или гнева цвет заливает радужку и прячет зрачок, как и у других семей. Отличаются невероятной силой, задиристы и непокорны. Способность — безумие, на определенное время делающая вампира этой семьи практически неуязвимым и удесятерившая его силы. Лишь немногие из семьи способны поддерживать транс больше пяти минут.

История: Вернулись последними из Англии, когда закончилась третья Алая ночь. Изначально планировали осесть на севере, но столкнулись с Малуа, в связи с чем враждуют до сих пор. Тяжело переживают предательство близких и спустя сто лет после изгнания устраивают на изгоев охоту. Черепа изгоев из этой семьи украшают зал замка Смарагд и трон Каелеи. Защиту семьи осуществляет группа, носящая имя «Зеленые Безумцы» и состоящая из тех, кто способен поддерживать транс больше десяти минут. Библиотека Смарагд считается наиболее полным собранием сведений о вампирской истории, но доступ к ней есть только у тех, кто принадлежит или служит семье.

Семья Малуа:

Символ — голубоглазый волк. Цвет семьи — синий и его оттенки.

Глава семьи — Вегейр. Правая рука — его брат Ингольв. Предположительный возраст — неизвестен.

Где обитают: Закрытое поселение на севере Берлина.

Отличительные черты: Высокие, крепкие и сильные. Блондины по большей части. Глаза

темно-синие. Сильны, быстры и безрассудны. Часто поддаются гневу, который затмевает им глаза. До сих пор враждуют со Смарагд из-за давнего спора о наследовании земли. В бою предпочитают орудовать тяжелыми топорами, дубинами и тяжелым огнестрельным оружием. Способность — телепатия. Однако действует только между членами семьи и на другие семьи не распространяется. Открыто презирают человечество и за все время существования семьи ни разу не допустили человека в свой дом.

История: Прибыли из Скандинавии одними из первых, но сразу же заняли нейтральную позицию по отношению к другим семьям. Изгои из этой семьи так же малочисленны, как и у де Луна. Более того, семья, воспитавшая изгоя, изгоняется вместе с ним и прощение ей даруется лишь в том случае, если она принесет его голову главе Малуа. Защиту семьи осуществляет отряд «Льдяная Стая», ведомый твердой рукой Ингольва. Многие семьи меняют тему, если кто-то упоминает в разговоре Стаю. Со слов Микаэлы, по свирепости и злобе Стая стоит выше Зеленых Безумцев.

Семья Тенебра:

Символ — черный нетопырь. Цвет семьи — черный.

Глава семьи — Радуга. Предположительный возраст — старше всех живущих вампиров.

Где обитают — Подземный город под старым Берлином.

Отличительные черты: Уродливые создания, которые прячут свои лица за иллюзорными масками. Хитрые и расчетливые торговцы. Глаза черные. В одежде предпочитают черные мантии с капюшоном, который скрывает лица. Сильные маги. Выходцы из семьи лучше всех прочих владеют энергией и единственные, кто способен заключать энергию в вещи, создавая различные амулеты и артефакты. Женщины Тенебра, не в пример мужчинам, невероятно красивы, преданы мужьям и молчаливы. Они редко выходят на поверхность, предпочитая заниматься домом. Иногда появляются на балах и официальных приемах, но только в компании своего супруга.

История: Пришли с восточных земель одними из первых. Предпочитают наблюдать, а не действовать. Дали приют Черной триаде — безликим вампирским магам, которые изредка выходят на поверхность. О них мало, что известно, кроме того, что ни один разведывательный отряд, рискнувший спуститься в подземный город, так никогда и не вернулся обратно. В конфликтах так же держат нейтралитет, открыто выступают лишь при непосредственной угрозе семье.

Семья Санави:

Символ — Разбитое сердце на красном. Цвет семьи — красный и его оттенки.

Глава семьи — Джия. Предположительный возраст — неизвестен.

Где обитают — Закрытое поселение в западной части Берлина.

Отличительные черты: В этой семье только женщины и мужчинам нет места. Держатся в стороне, в открытые конфликты не вступают, потому что сосредоточены на сохранении своей семьи. Глаза темно-красные. Большинство членов этой семьи — обращенные люди, из-за чего наиболее благосклонно относятся к человечеству. Владеют искусством врачевания и алхимии, а их бальзамы и мази — лучшее, что только можно найти.

История: История семьи покрыта тайной. Никто, кроме глав других семей, не знает, откуда пришла Джия и почему она решила образовать семью. Предположительно Джия первой из людей была обращена в вампира. Несмотря на благосклонность к людям, держатся закрыто и в конфликтах предпочитают не участвовать, но защиту семьи осуществляют «Сестры Огня» — наиболее сильные и опасные выходцы из других семей, примкнувших к

Санави. Их ненависть к изгоям Репробари сильнее, чем у прочих семей. Поговаривают, что основой лекарств является как раз яд, выделяемый изгоями, и который добывается в редких, но кровавых вылазках «Сестер».

Изгои Репробари: Возможно, их стоит именовать стаей?

Символ — Обезглавленный голубь. Цветов не имеют.

Вожак стаи: Фремиту. Возраст — неизвестен.

Где обитают: Главное гнездо постоянно меняется. Последнее, разоренное общими усилиями вампирских семей, находилось в Зеленом лесу на окраине Берлина.

Отличительные черты: Из-за проклятия с каждым годом утрачивают облик, превращаясь в уродливых созданий, похожих на помесь волков и людей. В моменты ярости их звериная сущность выходит на первый план. Цвет глаз — оранжевый. Способность — яд, который содержится в их когтях и клыках. Этот яд не смертелен для вампиров, но серьезно ослабляет их. Вожаком стаи становится самый сильный из изгоев.

История: Первым изгоем был Беллариэль, чье сердце стало первой проклятой реликвией, способной вернуть изгоям семью. После уничтожения реликвии изгои затаились. Ходят слухи, что Фремиту всерьез озаботился поисками других реликвий и жаждет собрать Кровавый зодиак, чтобы отомстить за смерть отца.

Пометка* собрать информацию о Кровавом зодиаке*.

Больше книг на сайте - Knigoed.net